

АЛЕКСАНДР ЛЫСЕНКО

**ПУЛЬС
ЮНОСТИ**

Повесть, рассказы, стихи

Орёл-2021

ББК 84(2=411.2)6

Л-88

Лысенко А. И.

Л-88 Пульс юности. Повесть, рассказы, стихи / Редактор
А. И. Кондратенко, доктор филологических наук. –
Орёл: издатель И. А. Лысенко, 2021. – 208 с.

ISBN 978-5-87295-310-4

Повесть о студентах «Пульс юности» охватывает период с конца 60-х до начала 70-х годов. Автор показывает в форме дневника повседневную студенческую жизнь с её радостями, страстями и неудачами. Прослеживается момент взросления студента от беззаботного юноши, случайно выбравшего физико-математический факультет после школы, до вполне состоявшегося молодого учителя математики, готового профессионально обучать и воспитывать молодое поколение. Показано многообразие культурной жизни студенческой поры, которое проходит «как с белых яблонь дым» и не даёт опомниться всю последующую жизнь. Видна разница взглядов на семейную жизнь девушек-студенток и их коллег юношей в этот удивительный период. Изменены фамилии, изменены имена, всякие совпадения случайны.

Сюжеты рассказов взяты из личного опыта и контактов с героями повествований. Небольшая подборка стихотворений говорит, что автор грешил и этим видом творчества.

ББК 84(2=411.2)6

Л-88

На 1-й странице обложки фото В. Г. Дышленко.

© А. И. Лысенко, 2021

ISBN 978-5-87295-310-4

© Издатель И. А. Лысенко, 2021

**ПУЛЬС
ЮНОСТИ**
ПОВЕСТЬ

АБИТУРИЕНТ

ОТПЛЫВАЯ ИЗ ШКОЛЬНОЙ СТРАНЫ...

26 мая.

Сегодня последний звонок. Что меня потянуло взяться за перо, сам не знаю. Может быть, новый красивый блокнот, а может быть, просто майское утро.

Чистая и свежая зелень растений и деревьев залита ослепительным солнцем, ни ветерка, тепло, природа замерла в почетном карауле в честь окончания самого удивительного и прекрасного отрезка жизни длиной в десять лет.

Только что закончилась торжественная линейка, на которой вся школа провожала нас в последний день занятий. Может быть, когда-то мы будем смотреть на этот день по-другому, но сегодня все кажется, с одной стороны, обычным – торжественная линейка, белые фартуки девчонок от первого до десятого класса, белые рубашки мальчишек, море цветов..., а с другой – что-то новое появилось в глазах учителей, кроме обычной строгости и внимательности; мы впервые увидели слезы любви, душевной теплоты наших наставников, впервые неумолимо пахнуло горечью расставаний, несмотря на то, что все еще были здесь вместе. И наша Лидия просто утопала в цветах и слезах в окружении зареванных девчат нашего класса. Интересно, получатся ли снимки, которые я делал своей старенькой «Сменой-2» в самые интересные моменты: уж очень хочется сделать всем на память по несколько фотографий. Зачем-то придумали после такой впечатляющей линейки проводить уроки. У нас никакого настроения что-то отвечать вразумительно, да и у педагогов, думаю, не лучше, хотя они пытаются нахмурить брови и придать строгий вид, держа свою марку до победного конца.

Интересно смотреть, как все сидят в классе на своих местах и мучительно изображают трудолюбивых учеников, то и дело срываясь на обычные школьные шалости.

Вовка Агатов – верзила под два метра – по привычке дергает за волосы Наташку Назаренко, та ловит момент, когда учитель отвернется к доске, чтобы треснуть книжкой по башке обидчику.

Колька Чудаков свернул трубочку из листа бумаги и чем-то плюётся на первые ряды.

Вовка Малков зевает с риском вывихнуть челюсть.

А я вот сижу и пишу, кто что делает в последние минуты школьной жизни. Действительно, разве можно представить, что ни завтра, ни послезавтра уже не будет школьных уроков, и никогда мы не будем всем классом заниматься одним общим делом. Чего это меня потянуло на такие размышления? Не знаю, но записывать свои мысли почему-то приятно. Отдал свой блокнот девчонкам, с которыми в приятельских отношениях, пусть в этот знаменательный день запишут мне на память все, что они обо мне думают.

Люба Дроздова:

«Да, я знаю Сашу уже два года, одно могу сказать, характер у него сложный, и до сих пор я его не совсем понимаю. Не отнять у него гордости, но и самолюбия. Не отрицаю – умен».

Лида Хрыкова:

«Саша! Ты извини, что я пишу, хотя ты меня не просил. Меня попросила об этом Ленка. Что я о тебе думаю? Ты веселый, очень самолюбивый, но бывает такое, что ты зазнаёшься. Это мне в людях не нравится. Ты ставишь себя выше некоторых одноклассников. Вот и все».

Ленка Хрулёва:

«Саша Шевченко – хороший мальчик. Саш, знаешь, мы с тобой дружим уже два года, но, знаешь, если бы меня попросили о тебе что-либо написать или рассказать, я, наверное, пришла бы в затруднение. Мы дружим, дружим хорошо (для глаз других). А нас с тобой эта дружба не удовлетворяет. Почему? Может быть в этом кто-то виноват? Нет, виноваты сами. Ну ладно, не буду отходить от темы. Мы дружим, а ведь я тебя совсем не знаю. Ты не обижайся, но это так. Знаю, ты любишь мечтать. Я тоже люблю, и моя мечта

всегда у меня в сердце. Ведь я иногда начну говорить, а ты смеёшься. Но не только ко мне ты относишься вот так свысока, а ко многим. Я не хочу, чтобы это было так. Никогда не говори с человеком с иронией. Пусть ты не веришь в его мечту, пусть она тебе кажется смешной, ты должен пересилить себя и не смеяться. Должен вникнуть в смысл сказанного; если он рад, радуйся вместе с ним. Говори всегда правду. Смотри правде в глаза. Сашка, ты какой-то скрытный. Вот я не знаю никогда, что у тебя на сердце, да и ты никогда не узнаешь, что у меня, ты не знаешь, что я..., ты думаешь, что я просто так, но все это глупо. Ты никогда ничего не узнаешь. Пусть мне будет больно, горько, но никогда я тебе этого не скажу. Никогда... Ты очень хитрый Мальчишка, но в чем твоя хитрость, я не знаю. Но эта черта в тебе есть».

Вот тебе на! Минаева с Аллас начали жечь бумаги в парте и хихикать. Петр Михайлович, наш физик, разозлился и вышел из класса. Они помчались вслед извиняться. Наконец-то последний урок! Маргарита Борисовна пытается сказать нам что-то о литературе. Но в воздухе уже витает разлука. Последние минуты в стенах школы, но никто этого еще не понимает. Все устали, одни дремлют, другие обсуждают свои проблемы. Редко, кто слушает учителя. Пройдут эти несколько минут, и мы разбредёмся по белу свету, каждый своим путём, наверное, никогда уже в такой атмосфере уже не встретимся.

За окном, как обычно, майская суета солнечного дня, отучившиеся малыши идут домой. Им еще не один год топать в эту школу.

Из школы мы шли, как всегда, с Ленкой, как всегда, я проходил мимо своего дома, провожая её, и, как всегда, бабки у подъезда любезно здоровались и улыбались. Им очень нравилась наша пара.

6 июня.

Обычный день, консультации по математике. Я пригласил Ленку на речку после занятий. Она отказалась, потом передумала, но мы с ребятами уже ушли. И это послужило поводом для нашей большой ссоры.

На следующий день, придя в школу, я заметил, что Ленка старается меня избегать и вообще не смотрит в мою сторону. Потом пригласила к себе за парту Вовку Волошина и стала с ним весело болтать. Меня это крепко озадачило. Я психанул и ушёл с консультации, унося в душе её необычный холодный взгляд. В этот день она из ума не выходила. Что это было? Игра или ненависть ко мне? Но вот такая «новая», она мне понравилась намного больше. Я ждал её весь оставшийся день дома, но она и не думала приходить.

Вечером она шла в магазин, но даже не взглянула в сторону моего окна. А я в душе клял себя за слабость, что распустил слюни, и стал искать внимания девчонки, к которой относился снисходительно в последнее время. Клял и всё равно выбегал на малейший стук в коридоре, спрашивал у соседей по коммуналке – не приходила ли она, но всё было напрасно. Я плохо спал в эту ночь, во мне кипело оскорблённое самолюбие, которое мне легче всего было объяснить проснувшейся любовью.

8 июня.

Мы сдавали алгебру. У меня хватило сил не смотреть в её сторону. Но я целый день опять думал только о ней. Вечером мы с Колькой Поляковым, соседом Юрки Кузнецова, съездили на его мотоцикле за цветами. Я, поборов самолюбие, протянул их Ленке, но она сказала, что ей уже много принесли цветов, и бросила их на пол. У неё были холодные глаза, она не хотела разговаривать со мной. Я развернулся и поплёлся домой, ощущая непривычную пустоту, так как привык всегда видеть её рядом. Задержавшись возле овощного магазина, я увидел, как она с мамой пошла в парк. Я чуть не бросился вслед, но вовремя остановился и пошёл домой читать её старые письма и рассматривать фотографии. Потом пытался думать о других девчонках, но ничего из этого не получилось, в голове была только Ленка.

12 июня.

Экзамен по английскому. Она по-прежнему холодна ко мне. Села готовиться позади меня. После экзамена она вышла из шко-

лы с Галкой Аллас, которая мне нравилась весь восьмой класс, до встречи с Ленкой. Вот дела! Я окликнул несколько раз Ленку, но она даже не повернула голову в мою сторону. Тут моё самолюбие не выдержало. Я возненавидел себя за слабость и реверансы перед ней, вспомнил, как прощал ей все проделки и порой первым приходил к ней, придумав какую-нибудь причину... А она меня запросто так может отшить? Нет! Больше я к ней не подойду и разговаривать с ней не буду. Значит, все её слова о любви ничего не стоят. Не думал я, что мысли о ней так крепко во мне засядут, но хоть буду страдать, показать ей это просто не имею права (как бы не провалиться на экзаменах от этого чувства, ведь в голову ничего не лезет, кроме Ленки). Хватит об этом. Надо быть самим собой, каким был до девятого класса. Без девчат не пропаду, да их и немало на свете. Думай, Саня, об институте, занимайся спортом, развивайся всесторонне и ты не пропадешь! Опять стук в дверь, и опять я несусь, как угорелый..., но это не она. Хорошо, что осталось полмесяца до конца экзаменов. Надеюсь, что ставлю точку на мыслях о ней. Прощай, Ленка! Желаю тебе счастья в жизни. 13 июня. 23 ч. 45 мин.

14 июня. Вечер.

Ха-ха-ха! Набитый дурак! О ком я думал, о ком страдал? Вот глупец. Не прошло и трех дней, как она пошла с белобрысым (а когда-то распевала о своих чувствах), лживая кукла! А я-то страдал! Теперь о ней даже вспоминать не буду. Я теперь её презираю. Теперь я свободен, и путь к выполнению моего девиза открыт – стремиться к звёздам! Жаль, конечно, два года потерянных с этой фифой, но ничего, мы их вернём с лихвой. И надо разыскать свою первую любовь, и больше не отклоняться от настоящего курса.

27 июня.

Всё! Экзамены сданы! Последний – история – на «четверку»! Теперь выпускной. Сегодня с ребятами здорово покатались на лодках. Взяли напрокат два «Фофана», шесть бутылок «Фетяски» и бороздили Оку от железнодорожного моста на Ригу до плотины

ТЭЦ, дурачась, распевая песни и неся всякую околесицу, особенно был смешон Колька Чудаков – или в первый раз выпил, или пить не умеет, чудак!

29 июня.

Сегодня выпускной бал. Пришли с Юркой Кузнецовым пораньше к школе, чтобы не томиться в ожидании, пошли в магазин, взяли бутылку «Фраги» и «скрасили» ожидание остальных. Волошин с Сёминой, как на свадьбу пришли. А Ленка делает вид, что меня не замечает. (Ни за что с ней не сяду!)

Торжественная минута... Вручение аттестатов и значков ГТО. Получил не простой значок, а «отличника» – пусячок, а приятненько. Затем начался вечер, сели за столы – я с Кузнецовым, Агатовым и Антоновым. Ленка села с Сёминой и Волошиным.

Потом были танцы. Я танцевал с Степановой, Кочановой, Дроздовой, Назаренко, с Лидией Всеволодовной, ну и, что делать! – с Ленкой. Была минута, когда я подумал о Галке Аллас, но начавшееся веселье оттеснило мысли о девчонках на второй план. Ляпин, Колесников, Волошин танцевали твист. Я отбил все пальцы на баяне. Пели песни. Наш физрук – богатырь Анатолий Федорович – подтягивал невпопад баском. Удивительно хорошо пела Лидия Всеволодовна. Голос у нее, как у оперной певицы. Часа в два ночи мы вышли из школы и направились в центр города встречать рассвет первого дня нашей взрослой жизни. Да, я забыл, когда шёл вечер, за окном всюду лил дождь. Говорят, это на счастье...

Мы шли по ночным улицам и пели песни. У дома Сёминой я сказал Ленке, что не стоит трогать прошлое. Мы дошли до театра и сели на лавочках у Госбанка. Степанова агитировала всех в поход с ночёвкой, Ленка лежала у меня на плече под моим пиджаком и сладко дремала. Потом мы пошли с ней домой. На ней был мой пиджак, и все было внешне, как прежде, но только внешне. По дороге настроение у нее менялось. То она пыталась меня обнять, то шла в отдалении с хмурым лицом. У ее подъезда я наскоро сказал ей прощальные слова и повернул к своему дому, где по дороге встретил Юрку Кузнецова, и мы с ним еще бродили до восьми утра.

И, наконец, я добрался до кровати и лег спать. Как-то не верилось, что школа навсегда позади и у тебя на руках аттестат. Правда, не такой, как хотелось бы, но пенять надо только на себя.

3 июля.

Сегодня сдал документы в пединститут на физико-математический факультет. Теперь буду готовиться как никогда. Надо обязательно поступить! Учителем я не собираюсь становиться, а с высшим математическим образованием не пропаду, как посоветовал моему отцу его начальник.

7 июля.

Начал готовиться. Прохожу всю программу с пятого класса. Встаю в половине седьмого, делаю пробежку, завтракаю и сажусь за книжки. Для лучшего запоминания все формулировки и доказательства записываю в тетрадь. Никогда я так не трудился. Иногда в памяти всплывает Ленка, хочется пойти к ней, поболтать, чтоб она сидела на твоих коленях и щебетала... Но я борюсь с этой слабостью, ведь только стоит забыться, как вся подготовка в ВУЗ полетела. Нужно забыть эту старую лыжню. Если до десятого июля не буду проходить по семь-восемь вопросов в день, то подготовиться как следует не успею.

11 июля.

Выучил преступно мало – пятнадцать билетов. Девятого июля с двух часов до шести пробыл с Ленкой. Ходили на пляж, купались. Она была в очень коротком халате и интересном купальнике. Все-таки я к ней далеко не равнодушен. Время провели хорошо. Вчера и сегодня учу билеты, но в перерывах жду её, хоть сам сказал, чтоб она не приходила. И вообще лучше бы с ней не видеться до двадцатого августа, пока не поступлю. Но хватит ли силы воли?

Да и дружбу можно было бы наладить по-хорошему...

12 июля.

Вечером пошел к Ленке. Вот, дурак! Сначала она мне несла какую-то чепуху, потом стала стесняться каких-то мальчишек. Вообще, рановато мы возобновили встречи.

16 июля.

Забегала ко мне попрощаться. Вроде куда-то уезжает. Красивая, как с обложки журнала! Одна причёска чего стоит – тридцать девять шпилек, как она сказала, вообще она девчонка симпатичная... Звякнула нотка совести: «А, может, я сам виноват, своим эгоизмом разрушил наши отношения? Решил поступать в институт, пожить студенческой жизнью, отслужить армию... Рано пока окунаешься в личную, семейную атмосферу». Прощай самая красивая девушка в школе!

3 августа.

Начались экзамены. Математику письменно написал. Пока не знаю оценки, но в списках провалившихся меня нет.

11 августа.

В голове все крутится песня «После радости неприятности по теории вероятности...» Но у меня почему-то одни неприятности. Радости пока никакой.

По математике письменно мне закатили «три», хотя девчонке, которой я дал списать всю свою работу до запятой, почему-то поставили четыре. На устном экзамене по математике я ответил на все вопросы без единой запинки и был на сто процентов уверен, что мне светит «пятерка», но почему-то поставили «хорошо». На физике ещё смешней: передо мной отвечала девушка и очень слабо. Принимающий экзамены педагог объявил ей «удовлетворительно» и вписал в мою зачетку. И я впервые в жизни убедился, что если преподаватель захочет, он спокойно может загнать меня в рамки самой нелюбимой мной оценки – «удовлетворительно». Так и слу-

чилося. Сочинение я написал неплохо, но на физмате смотрели на профилирующие предметы.

В день зачисления – 16 августа я пришёл в институт очень рано. На моих глазах вызывали счастливицков, которые заранее были уверены в своем зачислении, ибо имели по шестнадцать баллов и более. Ну а мне с моими четырнадцатью объявили, что я не прошёл по конкурсу, и пожелали успешно готовиться к поступлению на следующий год и записаться на подготовительные курсы. Интересный момент запомнился: когда одного из первых зачисляемых абитуриентов отчитали, что он пришел без комсомольского значка на зачисление, все кинулись занимать на время захода в приемную комиссию комсомольские значки, ибо многим в этот летний жаркий день совершенно не пришло в голову их надеть, тем более, что на экзаменах про них никто не спрашивал. Я одолжил свой значок двум симпатичным паренькам кавказской внешности. Они тепло благодарили за эту пустяковую услугу. Я брел медленно домой, насвистывая опостылевшую мне мелодию «После радости неприятности...»

24 августа.

Послезавтра исполняется семнадцать лет. Вспомнил, что, когда я читал рассказ «Когда тебе семнадцать», мне его герои казались такими взрослыми, такими интересными, и вот мне тоже стукнет эта цифра. А я несколько не кажусь себе взрослым и очень интересным. С девушкой разошлись, в институт не прошёл, впереди лишь серая неопределённость, из которой я вижу лишь один выход – подать документы на вечернее отделение машиностроительного института, чтобы хоть как-то не потерять год учебы. Иду забирать свои документы из педагогического, да махну потом на речку покататься на лодке, благо рубль в кармане есть, а это два с половиной часа удовольствия, когда ты один на один с рекой, управляешь великолепной лодкой «Фофан», плаваешь в любом месте, где захочется и можешь остановиться.

КАНДИДАТ В СТУДЕНТЫ – В СТРОЙ!

25 августа.

Вчера был очень удачный день. Когда я пришёл забирать документы, которые почему-то находились в приёмной ректора, секретарь мне предложила зайти к нему – может быть, он что посоветует. И я решился.

Зашел к седовласому профессору и сказал, что очень хотел учиться на физмате, да вот не осилил конкурс, теперь собираюсь идти на вечернее отделение машиностроительного института. После нескольких незначительных вопросов ректор вдруг позвонил кому-то и сказал: «У меня тут парень, который не прошел по конкурсу к вам на физмат, возьми его кандидатом, а после первой сессии будет видно, стоит нам это делать или нет». Положил трубку, черкнул на кусочке бумаги «Принять в кандидаты», протянул мне эту бумажку и сказал: «Отдашь в деканат и будешь учиться с первого сентября». Я мало что понял, но до меня дошло, что мне дали шанс остаться в институте, и я, схватив заветную бумажку, выбежал на улицу, не чуя ног от нахлынувшей радости. Тут вовремя я сообразил, что надо занести эту бумажку в деканат, вернулся на четвертый этаж громаднейшего здания института, в стенах которого мне так хотелось учиться.

Меня определили в третью группу, велели приходить к восьми часам утра первого сентября, и я помчался домой порадовать родителей, которые даже не подозревали о возможности такого варианта.

ПЕРВЫЙ КУРС

2 сентября.

Я студент (пусть даже кандидат, если говорить точнее), даже не верится, что я хожу полноценным человеком по всем коридорам полюбившегося мне огромного здания. Лекции нам читают

удивительные люди, носящие звания «ассистент», «старший преподаватель», «доцент», «профессор». Очень трудно успевать записывать лекции за говорящим преподавателем. В школе никогда так быстро не писали. В конце дня рука болела, как после огромной физической нагрузки. При таком напряжении когда же с девчонками встречаться? Наверное, позволю себе только тогда, когда буду учиться на «отлично».

Написал сам себе письмо, каким я себя хочу видеть после окончания института, и запечатал крепко: «Вскрыть в день получения диплома».

15 сентября.

Прошло уже две недели учёбы. Это, братцы я вам скажу, не школа! Только и думаешь, чтобы успеть записать фразу и не пропустить ни одной конкретной мысли лектора. Говорят, скоро начнутся практические занятия, будет еще сложнее. Спортom заниматься совсем некогда, пока лишь это жалкие два часа физвоспитания, предусмотренные программой. Ольга Сёмина спрашивала у меня, не жалею ли я о времени учебы в десятом классе и не хотел бы его вернуть. Я категорически сказал нет. Я их вычеркнул из моей жизни, как неудачные. Позабыта и Ленка, теперь надо осуществить свою мечту и найти свою первую любовь – Галку Орлову, которая так и не отвечает из Севастополя. Но пока – учёба, учёба и учёба.

26 сентября.

В институте дела идут слабо, на мой взгляд, сказывается плохая школьная подготовка и то, что я мало сижу над учебниками. Надо заниматься так, чтобы задачи решались даже во сне. Даю себе задание до тринадцатого октября прибавить темпы занятий и посмотреть, что получится.

В ВИХРЕ ТЕОРЕМ И ФУНКЦИЙ

13 октября.

Можно сказать, что что-то получается, хотя думаю, что занимаюсь еще недостаточно много. Контрольные по аналитической геометрии и матанализу написаны, коллоквиум по элементарной математике сдан. (Надо же придумать такое слово!) Вообще не соскучишься с математическими выражениями. Одни названия функций из греческого алфавита чего стоят: «фи», «пси», «кси», «ню», «эпсилон» и так далее, в общем, весело, чувствуешь себя, как среди пациентов психбольницы. Коллоквиум по матанализу наша группа сдавала Ахмету Латифовичу Бероеву почти до полуночи и то, пошла только половина группы. Мне кажется, что он как сильный математик (не зря же имеет звание «Кандидат математических наук», хотя у многих преподавателей «Кандидат педагогических наук») досконально прощупал нас на предмет математических знаний, но ещё знакомился с каждым как куратор группы. Внешне он напоминал восточного мудреца, с выразительными чёрными глазами и крупной головой, на которой не хватало белого тюрбана. Удивили и его оценки: от (-3) до (+3), 4 и 5 никто не получил! Старшекурсница одна понравилась невозможно! Зовут Ася, чем-то смахивает на Анну австрийскую из «Трёх мушкетеров» – моего любимого французского фильма. Но мне пока до герцога Бекингема далеко, да и что делать в наше время с его манерами и благородством? Я уж не говорю о богатстве, которое надо было срочно подарить родной Коммунистической партии, иначе посадят. Очень понравилась книга «Затерянные следы», захотелось отправиться на пару месяцев в свадебное путешествие куда-нибудь на необитаемый остров. Но хватит грезить. Завтра две контрольные, составил себе чёткий режим дня:

Подъём – 6 ч. 30 мин.

Институт – 8-13 ч.

Обед – 14 ч. 10 мин.

Отдых – 30 мин.

Разминка на воздухе – 40 мин.

Занятия:

15 ч. 30 мин. – 16 ч. 20 мин.

16 ч. 30 мин. – 17 ч. 20 мин.

17 ч. 30 мин. – 18 ч. 20 мин.

18 ч. 30 мин. – 19 ч. 20 мин.

Ужин – 19 ч. 30 мин.

Отдых на воздухе – 20 ч. 10 мин. – 20 ч. 30 мин.

Занятия: 20 ч. 30 мин. – 21 ч. 20 мин., 21 ч. 30 мин. – 22 ч. 20 мин.

Прогулка, приготовление ко сну – 40 мин., сон – 23 ч.

Примечание: перед сном выучить пять слов на английском языке.

26 октября.

В этом году рано начало холодать. Вчера выпал небольшой снег, а сегодня мороз – совсем, как зимой. С этой учёбой совсем забыл посмотреть Олимпийские игры в Мехико. Там ещё участвовала наша землячка в соревнованиях по лёгкой атлетике, с которой я пробовал тренироваться в спортивном лагере ещё в школьные годы. Понравилась новая песня об олимпиаде: «...Вспомним мы горы Мехико, Мехико, Мехико. Вспомним дворцы и площади, походы на музей...»

30 октября.

Вчера был праздничный вечер, посвящённый 50-летию комсомола. Кто-то выдал, что я играю на баяне, и мы с девушкой с другого факультета начали концертную часть с неизвестной мне песни «...мне тебя бы надо обходить самую далёкою дорогой...». А так было торжественно, наша делегация Орловского Государственного педагогического института (ОГПИ), возглавляемая секретарём комитета ВЛКСМ Геннадием Зубаревым, смотрелась очень внушительно, да и сам Зубарев выглядел, словно герой фильма «Коммунист». В конце вечера были танцы, но интересной партнёрши я так и не нашёл. А, может, я сам не так уж интересен?

7 ноября.

Сегодня праздник, из всех радиоприёмников и телевизоров льются маршевые мелодии. А у меня двойной праздник. Я получил третье и самое лучшее письмо от Галки Орловой. Вот где действительно что-то настоящее, похоже, детская любовь возвращается. То ли мой статус студента ей понравился, то ли тронуло, что за столько лет её не забыл. Удивилась, что я её сравниваю с французской актрисой Милен Демонжо. Вечером была ужасная драка в доме Сашки Кирзая. Мазура разукрасили, как ёлку на Новый год. Какая-то девчонка отравилась, скорее всего, перепила. Я сегодня не выпил ни капельки. Интересная новость – в Орле появился троллейбус. Маршрут от Комсомольской площади, где наша общага, до Сталепрокатного завода. Говорят, что перед праздником, один мужик пытался провезти корову до вокзала и даже затащил её на заднюю площадку под хохот обалдевших пассажиров. Однако бдительный кондуктор на следующей остановке высадила необычную пассажирку.

На берегу возле парка установили памятник Тургеневу, очень солидный и очень красивый, к Ленину и генералу Гуртьеву добавился Тургенев. Вообще в Орле на каждом шагу вспоминают Тургенева, и это мне нравится.

9 ноября.

Сегодня смотрел кино «Анжелика и король» – роскошная женщина, море любви, а занятия в институте далеко не на блестящем уровне. После кино видел девушку, с которой познакомился в поликлинике в очереди на приеме к окулисту. У нее я экспромтом угадал все данные: студентка третьего курса машиностроительного института, зовут Вера. Абсолютная случайность моей догадки оказалась завораживающей точностью реальности. Странно, я всегда любил смотреть на красивые лица девчонок, на высокую грудь, а тут шёл за Верой и любовался её фигурой и особенно округлой частью, ладно обтянутой серо-голубой тканью. Не успел я закончить

предыдущую строчку, как соседи на кухне устроили танцы. К соседке Людмиле приехали молодые отделочницы. Этого слова я не знал, но теперь знаю: так называют строителей, которые наводят блеск в построенном доме – штукатуруют, красят, белят, выкладывают плитку и так далее. Я танцевал больше всего со Светой, девчонка поступала в МГУ, но не прошла по конкурсу, неплохо разбирается в музыке и литературе, решила поработать на стройке и летом снова поступать в МГУ. Очень понравились её длинные золотые волосы, большие синие глаза и необыкновенно тонкая талия. Никогда мне не было так сладко в танце с девушкой.

21 ноября.

Я прочитал книгу «Спартак» и был поражен обликом и характером этого героя. В последний раз призываю своё самолюбие, мужество и волю, чтобы идти к намеченной цели. Во-первых, учёба, во-вторых – спорт, я должен быть сильным и крепким. Если природа не одарила красивым лицом, то я должен хотя бы тело сделать красивым, а это возможно. Я все-таки верю, что в жизни есть настоящая любовь, к которой должен стремиться и я. И еще надо лучше следить за своей внешностью. А то я совсем распустился. Вспоминаю одного моего школьного друга, пьяницу. Трезвым я его почти никогда не видел, но брюки у него всегда были наглажены, как на манекене.

22 декабря.

Дела немного продвигаются, получил две пятерки по контрольным (аналитической и элементарной), сдал зачет по математике. Так держать! Теперь надо еще крепче взяться за математику и английский. А вместо девчонок надо лучше научиться играть на гитаре. Летом перевестись или в МГУ или ЛГУ. Почему на гитаре? Потому что в нашей группе учится оригинальный парень – Степа Саядянц, с гитарой не расстанется, на переменах поёт и играет,

в общежитии играет и поёт, причём самые известные песни Битлов, Роллинг Стоунс, Высоцкого и так далее. Правда, занятия все пропускает, зато эффектно выглядит. Как-то зашел к нему в гости в общежитие, поднимаюсь на лестничную площадку, а он стоит вдвоём с симпатичной девушкой и так ей поёт трогательно, нежно перебирая струны, что я мимо него напрямик в его комнату. Сидел полчаса, а Стёпы нет. Выхожу на площадку – там его тоже нет. Пошел по коридорам, где в глубине одного из них вижу нашего Стёпу, стоящего уже с другой девушкой, поющего ей не менее нежно и проникновенно очередную песню. Я жестами показал ему, что буду ждать его снова в комнате. Посидев безрезультатно снова полчаса, я с легким раздражением пошел в конец коридора, где видел Стёпу, но и там уже его след простыл. Я со спортивным упорством возобновил поиски, и, только обойдя трижды всё огромное общежитие, нашел Стёпу у пожарного выхода на крышу, где он сладко, закрыв глаза, распевал песни третьей красавице. Тут я не стал церемониться и попрощался, сославшись на неотложные дела. Но каков самец! За три часа «соблазнить» трёх дам, в том числе и дворянку! (Как в фильме «Три мушкетера» говаривал господин де Тревиль). Интересно, как он проскочит экзамены, если появляется изредка только на последнюю пару? А декан – любимец всех студентов, входя в аудиторию на лекцию, ронял первую фразу: «Саядянец здесь? – И, не взирая на ответ, добавлял: – Прекрасно!» Вообще нам всем нравился декан физмата Корбан Дмитрий Григорьевич. На стенде преподавателей-ветеранов Великой Отечественной войны его фотография, с которой орлиным взором смотрел красавец молодой капитан, была самой популярной. Лекции он читал просто блестяще, все успевали записывать и понимать. Любил делать внезапные паузы с вопросами о литературе, истории, искусстве. «Вы читали роман «Сила жизни?», «Нет? Правда он ещё не написан, но, надеюсь скоро прочитаем». Зная, как не хватает учителей-мужчин в школах, по-отечески любил ребят студентов. Перед лекциями всегда предлагал ребятам сесть на первые парты чтобы «аудитория просматривалась, Ребята – это изумруд!». Говорят, когда он ждал рождение внука, и ему сообщили что родилась девочка, он отвернулся к окну, проговорив: «Нашли с чем поздравлять!»

СОВСЕМ НЕПЛОХО БЫТЬ СТУДЕНТОМ!

25 декабря.

«Молодость, молодость, молодость! Я знаю, тебе семнадцать всегда» – как поёт Радмила Караклаич. Сразу уточню – Тамара Миансарова...

Настроение отличное, сдал почти все зачёты, особенно мне понравилось, как сдал двадцать пять страниц английского текста. Страниц десять мне перевела еще в сентябре старшекурсница иняза очаровательная блондинка, которая была у нас в десятом классе на практике, и я эти десять страниц сдал за целых двадцать пять, читая по третьему разу. А Стёпе и совсем повезло. Наша преподавательница, слывшая в послевоенные годы необыкновенной красавицей, на которую сбегались посмотреть студенты всех факультетов, услышала пение Стёпы со сцены на каком-то студенческом вечере да еще на английском языке и царским жестом проставила ему зачёты за весь первый курс и пятерку за экзамен. Везёт талантам!

Много времени уходит на Историю КПСС, надо конспектировать работы Ленина, насколько это нужно математику в таком объёме неизвестно. Однако преподаватель интересный, с чувством юмора. Когда мы сдали конспекты ленинских работ, у Рики Чхеидзе оказалось всего пол страницы. Удивлённый Леонид Яковлевич посмотрел на него: «Я больше у Ленина ничего важного не нашёл!» Преподаватель только покачал головой. Думаю, что у другого педагога этим бы не обошлось... Где-то прочитал хорошую фразу: «В день свадьбы перенести жену через порог».

Все две недели не расстаюсь с переносным магнитофоном «Весна», который одолжил «повыбразжать» у Стёпы. У него и записи хорошие (современная эстрада, Высоцкий, дворовые песни и т.д.), и дал послушать, нисколько не жадничая. Хорошая техника, но, пока денег на это не предусмотрено, да и время песенки занимают немало.

2 января.

Новый год! Этот год должен быть у меня отличным во всем: в учёбе, спорте и, может быть, в любви. Встречал я Новый год на балу в драмтеатре вместе с родителями. Очень понравилось. В девять вечера начинался новогодний спектакль-сказка, около одиннадцати часов все рассаживались за столами, а кому не хватало места – на подоконниках и ступеньках, и во всеобщем веселье, с шампанским, в музыке, танцах и смешных конкурсах с Дедом Морозом и Снегурочкой провел почти всю новогоднюю ночь. Особенно мне запомнилась красивая девушка в необычном длинном вечернем платье, каких я ни на ком не видел. Мы с ней кружились в танцах так здорово, что не замечали никого вокруг, а шампанское помогало не обращать внимание на неловкие движения соседских пар и попадавшиеся под каблук чьи-то ноги. Я звал ее весь вечер «мисс семнадцатый век». Мы расстались с ней у ворот горсада, откуда я в отличном настроении бодро пошагал домой, где давным-давно спали мои родители.

14 января.

Хватит сидеть на шее родителей и быть иждивенцем, надо зарабатывать самому. Если сдам успешно ещё два экзамена, то меня переведут из кандидатов в студенты и дадут стипендию. Двадцать восемь рублей, конечно небольшие деньги, если учесть, что еще с девятого класса, играл на баяне на танцах в профилактории за пятьдесят два рубля в месяц, но все же неплохое подспорье в личных расходах.

10 марта.

Долго не писал, начну по порядку. Сессию я сдал хорошо, настроение теперь – как никогда, чувствую себя уверенно, из кандидатов я стал студентом, получаю стипендию. Что еще надо, спрашивается? Не хватает Галки Орловой. Ведь она – единственная, кого я люблю. Это испытано и проверено. Никто – ни Ленка, ни другие

девчонки не смогли заменить её, а прошло уже пять лет с момента первой встречи. Вот оно яркое доказательство любви с первого взгляда. Она действительно существует! Это моя самая чистая и светлая любовь. А ведь я не знаю, какая она сейчас, но верю и хочу верить, что она такая, какой её представляю. В этом году я должен обязательно встретиться с ней во что бы то ни стало. Все, что было с другими – ерунда. Это просто я не мог побороть свою слабость. Хотел забыть о Галке. Но это глупо, я только еще сильнее полюбил её. Сегодня смотрел фильм «Рыцарь мечты» про Александра Грина. Там была девушка. Такой я представляю Галку. Пропустил самое главное: с двадцать пятого января по шестое февраля я провёл первые зимние студенческие каникулы в Москве. Но об этом надо писать отдельно.

МОСКВА... ДА! МНОГО В ЭТОМ ЗВУКЕ

3 апреля.

Сегодня не пошёл в институт: заболело горло. Никогда до этого у меня с горлом проблем не было, даже когда на зимних школьных каникулах съедал до тринадцати порций мороженого прямо на улице. Вспомнил, как я заболел корью в первом классе. Учительница привела весь наш класс к нашему дому, и я общался с ребятами через окно, соблюдая карантинное предписание врача. Но как было тогда приятно, что ты нужен, что о тебе думают!

Вот теперь попробую вспомнить Москву. Первое, что меня тронуло, это отец, который получил отпускные и из них восемьдесят рублей, то есть большую часть, вручил мне со словами: «Это тебе наш с мамой подарок за то, что стал настоящим студентом». И на следующий день он вышел на работу. Я сел в поезд – и напрямик в Москву, которую практически видел только в кино и на картинках. Родители дали мне адрес московских знакомых, сын которых являлся их крестником с далеких пятидесятых годов. Это было мое второе в жизни самостоятельное путешествие. Где-то в пять утра вагон уже начал просыпаться. Я бодро вскочил со второй полки и

начал одеваться, радостное возбуждение и предчувствие чего-то нового и необычного пронизывало меня насквозь. А тут еще крепкие, словно литые слова диктора: «Товарищи! Вы подъезжаете к столице Союза Советских Социалистических республик городу-герою Москве». Далее шло перечисление всех достопримечательностей, ожидающих гостей столицы. Следуя наставлениям отца, я быстро сориентировался и перебрался на метро с Курского вокзала на Белорусский и сел в нужный автобус. Крепкий, январский мороз казался легкой осенней погодой для моего спортивного закаленного организма. Проехав расстояние, равное многократному пересечению Орла, я оказался где-то на окраине и сразу увидел нужный мне двенадцатиэтажный новый дом, позади которого виднелась фантастическая игла Останкинской телебашни, которую я узнал по открыткам и телепередачам. Светлана, мать крестника, встретила меня радушно и даже аристократически. Вкусный завтрак, рюмка коньяка, непривычная тонко нарезанная доселе неизвестная колбаса показались мне, первокурснику, весьма и весьма экзотичными. Крестник моих родителей Андрюша оказался веселым, жизнерадостным пятиклассником, но еще более жизнерадостным и веселым был его трехлетний брат Анатолий, который с первых же минут привязался ко мне и не отходил от меня ни на шаг. Ему так нравилось, когда я его подкидывал, перевёртывал и так далее, что это бумерангом возвращалось ко мне по утрам. Привыкший вставать рано крепыш забирался на письменный стол Андрея и прыгал, как лягушка, на меня, безмятежно спящего на раскладушке. Даже для меня, любящего детей, это было шоком, сравнимым разве что с землетрясением.

Но больше всего меня заинтересовала племянница хозяйки, о которой та мне поведала в первый же день: красивая, серьезная, не подпускает мальчишек на пушечный выстрел. В общем, что еще нужно бедному студенту, чтобы в нем загорелось желание немедленно увидеть таинственную незнакомку? Но встреча состоялась лишь на пятый день, так как Света была занята, и я ринулся знакомиться с Москвой. Прежде всего, мне хотелось поплавать в бассейне «Москва», что для меня оказалось верхом блаженства. Трудно было представить, как это можно в тридцатиградусный мороз спо-

койно плавать в тёплой воде посреди столицы?! Впечатление было огромным: яркое зимнее солнце, вода прозрачнее, чем в любом озере, которое я видел. Плынешь по голубоватой глади, а на бровях сосульки от мороза. Сказка, да и только! Если учесть, что я никогда и бассейнов-то не видел. А какими вкусными после часа плавания показались горячие сардельки, которые продавались в буфете плавательного комплекса! Я сразу решил, что эта процедура будет у меня ежедневная.

Вторым делом я поехал на Калининский проспект. Вот, где красота: гигантские здания из стекла и бетона, огромные витрины магазинов первых этажей, кинотеатр «Октябрь» – самый большой в СССР. Все выглядело, как иллюстрация к научно-фантастическому роману. После этого старинные здания с какими-то помпезностями, лепками, вычурными деталями, на мой взгляд, не смотрелись совсем. Исключение составлял Кремль. Я привык видеть изображение его башен и звезд с детства, да еще у стены святая святых Мавзолей В. И. Ленина. Понравились также царь-пушка, царь-колокол и, конечно же, главная достопримечательность – Кремлевский Дворец съездов, который показался вземным гигантским космическим кораблем. Меня мало волновал концерт, на который я попал, певцов я и по телевизору увижу, а вот огромный зрительный зал на шесть тысяч мест, движущиеся эскалаторы лестничных пролетов в фойе, огромнейший буфет с яствами, которые я видел впервые, удивляли, впечатляли и впечатляли. Далее интерес простирался к самой высокой телебашне в мире. Добравшись до Останкинской башни, я узнал, что все билеты на осмотр этого восьмого чуда света разобраны на месяц вперед. Не помню, что я сочинил кассирше, но входной билет, да еще студенческий – за пятьдесят копеек, она мне выдала. Сэкономив два рубля, я воспрянул духом и уже уверенно гулял по смотровой площадке, соображая, как бы теперь попасть в один из трех залов ресторана «Седьмое небо»?

Поговорив с какой-то девушкой в форме на чистейшем, как мне казалось, английском языке, я получил справедливые замечания, что слабовато владею английским, на что уверенно парировал: «Я же студент, должна быть скидка». Девушка рассмеялась и предложила на выбор: либо золотой зал – пятьдесят две минуты, либо се-

ребряный – полный сеанс два часа. Бронзовый я считал ниже своего достоинства и даже не спрашивал. Выбрав серебряный, я оказался за столиком с очаровательной семьёй какого-то известного музыканта из Прибалтики. Не помню, под каким соусом я назвал свою фамилию, которая среди деятелей культуры, особенно связанных с оперным искусством, была одной из самых знаменитых. «А Вы не родственник?» – спросил меня сосед по столику. «Не могу хвалиться, что близкий, а вот дальний – это точно», – парировал я. Не знаю, зачем наврал, но приятно было ощущать свою причастность к чему-то божественному. Угощение по билету за шесть рублей быстро закончилось, соседи пытались угощать меня какими-то сладостями, но я купил любимую стограммовую шоколадку «Аленка» девочке-школьнице (почему-то стоящую в два раза больше, чем в магазине, очевидно, на седьмом небе и не такое бывает!) и попрощался со своими словоохотливыми соседями, чтобы побродить по смотровой площадке, любуясь вечерней Москвой с высоты птичьего полёта. А место за столиком ресторана делало оборот вокруг панорамы Москвы за целый час.

Вскоре подошел вечер похода в Большой театр. Светлана достала два сверхдефицитных билета, да ещё на третий ряд партера. Это была опера «Дама с камелиями», в которой должны были петь какие-то Вишневская и Атлантов, их имена Светлана называла с придыханием. Но самое главное – в этот вечер я должен был впервые встретиться с Лидой Андриановой – той самой знаменитой племянницей, которая слыла тургеневской девушкой. Встреча состоялась, я с ног не свалился, но девушка произвела приятное впечатление, как и Большой театр, и Вишневская с Атлантовым, хотя я оперы не выносил со времён обучения в музыкальной школе. Оказывается, совсем другое дело – видеть певцов из зрительного зала. Постепенно я все больше укреплялся в мысли, что надо переводиться в Москву, которая как поётся в песне – «лучший город земли». До сих пор у меня перед глазами улицы столицы, по которым мы бродили с Лидой во время вечерних прогулок после посещения Большого театра, так как днём она училась в медицинском училище.

Но вернёмся в Орел. В последний день каникул мы собрались в общежитии, где жили Стёпа, Рика и Дима Лободин. Устроили себе

маленький праздник перед занятиями. Сходили на Щепной рынок с огромным чайником, в котором через всю улицу тащили пиво. Стёпа привез из Батуми мясных и рыбных деликатесов. Получился целый пир, на котором все делились впечатлениями о первых студенческих каникулах и супергероем из нас оказался Стёпа, который успел соблазнить трёх проводниц в обоих направлениях и одну официантку в городе Батуми. У нас таких козырей не было. Сложнее всего было Диме и Толику – они вообще еще не дружили с девчонками, хотя Диме в один из новогодних вечеров приносили голую и пьяную студентку в одеяле, но Дима устоял и так рывкнул на студентку, что та, бросив одеяло, убежала. Смешно получилось у Толика, когда ему налили полстакана водки, он выпил её, и скорчил гримасу и так искренне воскликнул: «Невкусно!», что мы долго не могли прийти себя от хохота. А он еще вдобавок предложил всем отпустить бороды, что опять было очень смешно, так как его юношеское лицо, практически еще не знало бритвы.

Думаю, что уже достаточно написал, даже устал. Решил переписываться с Лидой. Что-то мне в ней нравится. В то же время не часто, но встречаюсь со Светой, я называю её «строитель». Тоже неплохая девушка и целуется очень приятно. Правда, до крайностей не доходило, но кровь волнует достаточно. Но чего-то не хватает и в той, и в другой... Так что лучше больше думать об учёбе.

8 апреля.

За окнами уже весна.
Учёба на ум не идёт.
Где взять таблетки против сна?
Какой же лектор идиот!
Не понимает, что сейчас
Нам не до лекций и бесед,
Иная мысль волнует нас,
И на сто бед один ответ...

А что со мною происходит?
И почему я сам не свой?
И счастье, кажется, проходит,
Кивнув девичьей головой...

Надо же, потянуло на поэзию! Первого апреля был «Огонёк» в профилактории. Я играл на баяне, танцевал с девушками, и вообще, было очень весело.

24 мая.

Ничего хорошего. Чувствую себя, как на раскалённой сковородке. Куча зачётов, экзаменов, не все так гладко получается. Встретил Ленку, свою школьную любовь, она сказала, что осенью выходит замуж за белобрысого. Интересно. Пусть выходит. Всё прошло, «как с белых яблонь дым».

30 июля.

Итак, сегодня берусь за перо уже студентом второго курса и попытаюсь хоть чуть-чуть воспроизвести эти горячие два месяца. Сессия позади, месяц сидели, как проклятые, в областной библиотеке с Толиком. Лето, жара, красивые девушки на пляже, а мы, как дятлы, сидим и долбим, долбим науку в темечко. Физику сдали на отлично, а вот Сашка Леонов решил сдать без подготовки. Не ответил по билету, сердобольный Михаил Васильевич задал вопрос из оптики: «Из чего сделана призма Николая?» Саня выпалил: «Из дерева!» Изумленный физик опешил: «А как же она делает двойное лучепреломление?» Леонов солидным голосом: «Не сразу! Не сразу.» Все в аудитории надорвали животы от хохота.

Запомнился день после сдачи английского. Мы с Толиком и Рикой прогуливались по набережной, и я попытался заговорить с девушкой, которая бродила по щиколотку в воде. Наконец, она заговорила со мной на чистейшем английском языке, и мне так стало стыдно, что я семь лет изучаю английский язык, а говорю немного лучше глухонемого. В конце концов мы все трое сумели с ней объясниться. Поняли, что она туристка из Лондона, путешествует с родителями, маршрут проходит через Орёл, учится в шестом классе (может у них это равно нашему десятому, уж очень взрослой для шестого класса смотрелась?) и готова с нами переписываться. Написала мне свой адрес, который, думаю, останется как сувенир, ибо английский уже сдан, сидеть со словарём и учебниками нет необ-

ходимости, хотя если бы эта девушка была похожа на Софи Лорен или Брижит Бардо, может быть и сидел.

Незабываемо прошли дни пребывания в спортивном лагере нашего института. Для меня, отдыхающего летом в детских, пионерских, спортивных лагерях с пяти лет, всё было привычно: и палатки, и природа, и прекрасный аппетит на свежем воздухе. Непривычной была полная свобода и отсутствие воспитателей и вожатых. Да и как-то по-новому, по-взрослому ощутил я себя в этом лагере. Познакомился с симпатичной скромной девушкой Ларисой. Приятно общаться, гулять лунными ночами. Но сердце, как птичка в клетке, не запрыгало. Больше запомнилась совершенно незнакомая девушка на танцах с эффектной красивой грудью, прикосновение в танце к которой пронзило меня, как молния. Появилось много новых друзей среди ребят, особенно понравился из них Коля Машков – высокий, атлетического сложения, парень с внешностью, чем-то напоминающей красивого американского певца Элвиса Пресли, которого почему-то ругали во многих газетных статьях, как дешёвый образчик буржуазной культуры. От Коли веяло таким положительным веселым молодым задором, что это невольно улучшало настроение постоянно окружавших его парней и девчат. Я ему проиграл партию бадминтона, потому что меня пригласили на матч спросонок после тихого часа. Ещё один человек, врезавшийся в память, наша повариха – дородная, огромная женщина в пенсионном возрасте гоняла нас, студентов, как боцман юнгу на корабле, но так вкусно нам готовила, и такая строгая нежность к молодежи сияла в ее добрых глазах, что было ясно видно: она без молодежи просто жить не сможет. Ещё поговаривали, что она была поваром у самого маршала Рокоссовского.

НАВСТРЕЧУ МЕЧТЕ

1 августа.

Ура!!! Сегодня получил письмо от Галки Орловой, в котором она приглашает меня приехать к ней в Севастополь в гости. Только

что приехал с билетом до Севастополя за вещами. Еду проходящим поездом в семь вечера.

О, девушка моей мечты,
Ох, если б только знала ты,
Как я тебя давно ищу
И как тебя я жду.

19 августа.

Сразу хочу написать, что самый приятный шок я испытал от встречи с морем. Я помню, как в детстве отец приехал из Одессы и с восторгом рассказывал мне, как прекрасно Чёрное море! Практически он там и научился плавать, каким-то образом сумев двумя годами ранее научить плавать меня. Долгие месяцы он распевал мне песни о море, которые я все подобрал на баяне. За праздничным столом то и дело слышалось: «Самое синее в мире Чёрное море моё...» С раннего детства для меня любая вода – это чудо, лишь бы можно было в неё окунуться. Ну, а когда я впервые в жизни нырнул в зеленую красивую воду, я почувствовал себя Иктиандром из моей любимой книги «Человек-амфибия», правда, никак не думал, что вода может быть такой горько-солёной на вкус. Но зато любимым цветом стал цвет «морской волны».

Никак не могу подобраться к описанию того, что произошло. А произошло вот что: я сел в севастопольский поезд, взял постель, залез на вторую полку. Совсем не лежалось и не спалось. В голове крутилась только одна мысль: неужели я уже завтра в полдень наяву смогу увидеть девушку, чей образ не даёт мне покоя вот уже пять лет? Увлекаясь красивыми девчонками, я всегда думал только о ней. Достигая чего-то нового в учебе, читая литературу, забираясь на вершину гигантского кедра в Сибири, побеждая на спортивных соревнованиях, я всегда думал только о ней. Ореол её был так ярок, может и от того, что мы с ней даже не дружили. Надежда на встречу и диалог с нею, казались фантастическими, несмотря на расстояния. И чем интереснее была новая девушка, тем больше и ярче казалась полузабытая красота той, Первой...

Очень помогало мне соседство с молоденькой девушкой, устроившейся на противоположной полке, которая ехала в Мелитополь. Она оказалась моей ровесницей, тоже студенткой и самое главное – умела слушать, да не просто так, для вежливости, а с огромным вниманием и неподдельным интересом, правда, и тема у меня была неплохая – рассказ о первой любви. Значит, что-то получилось у меня, когда я ей рассказал все о Галке – с момента первой встречи с ней еще в седьмом классе в фойе кинотеатра перед фильмом «Три мушкетера». Я купил билет, стал смотреть какой ряд и место, отходя от кассы, поднял глаза на часы, висевшие на стене напротив касс и... Меня будто пронзило током: под часами стояло сказочное существо в голубом платке, из под которого струились золотые кудри волос, огромные синие глаза смотрели в мою сторону, черты лица напоминали юных красавиц из кинофильмов и книжных иллюстраций, зелёное пальто и тёмно-синие брюки удачно создавало фон изящной фигурке. Последний предмет был совершенно неизвестен экибастузским девчонкам. Спас звонок в зрительный зал.

Моя собеседница слушала как замороженная и чуть не проехала свой Мелитополь, совершенно не заметив вместе со мной, как пролетела короткая летняя ночь. Быстро написав на листочке свой адрес, она назвала меня счастливым человеком и попросила обязательно ей написать, как пройдет наша встреча.

Далее – как в тумане. Я добрался до её квартиры, дверь открыла её мама. Брата, который учился со мной в пятом классе, в Севастополе не было, а сама Галка находилась в этот момент на городском пляже возле Приморского бульвара, куда я, бросив вещи, сразу и направился. Побродив в многотысячной толпе отдыхающих, всецело отдававших себя солнцу и воде, я остановился и решил искупаться. Вот тут я испытал шок моря. Плавая в море, вдруг увидел Галку, плывущую к берегу с какой-то девушкой. Я надеялся, что она меня не узнает, но это было смешно. Наверное, более обалдело взволнованной физиономии, чем моя, на пляже не было. «Вас не Саша зовут?» – спросила она, ловко маневрируя под водой руками. «Привет, Галка!» – хрипло выдавил я. «А ты неплохо плаваешь!» – продолжала она диалог. Короче, мы выбрались на берег и стали узнавать друг друга. Я нашёл ее такой же красивой, как и представ-

лял. Только вот куда девались ее длинные золотые волосы? Вместо них была короткая стрижка, а волосы – каштанового цвета. Но это в данный момент не имело никакого значения. Я видел ее огромные синие глаза, о которых пять лет мог только мечтать, и в них вмещалась для меня вся вселенная. Я отдавал себе отчет в том, что она вообще не интересовалась мной все эти годы, да и сейчас, думаю, она не сражена наповал моей внешностью, но, тем не менее, был благодарен за то, что мог просто быть рядом с ней, и она неплохо отнеслась ко мне. Стала отвечать на письма, даже пригласила в гости и сейчас поддерживала беседу. По дороге к ее дому я накопил каких-то овощей, фруктов к столу, и она всё пустила в ход при подготовке ужина. Сердце моё пело, я десятки раз хотел ущипнуть себя за нос, чтобы убедиться, что это не сон, что передо мной вот запросто ходит по кухне в фартуке девушка, не дававшая мне спокойно спать ни в Казахстане, ни в Орле. Естественно, что еда показалась самой вкусной на свете, хотя нарезанные помидоры со свежей капустой явились маленьким открытием «просто, со вкусом».

После ужина мы пошли на танцы в местечко, которое почему-то называлось «яма». И действительно в районе Графской пристани оказалась огромная ниша вроде бассейна, в которой толпились и танцевали молодые люди. Здесь произошло первое столкновение наших интересов. Когда я пригласил Галку на танец, она сказала: «Давай лучше постоим, а то я выше тебя». Я никак не ожидал такой глупости и бестактности. Я, конечно, не был баскетболистом, но все же на три-четыре сантиметра был выше ее. Впрочем, я быстро справился с собой и стал «стоять рядом». Вскоре какой-то тип высокого роста в довольно грубой и примитивной форме стал ее приглашать. Я хотел было быстро, по-мужски возразить, но Галка вдруг спокойно пошла с ним танцевать. Я, естественно, пригласил первую попавшуюся на глаза девушку и, не замечая своей партнерши, с удивлением наблюдал, как Галкин спутник откровенно лапал её, находясь явно в нетрезвом виде. После танца Галка быстро подошла ко мне, взяла за руку и предложила срочно проводить её домой, что я и был вынужден сделать. По дороге она мне сбивчиво объясняла, что это её знакомый, он сидел в тюрьме и что-то там ещё... Я почувствовал, что на этот день, учитывая бессонную ночь,

информации для меня предостаточно. Не помню, как я уснул на отведенном мне диване. Но утром проснулся рано, в прекрасном настроении, чувствуя себя бодрым и подтянутым, как в день соревнований. Странно, но сказочной эйфории от образа Галки уже не было, хотя меня снова волновали её глаза, походка, стройная фигура. На второй день мы поехали на катере на загородный пляж «Учкуевка» где я был очарован красотой моря, огромных волн. И здесь, что греха таить, я показал всё, на что способен, без усталости плавая и ныряя. На что Галка с удивлением произнесла: «Ну-у-у, ты просто человек-амфибия!»

Короче говоря, через две недели я уезжал, наполненный любовью к Черному морю, сочным персикам и совершенно равнодушный к Галке, хотя с пьедестала «Первая любовь» её уже никто не снимет. Вспомнились слова песни «...и только первую любовь не бери, никогда её назад не жди». Хотя первая любовь бывает взаимной, с встречами, прогулками, поцелуями, а у нас ничего не было, просто Галя мне очень понравилась, и я стал считать её своей первой любовью. Что ж, бывает, наверное, и так, думалось мне, и образ новой, неизвестной, но дорогой мне девушки засиял новой звездой, на небосклоне моих чувств.

27 августа.

Вчера мне стукнуло восемнадцать лет. Какой-то странный и интересный рубеж, когда совершенно не верится, что детство закончилось и не вернётся. А взрослым, отвечающим за все свои поступки основательно и по закону, ещё себя не чувствуешь. В общем, пока был готов к этой дате только теоретически. Как будет на практике – посмотрим. Однако когда в «Железнице» пели песню «Город детства» на стихи Роберта Рождественского и звучали слова, что обратного билета до детства нет, у меня сердце разрывалось от тоски и отчаяния. Праздник прошел великолепно. У меня дома собрались мои друзья по школе и Лариса, которая отдыхала летом в «Железнице». Родители, мои милые родители, приготовили праздничный стол и оставили нас одних, организовав застолье для всех соседей по нашей коммуналке на общей кухне без моего при-

сутствия. Повеселились мы весьма неплохо. Все – студенты двух, единственных дневных институтов в городе, общие знакомые, общие темы, общие песни, которые я сыграл для всех на баяне, фотографирование с рожками, ужимками и рожками. Да, день совершеннолетия должен запомниться надолго!

Поздно вечером, когда все расходились, я пошел провожать Ларису. Она очень хорошая девушка, но обманывать её не буду. Сердцу не прикажешь, и, хотя после Галки в нём появилась вакансия, заполнять его искусственно не стоит. Думаю, что сейчас надо налечь на учебу и второй курс проучиться с блеском, заняться основательно спортом, ну а из девчонок оставить только Лиду, которая продолжает присылать мне из Москвы теплые письма и пока, наверное, ближе других по духу. Забыл описать, как я ездил переводиться в МГУ. Принял меня декан мехмата неплохо, но брали снова только на первый курс, а тут еще наш куратор пообещал глубоко с нами заниматься математическим анализом. В результате я остался в Орле, хотя внутренне убеждён, что совершенно зря, ибо лишаюсь чего-то интересного, мощного, да ещё не где-нибудь, а в самой Москве, в МГУ. Итак, остаётся верить в свои силы и что разбуджу свой талант создавать новое в математике.

ВТОРОЙ КУРС

СОТРЁМ ГРАНЬ ГОРОДА С ДЕРЕВНЕЙ!

28 сентября.

Уфф! Только что пришел из бани на Октябрьской, напарился, как будто заново народился на свет. Второй курс начался очень резво. Не успели нам прочесть пару лекций, как объявили, что едем в колхоз на сельхозработы.

И вот пятого сентября наша доблестная третья группа погрузилась в пригородный поезд, который взял курс на станцию «Крас-

ная Заря» в неведомом Новодеревеньковском районе. Тащились мы в этом поезде целый день, но всем было очень весело. Играли в карты, шутили, хохмили, распевали песни, болтались по вагонам, наконец прибыли в какое-то захолустье, которое называлось селом «Красная Заря», где нас встречал на грузовой машине хромоногий мужичок в брезентовом плаще.

Рассевшись в кузове на корявых досках, мы минут тридцать-сорок тряслись по грунтовой дороге и приехали в какую-то маленькую деревню с тремя десятками домов под названием «Медвежье».

Девчонок поселили в заброшенный однокомнатный домик, а нас, пятеро ребят, к какой-то старушке, где в избе напротив русской печки был застлан общий топчан на всю нашу братию. На следующее утро человек в плаще повел нас на зернохранилище, где возвышались огромные горы зерна, которые пополнялись то и дело приезжающими грузовиками, наполненные свежееубранным зерном, и тут же убавлялись отъезжающими, наполненные уже чистыми, провеянными и просушенными злаками.

И вот нас поставили на процесс между этими действиями, то есть, мы кидали зерно лопатами на транспортеры, некоторые кучи просто перекидывали деревянными лопатами. В общем, если сюда добавить грохот грузовиков и механизмов, да орущие голоса водителей и бригадиров, пытающихся перекричать весь шум, то получится картина «На току», где немалую часть занимали карикатурные фигуры студентов в разношерстных запыленных одеждах, неумело работающих лопатами, так как делали это впервые в жизни.

Так как с нами не было никого из преподавателей, мы выбрали старшим Володьку Егорова и негласно стали работать в стиле «работа не волк, в лес не убежит», используя любую возможность полежать, передохнуть, сходить попить, в туалет и так далее. Правда, не до такой степени, чтобы злостно ничего не делать, а больше для того, чтобы похохмить, да повыпендриваться друг перед другом. Самым приятным моментом стал обед, который со вкусом готовили дежурные девчонки. Ласковое осеннее солнце, к обеду порой пригревающее по-летнему, незатейливый, но вкусный обед, преимущественно состоящий из свежеприготовленного мяса, картошки и капусты, который мы жадно уплетали на свежем воздухе, рассев-

пшись на зелёной ещё траве, создавали какую-то романтическую полурабочую, полутуристскую атмосферу, которую так не хотелось прерывать послеобеденной работой.

Алкоголь мы почти не употребляли. Как-то утвердилась здоровая атмосфера. Мы с Рикой даже совершали каждое утро пробежку и обливались холодной водой из колонки, находящейся прямо возле старушкиного дома.

Вечером чаще собирались попеть и потанцевать возле дома, где жили девчата и куда стекалась вся немногочисленная молодежь деревни. Мне понравилась смазливенькая девочка Катя, которая училась в восьмом классе. Но чуть было проснувшиеся чувства сразу угасли, ибо Катя умела только слушать, подставляя губы для поцелуя и больше ничего! Вспомнил известного артиста Аркадия Райкина: «Хорошо, когда на тебя смотрят, открыв рот... один день!»

Запомнились два эпизода. Первый – когда я приручил собаку, охранявшую огромную яблоню, стоявшую неподалёку от домика, где жили наши девушки. Я подружился с маленьким мальчиком, который жил в доме хозяев яблони, а мальчик познакомил меня с собакой. Собаку он называл Саиком, и я добросовестно называл его так же, нося ему косточки от наших обедов, а взамен – к студенческому столу охраняемые им сочные яблоки. И только в конце нашей дружбы с «Саиком», когда на всей огромной яблоне осталось не более десятка плодов, до меня дошло, что «Саик» – это просто Шарик, маленький мальчик не выговаривал ни «Ш», ни «Р», а я, здоровый дурак, картавил вместе с ним.

Второй эпизод связан с солдатами, прибывшими убирать урожай на новеньких грузовиках марки «ГАЗ». Один из водителей разрешил мне покататься по окoliце деревни во время обеденного перерыва, и, увидев, что я сносно разъезжаю, расслабился и выпил стаканчик, а может и два, винца за обедом, ну и в порядке доверия разрешил мне сесть за руль и вести машину до самой Красной Зари, где находился элеватор.

Видя, как легко мне достался руль, с нами запросился в машину Рика. Его чуть было не посадили в кузов, но потом водитель, видимо что-то почувствовав, велел ему садиться в кабину. Так в тесноте, да не в обиде мы резво поехали в сторону элеватора.

Слегка захмелевший водитель подбадривал меня, чтоб ехал быстрее, и даже помогал давить сапогом на газовую педаль. Впереди показался поворот, и я, заметив довольно крутую обочину левой стороны дороги, тем не менее, не соображая, на большой скорости круто и почти машинально повернул руль вправо... Запомнилась следующая картина, промелькнувшая как в замедленной съемке: несущаяся и быстро приближающаяся ко мне земля во все открытое окно левой дверцы, и в самом левом углу обозримого пространства шлейф высыпающейся из кузова гречихи. Потом все перевернулось, и мы оказались в сплющенной машине вверх ногами. Водитель первым пришёл в себя и быстро выключил зажигание. Ничего не соображая, мы сумели выбраться из кабины и увидели перевернутый газик со сплющенной кабиной и еще крутящимися колесами.

Мы с Рикой ощупали себя и убедились, что целы и невредимы. Из кабины выкарабкался хозяин автомашины, со всех сторон сбегались люди, среди которых были наши девчата, подъехали два однополчанина нашего шофера.

Рика, убедившись, что цел и невредим, с беспечным видом сел на кучу рассыпанной гречки, стал вытряхивать крупу, попавшую в сапог, и спросил девочек ни к селу, ни к городу: «Обед готов?» Водитель, выбравшись из кабины, набросился на меня, но их бригадир или командир резко преградил ему дорогу: «Остановись, дурак, пацан ни при чем!»

Так закончился мой первый боевой опыт автомобильного вождения, в память о котором я зачем-то насыпал пакетик гречки вперемешку с кусочками битого лобового стекла.

И теперь, когда я еду в автобусе или трамвае, при правом повороте, мне все время кажется, что мы все терпим крушение.

Итогом нашей помощи государству в уборке урожая была задача нам денег Володькой Егоровым в сумме двадцать рублей каждому. Совершенно смешная сумма, но мы к этому отнеслись спокойно. Во-первых, работали мы, честно говоря, через пень-колоду. Так что обижаться не на кого.

Впереди теперь занятия, спорт и Лида из Москвы, с которой я решил поддерживать отношения, хотя эта Лида мне уже два месяца не пишет.

2 октября.

Сегодня было комсомольское собрание, посвященное речи Владимира Ильича Ленина на первом съезде комсомола, где он сказал свои знаменитые слова: «Учиться, учиться и учиться». Сказал, в общем, правильно, только зачем устраивать по этому поводу собрание? Учиться мы и так учимся, раз студенты – кто-то на «отлично», кто-то еле-еле на троечки, чего впустую говорить об этом? Да ещё, учитывая, что мы каждый день по несколько часов сидим за партами в этом же составе.

УЖЕ С ЧЕТВЁРТЫМ МУШКЕТЁРОМ

9 октября.

Занятия полным ходом. В конце четвертой пары частенько суровой сводит руку от быстрой писанины.

К нам в группу перевелся из «машинки» (машиностроительный институт) Володя Беккер, приятный парень. По-моему, к нашей сформировавшейся тройке (Толик, Рика и я) добавляется четвёртый мушкетёр. Видно, что разбирается в математике, начитан, любит хоккей, футбол, доброжелателен к окружающим. А все же учиться привычнее и легче, чем на первом курсе. Я даже не мог подумать раньше, что буду свободно разбираться в таких громоздких формулах и умопомрачительных задачах. Не зря у нас висит лозунг в 99-й аудитории: «Математику уже за то учить надо, что она ум в порядок приводит» (М. Ломоносов).

Действительно, в этой каше труднопроизносимых терминов все становится чётким, ясным и незыблемым, как в пирамиде Хеопса, если ты понял суть вопроса.

14 октября.

Опять эти «Подвиги Геракла».... Снова смотрел этот фильм с Галкой Аллас – правда, неудобно себя чувствуешь рядом с девушкой, когда на экране такой мужчина!

Надо добиться, чтобы моё тело стало сильным и красивым, а это возможно.

Странно... В восьмом классе я бы все отдал, чтобы сходил с Галкой в кино, а сейчас мне наша встреча показалась совершенно неинтересной.

Лидка по-прежнему молчит, словно знала, что я пустился с лета в «свободное плавание».

Лариса, Галка Орлова и пустота...

Есть на свете три вещи, которые не имеют цены: хорошая жена, хороший друг, хорошая книга – только что прозвучало по радио.

29 октября.

Ура!!! В Орле открыт плавательный бассейн. Мы вчетвером записались в секцию плавания и были в числе первых открывателей орловского бассейна. Вода, конечно, не такая, как в бассейне «Москва», какая-то серо-буро-малиновая, к тому же холодная, не более 18 градусов, но, думается, это дело поправимое. Главное – теперь можно зимой плавать, о чём ещё год назад даже не мечталось.

Наш тренер, Георгий Сергеевич, проверил наше мастерство на воде и сделал заключение, что все мы плавать совершенно не умеем, а умеем только купаться. Было очень обидно, но справедливо. Плавать по-собачьи, вразмашку, по-морскому, на спине – это еще не значит уметь плавать кролем, брассом, баттерфляем и по-настоящему на спине. Буду круглым дураком, если в ближайшее время не стану отличником, мастером спорта по плаванию и не заброшу всех девчонок.

Хватит хандрить и писать писюльки.

Пора за дело!

9 ноября.

Отдыхаю после праздника. Очень люблю Первое мая и Седьмое ноября.

Просыпаешься рано – по радио звучат бодрые марши и веселые песни, за окном из разных концов города разносится праздничный

гул многотысячной толпы, какое-то внутреннее волнение и душевный подъем, на вешалке всегда наглаженный костюм и белая рубашка, начищены туфли и приготовлен лучший галстук.

Наскоро позавтракав, спускаешься по лестнице как на крыльях. А по улицам текут и текут ручейки нарядных людей с шарами, красными бантиками, флажками, транспарантами, едут машины, разукрашенные лозунгами и причудливыми формами украшений, отражающих отрасль или направление хозяйства, которому принадлежит данный транспорт. Ближе к центральным улицам ручейки сливаются в крупные реки и на центральной улице Горького уже сплошное море людей, автомобилей, велосипедов, мотоциклов и так далее.

Добрых полтора-два часа я смело плаваю в этом потоке, в котором приятно увидеть друзей детства, соседей, знакомых, одноклассников, учителей.

Очень много песенных «островков», из каждого доносятся совершенно разные песни, как по стилю, так и по содержанию. Из одного – частушки, из другого – революционно-патриотическая песня, из третьего – цыганочка, из четвертого – «Последняя электричка». И все это весело, с улыбками, раскатистым смехом. Очень забавно, что многие из этих «островков» имеют свои духовые оркестры, струнные инструменты, особенно много баянов и гармошек. Метров за четыреста до трибуны колонны начинают выравниваться, подтягиваться, кое-где демонстрантам приходится бежать, а последнюю сотню метров все идут приосанившись, как перед киносъемкой.

Как правило, в эти секунды, по всем репродукторам вокруг площади Ленина, звучат лозунги: из тех, что печатаются на первых страницах предпраздничных газет, и конкретные приветствия в адрес представителей отдельных предприятий. Все поглядывают на трибуну, на которой улыбаются и приветливо машут незнакомые важные люди, руководители города и области.

Второй год подряд я обращаю внимание, что, когда все уже прошли мимо трибуны, большинство людей устремляют свой взгляд на одно из окошек углового четырехэтажного дома. Оттуда при распахнутых окнах, наполовину высунувшись на улицу, вы-

глядывает симпатичный дедушка и держит в обеих руках наполненные рюмки, то и дело чокаясь ими и кивая проходящим людям так искренне и доброжелательно, что у них настроение еще больше поднимается.

Затем море снова растекается по рекам и ручейкам близлежащих улиц. Самые усталые и нетерпеливые, освобождаются от ставшими ненужными флажков, транспарантов, лозунгов, спеша погрузить их в отъезжающие автомашины.

К обеду улицы вымирают, лишь ветер разносит обрывки цветной бумаги, кусочки красного материала, обрывки лопнувших воздушных шаров. Город, как и вся Страна, дружно садятся за праздничные столы.

Остается добавить, что седьмого ноября, после демонстрации мы оказались вдвоём с Ларисой, бродили по городу, ходили в кино, в ресторан, где повспоминали летний студенческий лагерь в Железнице. Я поймал себя на мысли, что это опять все не то, хотя к Ларисе претензий никаких – стройна, изящна, внимательна, но я больше думал об Ирке Арбениной, с которой танцевал на вечере «Посвящение в студенты» второго ноября и на праздничном вечере шестого ноября.

Нравится мне Ирка. Но она все время мне признается в горячей любви к Сашке Сошенкову – высокому красавцу-волейболисту из первой группы, немного похожего на певца Дина Рида, и быть подушкой для выплакивания Иркиных слез я совсем не собираюсь. Так что это направление тупиковое.

Интересно, когда мы пришли в сентябре на второй курс, в расписании появился ассистент Зубарев, который был в прошлом учебном году четверокурсником физмата и секретарём комитета комсомола института. Нам так понравилось его повышение. А на днях узнали, что его избрали секретарём Заводского райкома комсомола и он оставил место ассистента физмата. Неужели новое место выше и престижнее? Хотя я пока жизнь комсомольскую знаю только по книгам и фильмам с героической стороны, а сейчас? Скучные собрания, взносы, и какие-то мероприятия. Впрочем, я, наверное, ещё многого не знаю.

16 ноября.

Десять часов утра. О, как мне сегодня снился мой город детства Экибастуз, музыкальная школа и Люда Н., которой я, очевидно, нравился, и она просто бегала за мной, как я за Галкой Орловой. Раз у меня были другие интересы, то однажды я ей нагрубил. Как хочется туда съездить. Надеюсь, когда-нибудь это осуществится, и я разыщу Люду и извинюсь.

Занятия идут вовсю. Вчера сдал коллоквиум по элементарной математике. Получил письмо из Москвы от Светы, а с Лидой отношения, кажется, стали хуже, письма были совсем сухими. Вода в бассейне становится все чище, плавать, естественно, все интереснее...

«Лишь дело героя да речь мудреца пройдут сквозь столетия, не зная конца». Понравилось выражение.

1 декабря.

Ходил в кино. «Анжелика – маркиза ангелов». Хороший фильм, понравилась Анжелика. Такую бы женщину иметь своим близким другом! Почему-то год назад показали фильм «Анжелика и король», когда его следовало бы показывать после сегодняшнего. Однако актриса в обоих фильмах сверхобаятельна, мало в чём уступает моей любимой Милен Демонжо.

Заниматься стал лучше, может, бассейн стал помогать, а, может, на девчонок стал меньше времени тратить.

Ставлю теперь оценки себе за каждый день. Очень жестко подхожу к себе – есть тройки, даже единицы, но уже получил несколько четвёрок с минусом.

6 декабря.

Что-то эти дни неважно себя чувствую. Сегодня посмотрел фильм «Неподсуден» – о лётчике, любовь которого разрушил подлый товарищ. Ещё раз убедился, что очень интересен актер Олег Стриженов. С Лидой покончено – прислала конверт с моей

фотокарточкой. Немного жаль, хорошая девчонка, и я, наверное, даже её не стою.

Интересно, дождусь ли я настоящей любви или нет?

14 декабря.

На днях в бассейне порезал ногу. Медсестра Валя хорошенько забинтовала. Понравилась её подруга Надя, занимающаяся гимнастикой, но пошёл провожать Валью, потому что, как показалось, понравился ей. Ругаю себя за малодушие.

Надо всегда идти за той, которая понравилась тебе и только тебе, потому что потом привыкаешь к девушке, которой ты понравился и с которой проводишь время, открываешь в ней много хороших черт, но мысленно часто возвращаешься к той, которая взволновала тебя.

Опять сбит режим, опять хожу в кино с девушкой (теперь это Валя), провожаю, торчу в подъезде до двух ночи, будоражу родителей, которые не спят, волнуются.

Разве это дело?

Уже вывесили расписание экзаменов, технику кроля я уже осваиваю в бассейне неплохо, если не потеряю темпов тренировок, то могу выйти на приличные результаты.

27 декабря.

Последние дни уходящего года. На шее сидит элементарная математика и английский, с физикой вроде бы разделался.

Сегодня приехала родня из Сибири – тётка отца с мужем и двоюродный брат отца, пришедший из армии, Юрка. Привезли поразительную весть – сестра отца Валентина, которой всего шестнадцать, вышла замуж и имеет ребёнка.

Вечер воспоминаний, водка, сибирское сало, задушевные колбаски, от запаха которых содрогается весь желудок, любимые песни нашего детства «Тонкая рябина», «Одинокая бродит гармонь», «Как пойду я на быструю реченьку», «Катенька-Катюша – купеческая дочь» и так далее. Вспомнилось, как после девятого класса,

весь наш класс своими силами отремонтировал школу к новому учебному году. Весь июнь красили-белили и заработали поездку в Ленинград. Завод Приборов, как шеф нашей школы, выделил средства. Все поехали познавать красоты Северной столицы, а я, как дурак, поехал к бабушке в Сибирь, как пообещал родне в декабре, сознательно отказавшись от красивейшей поездки. Да, я не открыл для себя в 15 лет шедевров Ленинграда, но зато, что может сравниться с путешествием пятнадцатилетнего паренька из Орла через всю страну в сибирский город Назарово Красноярского края на поезде через Москву, одному, ещё без паспорта и на целый месяц!

Незабываемые моменты: когда моя бабушка Дуся (по отцу) на рассвете доила корову, будила меня кружкой парного молока, и я тут же засыпал с благодарной улыбкой, а в небольшом посёлке совхоза, где жили мои родственники-одногодки с родителями, я вечерами играл в клубе на танцах на баяне, что очень нравилось местным девушкам. Так по утрам, когда я любил отсыпаться, на лужайке возле дома собиралась группа девчат, чтобы попеть любимые песни под баян и, хоть я и не выспался, девчонок обидеть нельзя. Ещё поездки в тайгу, кедровые орехи... Незабываемое лето.

31 декабря.

Последние минуты уходящего года... Я на втором курсе института. Съездил к своей бесплодной мечте в Севастополь, учился неплохо (мог бы значительно лучше), спортом занимался удовлетворительно (до чемпиона далеко!), в математике пока великих открытий не совершил.

Всё... Уже Новый год! Год испытаний и свершений, которые я должен пройти намного успешней, чем в прошлом.

Началась гулянка, пришли соседи по нашей коммуналке – Валик, Люда, Елизавета Ивановна, начались песни, танцы, смешинки и так далее. В три часа пошли с отцом погулять по улице – тихо, снежок падает. Замечательно!

Возле женского общежития строителей встретили Нину – чудесную девушку, работающей отделочницей на стройке. Отец повернул домой, а мы с ней побродили по снегу. Что делать? Не знаю.

Голос завораживающий, глазищи огромные, красивые, искрятся теплотой и вниманием. А меня ничего не трогает...

Сегодня начинается новое десятилетие по календарю, десятилетие моей зрелости. Интересно, что оно мне принесёт?!

Пора и поспать немного. Новый год уже не убежит.

ЖИВУТ СТУДЕНТЫ ВЕСЕЛО, ОТ СЕССИИ ДО СЕССИИ

3 января.

Сегодня написал контрольную по элементарной. Через три дня экзамены по матанализу. Вчера прочитал новеллу «Зинка», только что закончилась вторая серия «Война и мир» – вот, пожалуйста, твёрдый характер Андрея Болконского! А у меня каша в голове.

Света, Лида, Лариса, Нина, Валя... Разве так можно?

Мысли трудно выражать на бумаге. Хочется снова восторгаться природой, красотой, остро чувствовать лето, осень, все времена года. Как я помню весну в седьмом классе – первые сухие тропинки, кусочки сухого асфальта, пробивающиеся зеленые травинки, запомнившиеся мелодии песен «Карелия», «Голубые города», «Город родной», «Гармошка» и жгучее чувство-мечта по встрече с Ней – девушкой моей мечты...

7 января.

Сижу в библиотеке Крупской. Учим с Толиком высшую алгебру. Матанализ сдал вчера на четыре. Жаль, чего-то не хватило на пять! Обмывали в общежитии у Рики и Стёпы (Стёпа уже в ранге заочника, при всём его обаянии, завалившего все экзамены, кроме английского). Песни пели довольно громко, но пронесло, дежурные к нам не заглянули.

Очень мне нравится заниматься в библиотеке Крупской. Огромный читальный зал высотой с трехэтажный дом, где можно сесть за столик с зелёной настольной лампой, и с десяти утра до

десяти вечера – это твоё законное место. Никто тебя не потревожит. Читай лекции, бери для развлечения любые книги, газеты, журналы (очень люблю читать «Советский экран», «Крокодил», «Вокруг света», «Наука и жизнь», «Техника молодёжи»). Нравится атмосфера в библиотеке: тихо, спокойно, кто выписывает требования, кто роется в каталогах, а основная масса сидит за столами в читальном зале и усердно постигает священные дары «его величества слова».

На днях мы с Толиком открыли шикарнейшую столовую в Доме Советов, туда нас затащил Леха с худграфа. На семьдесят копеек мы наелись, как на пиру у Ивана Грозного, хотя больше всего понравилась повариха на раздаче Алёна. Видел я такое лицо на одной из картин в Третьяковке, но не помню автора. Это же надо! Мы в институтской столовой на тридцать шесть копеек издеваемся над желудком, а тут всего за семьдесят – российский пир! Решено! Ходить будем только сюда.

17 января.

Сегодня сдал диамат на четыре. Неплохо, если учесть, что сдавал Габинскому, которого боится весь институт, а особенно «дураки». Те не могут сдать ему даже на тройку по два года. Я же прочитал самый легкий учебник, как его называют «для кухарок», и всего один раз. Значит, кой-какие извилины есть.

20 января.

Как червяк в земле живу!

Где интереснейшая, блестящая жизнь студента?

Песни, костры, походы, палатки, вечера, КВНы, соревнования, необыкновенные романы с девчонками... Где?

Где обаяние, энергия, широта кругозора, поразительная общительность, которые кипят и пенятся, как шампанское, и радуют окружающих?

«Дайте мне почувствовать себя сильным и грубым!» Читаю Аксенова «Звездный билет».

Неужели я не заставлю себя выйти на настоящую дорогу, а буду только писать эти жалкие «писульки»? Заставлю!!!

Гори, свети, бегай, прыгай, учи, ходи, отдыхай, веселись, скучай, люби, ненавидь, ревнуй, забывай, но только живи яркой и интересной жизнью. Ведь после тридцати будет катастрофически поздно.

«Любовь... Она придёт – и в миг начнётся весна...», – поёт Эмиль Горовец.

«Я бы унёс её в горы, в храм Афродиты, книгу любви мы прочли бы там от корки до корки», – дразнит воображение Василий Аксёнов.

23 января.

Все! Сессия окончена, четыре, четыре, четыре, четыре. Отстал, конечно, от Толика и Рики, но терпимо. Звонил Светке в Москву, болеет, с учебой плохо. Надо как-то повидать её. Конечно, найти бы красавицу, чтоб была умна, как Света или Валя. Но тут я становлюсь похожим на комедийную героиню Гоголя: «Вот бы нос, как у Иван Ивановича, а уши, как у Петра Петровича...».

Сегодня видел Ленку с мужем. Совершенно выветрилась моя школьная любовь из головы, никаких эмоций.

31 января.

Сегодня был вечер встречи выпускников, уже второй. Пришло шестнадцать моих одноклассников, а в прошлом году был почти весь класс.

Даже не верится, что мы когда-то все вместе учились, проказничали, а сегодня уже взрослые, самостоятельные люди. Большинство из нас учатся в пединституте и «машинке», Люда Степанова в МГУ. Так что народ не пропал по закоулкам. Сказывается, что школа наша молодая. Мы, первые выпускники, не так уж сильно отличаемся от сегодняшних десятиклассников, хотя когда-то придет время, и мы будем почтенными дядями и тетями, пугать своим видом зелёную молодежь.

Потанцевали (я всё ещё не научусь танцевать, как хотелось бы), затем пошли в наш класс, с нами Лидия Всеволодовна, сели на свои места, болтали, шутили. Володьке Волошину пророчили, что он будет секретарём райкома. Мне предсказали, что стану кандидатом физико-математических наук.

Из всех нас пока одна Ленка создала семью.

4 февраля.

Ходили с Володькой и Толиком на французский фильм «Супружеская жизнь». Сделал для себя открытие, что жизнь семейная не простая штука. В первой серии рассматривается глазами мужа, кажется – вся вина за разбитое счастье лежит на его супруге. А во второй серии, где излагается версия жены, всё совершенно наоборот. Но самое удивительное, что обе серии кажутся достоверными по отдельности!

Да, вот теперь и подумай, стоит ли жениться?

7 февраля.

Каникулы закончились. Завтра на занятия. Немножко неохота.

Сегодня Светка прислала письмо, пишет о своей неверности, что не дождалась меня, а тут подвернулся внимательный паренёк и все произошло. Может это и к лучшему, а то водил бы хорошую девчонку за нос, хотя моя совесть чиста – никаких признаний, никаких обещаний я не давал.

Вот я провёл дома все каникулы. С интересом смотрел чемпионат Европы по фигурному катанию. Здорово катались Ирина Роднина и Алексей Уланов, но особенно понравились Людмила Пахомова и Александр Горшков, впервые за историю катания взявшие золотые медали в танцах. Ведь ещё три года назад весь пьедестал почёта был английским, но и, конечно же, с блеском выступила моя любовь Габи Зайферт. То, что выделявала на льду эта красивая немочка из ГДР, казалось лёгким, шаловливым и прекрасным.

24 февраля.

Всё идет нормально, занимаемся великолепной четверкой у Володьки Беккера, вгрызаемся в глубины математики под руководством Бероева (а то я уже жалел, что не перевелся в МГУ). Сегодня впервые себе поставил пять с минусом. На плавании уже показываю неплохие результаты кролем и на спине. Может скоро смогу посоревноваться с Витькой Львовым – нашим лидером среди пловцов ОГПИ.

Вчера нам девчата подарили подарки ко Дню Советской Армии. Валя подарила интереснейшую пепельницу – бронзовую с головой сфинкса.

А мне приснилась Ирка Арбенина, да не просто так, а в моих объятьях, и я ее крепко целую, а губы такие тонкие и нежные... Может это после нашего культпохода в театр, где мы всей группой смотрели интересную комедию «С лёгким паром» – очень смешную и в общем про любовь.

21 марта.

Сдал зачёт по школьной гигиене, на очереди остальные. Решил, что летом буду ходить во всем белом, много плавать и кататься на лодке.

Страшно даже подумать, что через год мне будет целых двадцать лет. Даже не верится.

А на улице опять идёт снег, метель, как будто и не было теплых солнечных дней.

НЕПРЕДВИДИМАЯ СТИХИЯ

5 апреля.

Сегодня пошёл лёд на Оке, да так бурно, что водой залило полгорода. Затопило весь обелиск, рынок. Вода дошла почти до гостиницы «Орел». Говорят, есть даже жертвы. Вместе с льдинами по реке плывут бревна, заборы и даже целые дачные домики с занавесками.

весками на окнах. Вот это разгул стихии! Представляю ощущение, когда среди ночи ты просыпаешься в темноте, в своей комнате в ледяной воде. Куда бежать? Нырять в форточку? Прочитал интереснейшую книгу Ивана Ефремова «Лезвие бритвы». Как удивительно красиво он подаёт в ней человека с большой буквы. После такой книги хочется совершенствоваться, совершенствоваться и еще раз совершенствоваться.

6 апреля.

Ока разлилась ещё сильнее. Затопило даже сквер Танкистов. Небывалое наводнение. Каково людям, выбегающим в стужу из затопляемого дома!? По городскому радио говорят, что принимаются все меры, чтобы обезопасить людей.

Пришел с плавания, идёт дождь, река разольётся, наверное, еще больше.

Завтра сдаю домашнее чтение (английский).

9 апреля.

Мечты, мечты..., а на самом деле перед вами человек невысокого роста, с большой головой, пышной шевелюрой и длинным носом, с невыразительными глазами – в общем, ничего особенного.

Над ним некоторые даже смеются, не видя в нем ничего привлекательного, ни умного, ни остроумного.

Но этот человек бесспорно считает, что он гений, и это его губит. Может стать великим учёным, хотя с такими темпами не дотянет до рядового преподавателя вуза. Мечтает о красивых, умных, современных девушках, забывая, кто он сам.

За четыре-пять месяцев я должен стать другим человеком и третий курс должен пойти совсем на другом уровне.

Работать, работать и работать. Отдыхать буду на пенсии.

16 апреля.

Сегодня был праздник физмата (пси-функции). Актный зал ломился от студентов всех факультетов и гостей из машинострои-

тельного. Думаю, что добрая половина так и не попала на это веселье, куда никто никого не загонял, как на комсомольское собрание. Вначале был КВН между вторым и первым курсом. Наша команда во главе с Володькой Беккером сразила всех наповал своим внешним видом с первых минут. Девчонки нам сделали белое жабо из марли, на которое нацепили бижутерию всех цветов радуги, и мы действительно вышли на сцену во всем блеске. Домашнее задание, конкурс капитанов (Володька Беккер выиграл!). Тема математики, особенно аксиома, что ботинки зашнуровывать легче снизу вверх, чем сверху вниз, характеристика на Федю Графикова и многое другое вызвали в зале гомерический хохот.

Я три года смотрю КВН по телевизору, но, думаю, что наше мероприятие далеко не хуже. КВН оказался только прелюдией к основному празднику, далее «балом» правил Пифагор – Володька Зиновкин в белых простынях и королева физмата Лена Королёва, про которую Рика сказал, впервые увидев ее: «Я бы ей отдался».

Здорово прошёл вечер!

Придя домой, опять попал на торжество – отец получил медаль в честь столетия со дня рождения В. И. Ленина. Мы с матерью за него подняли бокал шампанского. С детских лет, как я себя помню, я всегда восхищался авторитетом отца на производстве, где он трудился мастером токарного цеха, затем начальником этого цеха. Будучи сам токарем высшей квалификации, он замечал любой недостаток в работе своих подчинённых и всегда мог показать и подсказать, как надо сделать правильно. Я любил прибегать неожиданно к нему в мастерские, где меня (теперь удивляюсь) никто не ругал, не выгонял, а ещё учили работать на токарном станке, на сварочном аппарате и ковать раскалённый металл в кузнице. Причём обращались ко мне: «Иван Иванович младший». В Орле я уже не посещал отца на работе, но по отношению его сослуживцев, авторитетом он пользовался таким же.

10 мая.

Вчера был большой праздник – День Победы. Отец любит этот праздник больше всего на свете. Всегда рассказывает, как в этот

праздник работал на поле в 1945 году, и к ним на лошади прискакал управляющий с громким криком: «Война окончена! Бросай работу!» И он, тринадцатилетний мальчишка, помчался с односельчанами праздновать победу, и радости людей не было конца.

Перед Первым мая я полушутя сдал на кафедру решенные задачи по математической олимпиаде. А позавчера получил награду, подписанную и с печатью книгу-альбом о Москве за седьмое место. Смешно, конечно, но, может, это глубоко символично, и я попаду в Москву со временем? Неплохо пишет Рива Паласио в романе «Пираты Мексиканского залива». Я снова увидел для себя призыв стремиться к большой, ослепляющей звездной любви.

ГОРИ, КОСТЁР ПОДОЛЬШЕ, ГОРИ, НЕ ДОГОРАЙ!

24 мая.

Вернулся из сказочной страны, которая называется «инструктивный лагерь».

На станции Думчино по Мценскому направлению Московской железной дороги есть отличный пионерский лагерь, размерами похожий на «Строитель», в котором я когда-то отдыхал после восьмого класса. В этот лагерь привезли всех второкурсников пединститута, которые будут проходить летнюю педагогическую практику в пионерских лагерях Орловской области и за её пределами. Для этого мы повязали на шеи пионерские галстуки и десяток дней изображали из себя чудесных деток, с которыми нам предстоит работать на летних каникулах. А это значит, что мы ходили строем, проводили утренние и вечерние линейки, (звуки пионерского горна и барабана по-родному улаждали слух), распевали пионерские песни, выкрикивали речёвки, девизы, играли в детские игры – словом, в доску были пионерами.

Наш отряд из третьей группы назывался «Кадавры» с лёгкой руки Толика. Девиз наш был: «Чем больше ешь, тем больше хочется».

Ну, а что могут вытворить девятнадцатилетние «пионеры» на свежем воздухе, с отличной кормёжкой, да ещё с бутылочкой винца вечерком, можно себе представить. Девчата наши до сих пор вспоминают, как забрались ночью к нам под кровати пошутить, а Димка Лободин юмора не понял и всех, как маленьких щенят, выкинул в окно, прямо на кусты шиповника. Девочки обиделись, но Димкиной силой восхитились.

А записался я всё-таки на практику в пионерлагерь «Строитель», где буду в роли вожатого.

Остается только сказать, что мне, проведшему своё детство в пионерских лагерях Казахстана и Орловщины, инструктаж был бальзамом для души.

4 июня.

Вчера сдал английский язык, а после мы вчетвером с Рикой, Стёпой, Вовкой Егоровым зашли к Стёпкиной подружке – официантке, где нас встречали четыре леди. Всю ночь болтали, выпивали, развлекались, но без ярких постельных сцен, к которым мы, кроме Стёпы, попросту не были готовы.

Я для себя счёл за правило: если и выпил, то целоваться только с той, которая тебе нравится, а не облизывать всё подряд, что к тебе приближается. Хотя было немножко неудобно, может мы не оправдали доверия ни в чем невиновных девушек, которым скорее всего Стёпа нас расписал настоящими гусарами.

Сижу я в читальном зале библиотеки имени Крупской, и совершенно ничего не лезет в голову. Всё противно! А через два дня сдавать исторический материализм, из которого мне известно только одно слово – «мат».

29 июня.

Всё!!! Сессия окончена, все четверки, жаль, что не пятерки, но что есть, то есть. Пошли после экзамена в городской парк, где в любимом ресторане «Волна» накупили пива и отлично посидели шестером, делая паузы для фотосъёмок, запечатлевая себя, любимых, с пивными кружками для потомков.

Итак, позади четыре семестра, два года напряжённой учебы, и могу смело сказать, что выбор мой правилен.

Мне нравится студенческая жизнь, мне нравится удивительная наука – математика. Мне нравится, что появилось много новых друзей и знакомых, среди которых Толик Коняев, Ираклий Чхеидзе и Володя Беккер – конечно же, самые близкие. Мне нравится, что я – в своём вечном поиске дамы своего сердца. А это значит, что самому надо совершенствоваться и совершенствоваться, чтобы быть достойным её.

27 июля.

Сегодня вернулся из пионерского лагеря «Строитель», где отработал всю вторую смену пионервожатым четвертого отряда. Я вовремя уговорил моих троих друзей, и мы всей четверкой вносили посильный вклад в великое дело – воспитание подрастающего поколения. Рике достался пятый, Вовке – восьмой, Толику – девятый отряд.

Возраст моих ребят был двенадцать-тринадцать лет – «самый-самый». И я, как мне кажется, превзошёл самого себя, вспомнил всю свою богатейшую практику отдыха, все бесчисленные походы, линейки, конкурсы, соревнования, курьёзные случаи, а главное – всех своих наставников моего золотого детства. И, как ни странно, «высветился» в голове образ из многочисленных кино-книжных героев в диапазоне от ковбойского Лимонадного Джо до учителя истории из кинофильма «Доживём до понедельника».

Даже самому себе трудно признаться, что было здесь больше: упорства, кропотливого труда, актёрской игры, непомерной любви к детям (совершенно неожиданное открытие!), озорства юности..., но ещё никогда двадцать пять дней не пролетали в таком ритме дел, событий, в вихре эмоциональных впечатлений.

Но всё по порядку... Когда мы с воспитательницей Людмилой Яковлевной – основным руководителем моей первой педагогической практики, милой женщиной средних лет, одной из учительниц школ города Орла – собрали своих сорок человек для оформления списка отряда, я увидел могучую гвардию подростков, среди

которых я нюхом уловил, если не равнодушие, то пренебрежение к молодому вожатому. Одному из мальчишек, по данным путевки, шел пятнадцатый год, на пальцах и тыльной стороне ладони у него красовалась татуировка. «Вот кого будут слушаться все пацаны отряда», – безошибочно определил я и небрежно властным тоном поручил ему и явно знакомому его товарищу забрать раскладные стулья и стол на месте регистрации и следовать за мной к корпусам нашего отряда.

В момент я увидел, что Игорь (так звали этого подростка) не ожидал такого поворота дела и, подхватив с приятелями вещи, понёс их вслед за мной.

Девочки ушли в свой корпус, где их в огромной палате стала расселять Людмила Яковлевна. В другом корпусе, напротив, я размещал своих архаровцев.

Моя кровать стояла первой у входа, на вторую рядом я указал Игорю со словами: «Ты парень серьёзный, мне пригодишься, будешь спать рядом. А сейчас поможешь с другом, чтобы все ребята устроились, напишешь список всех пацанов для дежурства. Считаю сегодня себя дежурным № 1. Вон там в углу все предметы для уборки. Я к начальнику лагеря на пятиминутку. К моему приходу, чтоб все блестело. Кто не будет успевать, дай легкий подзатыльник».

Не дожидаясь ответной реакции, я круто развернулся и вышел. Короче говоря, контакт с ребятами у меня состоялся, но поволноваться пришлось.

И в памяти моей часто вспыхивали красным семафором образы воспитателей и вожатых, которых не любили и не уважали в пионерских лагерях моего детства.

Даже спустя годы, меня прошибал пот при виде воспоминаний их тогдашнего беспомощного состояния перед оравой простых и с виду безобидных детишек.

Каждое утро, почти на час раньше подъема, я вставал на спортивную разминку, и полусонные мальчишки и девчонки, бегущие в туалет в утренние часы, видели меня подтянутым, бодрым, бегающим, прыгающим, подтягивающимся, отжимающимся. С первыми звуками горна я пружинистой походкой заходил в палату и не громко, но басом говорил бодрящее слово: «Подъём!»

Мои пацаны пулей вылетали на зарядку. Игорь на третий или четвёртый день на зарядку не пошёл, а предпочёл курение в кедровой роще. Так я с ним рядом три дня делал зарядку, как пионер, в общем строю, пока он сам не взмолился, чтоб я его не позорил, как малыша. Весьма способствовали нашему с Рикой авторитету занятия боксом. Мы с ним купили зимой по паре боксёрских перчаток и нередко тренировались в общежитии, где вскоре к нам присоединился Дима Лободин. Потянулись и другие, но не все стали покупать перчатки, а мы свои давали только Диме. Володя и Толик никакого интереса к боксу не проявили. И теперь в кедровой роще ребята старших отрядов с интересом следили за нашими тренировками.

Очень запомнилось несколько моментов. Когда в ночь на Петров день или, как его в народе называют «солнце караулить», я повёл свой отряд на пруд встречать восход солнца, и такие были очаровательные краски природы утреннего неба, первых лучей солнца и та особая задушевность беседы, что, думаю, ребятам надолго запомнится эта ночь. Большой неожиданностью стало для ребят то, что я умею играть на баяне. Нам не надо было ждать, когда лагерный баянист уделит отряду полчаса попеть «обязательные» песни, а уж любимые, отряды обычно пели без музыки.

А как они весело плескались и купались в чистой утренней воде, где не было ни строгого плаврука со свистком, ни десятков и десятков пловцов из других отрядов.

Не знаю, то ли вид у меня был очень уверенный, то ли друзья разболтали, что я неплохо плаваю, но праздник Нептуна поручили готовить мне. Так я стал первый раз в жизни режиссером-постановщиком. Над сценарием пришлось попотеть, помог квновский опыт и озорное летнее настроение.

Я задействовал все лодки плаврука Петра Никодимыча, своих друзей в роли пиратов, водяных и свиты, свой отряд в роли основных исполнителей. И, конечно, сам сыграл роль Нептуна. Во всяком случае, когда я стоял возле трона с трезубцем, в белых плавках с красивым широким поясом с золотым шитьем (девчонки порылись в бабушкиных сундуках), с приклеенной бородой, с короной на голове и могучим голосом распоряжался тысячной аудиторией, я ощутил весьма интересное состояние души и чувство полёта мысли.

Как потом рассказали мои друзья, восторгам детворы и даже старых опытных воспитателей не было границ. А сценарий мой, говорят, отослали в ЦК комсомола.

Прощальный костер в конце смены заставил меня изрядно погрузиться, так как ясно показал, что детство ушло навсегда, и жизнь моя продолжается совсем в другом качестве.

И впервые появилась мысль: «Не мое ли это призвание – работать с детьми?»

Вспомнились слова из песни далёкого детства: «Гори, костёр, подольше, гори, не догорай, а завтра лагерю скажем: «Прощай, прощай, прощай!»

Ну, а теперь о главном. Я влюбился! И в кого бы вы думали? В пионерку!

Да, да! В пионерку своего отряда – Татьяну Маркисову. Нет, не с первого взгляда, а постепенно эта рослая девушка с огромными зелеными глазами, красивыми длинными волосами, завивающимися локонами на висках, с каждым днем нравилась мне все больше и больше. Я как мог старался не выделять её среди других девчонок, которые в основном ко мне все прекрасно относились и беспрекословно слушались. Но все же по каким-то маленьким штрихам она поняла, что я её выделил среди остальных, и сунула мне на прощанье бумажку со своим домашним адресом. Вот и ломай голову: идти или не идти? Ведь она ещё совсем девочка – тринадцать лет, а я уже третьекурсник – студент, и скоро мне стукнет аж целых девятнадцать лет.

У нее пробуждаются первые чувства, а мне уже хочется море объятий, поцелуев и, простите, самой что ни на есть физической любви. Что делать?

Если поеду к ней, то, конечно же, буду себя держать в строжайших рамках. Но очень хочется её увидеть!

4 августа.

Ну, конечно же я пошел к ней. Да и разве удержишь себя, когда тебе почти девятнадцать!

А что? Лучше сделать и жалеть, чем жалеть, что не сделал.

На следующее утро после раздумий «ехать – не ехать», я был у её дома. Это оказался тихий уголок Орла, состоящий из одноэтажных домиков в районе дома отдыха «Ботаника», где на правом берегу Оки находилась наша дача.

В мыслях я пытался отметить и красивое утро, и роскошные сады вокруг домика в созревающих плодах и цветах в разгар лета, но в висках стучало одно: «Неужели я сейчас увижу эту милую обаятельную девочку?»

Не успел я подойти к калитке, как услышал: «Здравствуй, Саша», – и увидел бегущую ко мне Татьяну. Она открыла калитку и повела меня в дом, где находилась вся её семья – мать, отец и младший брат. Я уже их видел, когда они приезжали навестить дочь в пионерском лагере, и заметил, что они благожелательно отнеслись к моему приходу, хотя передо мной сияли восхищенные глаза Танюшки, и больше ничего не лезло в голову. Они мне что-то рассказывали о себе, потом мы ходили с ней и с братом на речку, а вечером всей семьей в парк, но мне они не мешали и ничего не смущало.

Главное, что рядом была Танюшка. Все следующие дни я провёл с ней. Мы разговаривали о чём-то на веранде, ходили на другую сторону реки на песчаный карьер, где прыгали и бесились, как дети, на теплом чистом золотом песке. Вечером танцевали на танцплощадке, и с наступлением темноты меня провожали на остановку, когда Татьяна с мамой, когда с братом, когда всей семьей. Я возвращался домой счастливейшим человеком, и даже ночью снилось, что мы танцуем с Танюшкой вальс.

15 августа.

Вчера я сделал глупость – поцеловал Танечку, но сдержаться не мог, хотя понимаю, что для нее это рано. Теперь я ответственный за то, чтобы из этой красивой девочки вырос настоящий хороший человек, красивая и умная женщина. Никогда не забуду её удивлённых глаз, счастливых и радостных после поцелуя.

Да, Сань, кончилось твоё дон-жуанство, и кто виновник?

Танюшка, милая моя Танюшка. Всё, теперь только она одна будет у меня, а ею уже интересуются мальчишки, какие-то Сашка с

Юркой, но мне нельзя показывать ни в коем случае свою ревность и говорить про других девчонок.

Наконец-то всё стало на свои места, и я выбрался на дорогу, которая ведёт к звёздам. А это мой девиз.

Итак, Танюшка, спорт и математика!

24 августа.

Девятнадцатого августа я совершил воздушное путешествие в Москву, впервые после «кукурузника» и АН-12 я летел на реактивном ЯК-40 – отличный самолёт. Здорово лететь над облаками, как будто огромные снежные горы проплывают под тобой.

Из «Быково» я на такси добрался до центра, созвонился с Лидой, немного удивился её потеплевшему отношению ко мне, и мы встретились, как хорошие добрые друзья.

На следующий день мы погуляли по ВДНХ, где посмотрели интересную Венгерскую выставку, затем сходили на только что вышедший фильм «Судьба резидента», который сняли как продолжение фильма «Ошибка резидента».

Каждый новый день, проведённый в Москве, приносит новые впечатления. Интересно провели время в парке культуры. Там я впервые увидел английские, американские игровые автоматы. На многих из них попробовал свои способности. Весьма забавно, только везде нужны деньги. Жетоны по двадцать копеек автоматы глотают с дикой жадностью голодных уток. Вот на лицо одна из картинок дикого Запада.

Съездил на Стромынку, где находится общежитие института, в котором учится Света. Встретились, поняли, что всё наше личное осталось в прошлом. У неё появился жених, а у меня не было претензий. Расстались по-товарищески без всяких обид.

Двадцать третьего мы с Лидой весь вечер гуляли на Ленинских горах, хотя их в народе называют Воробьёвыми. Удивительно, что в этих красивых местах на всех аллеях, тропинках, дорожках мы не встретили ни одного человека!

Возвратились поздно, просидели на кухне чуть ли не до утра. Лида рассказала о слухах, которые до нее дошли, что я строю с ней

свои отношения, чтобы жить в Москве. Удивительная чепуха! У меня кроме получения диплома и службы в Армии, пока, никаких планов нет. Я ещё раз убедился, что Лида отличная девчонка, но сердце моё она не трогает.

С тем я и уехал домой.

Приехав, я сразу направился к Танюшке. Она меня так ждала! Отец её в который раз был вдребезги пьян. Наверное, попивает крепко. Не всё так просто для этой девчонки. На прощание Татьяна написала мне записку:

«Если дружишь, так дружить, если любить, то любить крепче, чем Ромео Джульетту».

Прелесть моя Танюшка!

25 августа.

Сегодня хоронили Славку Симантовского – разбился на мотоцикле. Первая жуткая потеря среди одноклассников. Собрался почти весь класс. Лил проливной дождь. Мы с Юркой Кузнецовым несли венок. Первый раз я на похоронах, и это жуткая церемония, с каким-то необычным привкусом потустороннего. Тяжело смотреть на безжизненное тело до боли знакомого одноклассника, тяжело выговорить слово «труп».

Невозможно представить, что мы уже никогда не увидим веселого и обаятельного Славку. Никогда не забуду его необычные глаза, хрусталики зрачка у него были вытянуты вертикально, как у кота. Это нас всех в школе удивляло.

Три одноклассницы вышли замуж.

У Ленки родилась девочка.

30 августа.

Вот и кончились каникулы. Теперь за работу.

Вчера с Валею ходили в кино, и после фильма я ей признался, что не могу ответить взаимностью на её чувства. Но так как у меня пока нет конкретной любимой девушки, то можем гулять, ходить в кино и т. д., без громких слов и признаний.

Ещё есть у меня понравившаяся Танюшка и хороший друг Лида в Москве.

Сегодня состоялась встреча нашего четвёртого отряда, на которую пришли в основном девчонки. И, конечно же, она, с которой мы играли роль пионервожатого и пионерки.

Вообще-то я изменился за последний месяц, скорее всего из-за сильного чувства. Теперь мне очень трудно соврать, проехать зайцем, залезть без очереди и т. д. Какая-то мысль внутри подсказывает, что такие поступки не вяжутся с высокими чувствами, хотя, когда же, как не в юности, пошутить, посмеяться, разыграть, не злостно обмануть, подучиться?

ТРЕТИЙ КУРС

3 сентября.

Три дня пишем лекции, куча новых предметов.

Кажется, сто лет не видел Танюшку.

Сказали, что через пару-тройку дней уедем на сельхозработы. Если это будет, как в прошлом году, то лучше бы я остался в городе со своей пионеркой. Но ведь у неё тоже школа и «музыкалка», подготовка к урокам, а болтаться одному в ожидании встреч ещё смешнее. Лучше поеду.

ЗА ОКОЛИЦЕЙ

12 октября.

Седьмого сентября мы уехали в совхоз «Вышне-Ольшанский» Должанского района. Это одно из самых далеких мест в Орловской области. Как поётся в песне – «Степь да степь кругом».

Поселили нас в каком-то заброшенном двухэтажном здании, служившем скорее всего общежитием.

Это основная группа – сорок человек. А ещё одну группу, где были только девчонки, вдвое меньше по численности, направили в поселок Нижне-Ольшанский во второе отделение колхоза.

На следующее утро мы устраивались, как могли, в этих мало-подготовленных условиях. На улице лил проливной дождь, и выйти можно было только в резиновых сапогах.

Дальнейшие события разворачивались не по прошлогоднему сценарию. На этот раз нам дали руководителя из преподавателей – молодого энергичного мужчину, который представился Юрием Ивановичем Захаровым и всю дорогу скромно сидел в стороне, слушая наши байки о прошлогоднем житье-бытье и нашей работе через пень-колоду, походившую на пребывание в пионерском лагере труда и отдыха.

С первого же дня мы поняли, что сами себе выкопали большую яму, увидев перед собой организованного и знающего руководителя.

А мы-то выложили ему все карты – какие мы лентяи и сачки. Мало того, что он заставил нас работать в быстром темпе, но и за небольшое опоздание сразу выгнал меня с Рикой с работы до конца дня.

Больше мы решили не сачковать и не опаздывать.

Мужик он оказался интересный, мастер по планерному и самолетному спорту, трижды чемпион СССР, бывший тренер сборной СССР, знал хорошо спортивное и боевое самбо, побывавший не раз за границей. Что еще может быть авторитетнее для девятнадцатилетних студентов?

Хочешь не хочешь, а вспомнишь книги и фильмы о героях-комсомольцах двадцатых годов.

Темп работы задавал Юрий Иванович, и нам, шестерым ребятам, было стыдно от него отставать. Поэтому мы быстро научились, как жонглёры, кидать и ловить металлические вёдра с картошкой, которые подносили ежесекундно наши сорок девчонок к движущемуся трактору с прицепным кузовом, бодро и весело, выполняя план совхоза по уборке картофеля.

Я и Рика решили выдержать и спортивный режим, нашли силы для утренней зарядки и пробежки. Здесь к нам присоединился

только Юрий Иванович. Не хотелось лишать себя красоты восхода солнца, золотой осени, купания в росе, плавания в пруду.

Где ещё поплаваешь в конце сентября?

По приезду я взял баян у Толика Дорофеева, благо он один из нас волею судьбы оказался в родном селе и жил у родителей.

Получились очень неплохие вечера с музыкой, песнями и даже танцами.

Отметили прекрасно дни рождения Рики и Нельки. Опять я заметил, что Толик очень нравится Нельке, но как заставить ответить на её чувства – никто не знает, ибо Толик никогда не дружил с девчонкой. А жаль! Какая была бы прекрасная пара! Талантливые, красивые, отличающиеся от многих многочисленными дарованиями и способностями...

Мало того, что я оказался единственным музыкантом, так мне доверили каждый раз разливать вино. Оказалось, что у меня получается весьма неплохо отмерять равные количества драгоценной влаги в самые разнообразные емкости. И вот меня, как главного виночерпия и музыканта, послали в Нижне-Ольшанское с баяном для увеселения девчонок из первой группы, у которых не оказалось ни одного парня.

Девчонки жили неплохо, кухня у них была побогаче нашей.

Баян действительно принёс хорошее настроение. Собралась вся молодёжь села, и наша студенческая вечеринка превратилась в настоящий праздник юности. Через пару дней пришлось возвращаться к трудовым будням. И, чтобы не опоздать к сроку, я прошагал десяток километров пешком в кромешной темноте с баяном на плече и только размышления о Танюшке сократили и скрасили весь путь. Самое смешное и трогательное, что она прислала письмо, как она соскучилась и вложила в конверт бумажную куколку. Да... Не забывай, что она все-таки ещё ребёнок! До сих пор удивляюсь, как пройти несколько километров в абсолютной темноте и не споткнуться, не упасть в какую-нибудь яму, не ушибиться, может только очень везучий или влюблённый человек.

Тем не менее, картофельное поле хоть и казалось бескрайним, осталось лишь несколько борозд. И я сбежал за баяном, затем залез на кабину трактора верхом, как Емеля на печку, заиграл шейк, и все

сорок человек, пританцовывая, нагружали картофелем последнюю телегу.

Интересная картина открылась в лучах заходящего солнца – край чернеющего распаханного поля, виднеющаяся опушка золотых берёз, застывшие от изумления на лужайке женщины, гнавшие коров домой, и танцующие с ведрами студенты, а баянист наяривал одну мелодию за другой. Хорошо прошёл прощальный ужин в совхозной столовой. Нас тепло и сердечно поблагодарило руководство совхоза за работу и выдало причитающуюся зарплату. Объявили наш заработок аж по 36 рублей, хотя нам казалось и тысячи было бы не так много. Настолько самозабвенно и добросовестно мы трудились.

На станцию в посёлок Студёный мы ехали на двух бортовых машинах. Опустившаяся ночь была полнолунной, в лёгкой дымке просматривались поля и рощи уже ставшей родной Орловщины. Луна висела над нами как огромный прожектор, осветив вокруг всё как днём.

Кое-где красиво горели костры, весело подмигивали звезды, а мы ехали и пели, и мысль, что эта прекрасная и удивительная колхозная студенческая жизнь закончилась, метеоритом скользнуло по сознанию. Ранним утром нас разбудили уже в Орле. На вокзале Юрий Иванович вручил нам по тридцать шесть целковых, и мы, сгибаясь от тяжести честно заработанных денег, отправились по домам.

Дома, наскоро позавтракав, я пошёл в баню, где мы с Рикой хорошенько попарились, и я поехал к Танюшке. Она убирала помидоры. Увидев меня, выбежала из огорода такая хорошенькая, веселая. Быстро помыла руки, села за пианино и стала что-то играть мне. Какая же она всё-таки прелесть! Потом пришла её мама, встретились с ней как родные.

Я никак не мог насмотреться на Танюшку, уж очень соскучился по ней. Мы пошли пешком аж в кинотеатр «Октябрь», посмотрел фильм о десятиклассниках «Переступи порог», и я подумал: «Что бы там дальше ни было, я никогда не забуду август, который провёл с Танечкой».

Это прекрасная роза в моей душе, хотя мне очень трудно сдерживать свои эмоции и желания в её присутствии. Но разум твердит одно: она всего лишь семиклассница.

Сегодня прошли первые лекции, настрой заниматься капитально математикой и спортом очень серьёзный. Вдобавок появился стимул – Танюшка.

БУДНИ НАШЕЙ ЧЕТВЁРКИ

16 октября.

Странное состояние: чувствую себя совершенно тупым в математике, соображаю хуже многих девчонок, не говоря уже о Володке, Толике и Рике, от которых, как мне кажется, я постоянно безнадежно отстаю. Мне кажется, они работают намного производительнее и эффективнее. А у меня больше на уме девчонки и самобичевание. Сейчас идём вчетвером в театр на спектакль «Виндзорские насмешницы»...

Неплохо посмеялись над комедией, особенно Рике понравилось выражение: «Светило солнце над навозной кучей». Скорее всего, он добавит это к своим крылатым выражениям типа:

«У тебя нет никакого понятия о пространстве и времени»,
«На что глуп, то и понял».

Интересно изменился Рика за два студенческих года: из скромнейшего нецелованного мальчика, прилежно занимающегося на одни пятёрки, он превратился в спортивного, уверенного любвеобильного парня. Наверняка повлиял на него пример Стёпы, такого ловеласа, да и всё разнообразие и передряги жизни студенческого общежития, мои спортивно-боксерские советы и просто желание быть не последним парнем среди нашей молодежи сделали своё дело. Примечателен пример, когда он рассказал мне ещё на первом курсе, какой он составил перечень русской литературы для постижения всех тонкостей языка, чтобы восполнить то, что он не успел и не смог сделать у себя в Грузии. И если он действительно сильно отличался в первые дни учёбы от русских сверстников, то теперь даже с полу-хулиганистой шпаной среди задиристой молодёжи Орла он был на «ты». Вдобавок его выгодно отличало кавказское радушие, гостеприимство и великолепное чувство юмора.

Володька Беккер, несмотря на то, что только на второй год примкнул к нашей тройке, сразу стал всеобщим любимцем. Его искренность, простота в общении, желание притащить всех понравившихся ему людей в свой дом, в свою комнату, где через пять минут каждый чувствовал себя действительно как дома, сразу покорили и нас. Половину свободного от занятий времени мы проводили у него в комнате, где учили математику, спорили, читали, слушали музыку, умудрялись даже играть в мини-хоккей и мини-баскетбол. Он не ходил с нами на плавание, а играл в хоккей и футбол. Отец Володи был главным инженером одного из крупнейших заводов города, а мать – известнейший врач-акушер области, это позволило ему быть постоянно в среде «золотой орловской молодежи». Но никогда мы не чувствовали ни второстепенного отношения к себе, ни дефицита общения. Казалось, что ему можно звонить и приходить в любое время суток. Если его матери удавалось заскочить на обед, то она сразу же тащила нас всех четверых за стол, невзирая на наше смущение, и кормила удивительно обильно и вкусно. Отца Володи мы практически не видели, только знали, что он здорово играет в шахматы, в чём несколько раз убедился наш лучший шахматист Толик. Книги Володька поглощал в огромном количестве, постоянно приносил их из областной библиотеки, которая находилась напротив его дома. Это скорее всего и позволяло ему сыпать как из рога изобилия известными фразами, мудрыми изречениями, анекдотами на вечеринках, КВН и в любой компании.

Девушки у Володи были интересные – статные, красивые, самостоятельные, кажется всегда старше его и никакого отношения к нашему институту не имеющие, а может уже и к студенчеству.

Мы могли только догадываться об отношениях с женщинами Володьки. Скорее всего он уже обладал всем тем, о чем мы с Рикой могли только мечтать, а Толик не помышлял и вовсе. Однако Володя не делился с нами подробностями личной жизни, а мы, тактично, вопросов не задавали.

Наконец, Толик, которого я считаю чуточку к себе ближе, чем остальные. Сын потомственных учителей (я с благоговением рассматривал у него в комнате портреты его предков, учительствовав-

ших в Орловской губернии еще в царские времена), он является самым способным математиком из всех нас, очевидно, компенсируя, как нам кажется свою излишнюю скромность в общении, во всем, и в первую очередь – с девушками. Он великолепно играет на фортепьяно, знает все современные песни Высоцкого, Окуджавы, Визбора, Ножкина, весьма основательно читает современную литературу и фантастику. Все это он никогда ни при ком не афиширует, а просто выдает «на-гора», если того требуют обстоятельства. Любит и умеет играть в футбол, твердый болельщик за московский клуб «Торпедо».

Но удивительно беспомощен в быту. Как он сам рассказывал, однажды его родители уехали на три дня, оставив ему пятёрку на продукты и заполненный холодильник. Возвратясь, ахнули: Толик лежал на диване в том же положении, так же читал книгу, на столе лежала пятёрка, а в холодильнике всё осталось почти нетронутым.

Живём мы с ним друг от друга всего в двух остановках, поэтому часто идём из института пешком, чтобы поговорить о том, что нас волнует. И во время подготовки к экзаменационной сессии сидим в библиотеке по двенадцать часов кряду опять же мы с Толиком.

24 октября.

Только что пришёл домой с концерта ансамбля «Голубые гитары», опять ходили вчетвером с ребятами, особенно понравились песни популярной на Западе группы «Битлз» в их исполнении.

Странно как-то, в газетах ругают западную музыку, а она почему-то большинству нравится. Лёгкая, весёлая, мелодичная, приятная.

Давно пора нам четверым улучшать свою культурную программу.

Сегодня отлично решал и отвечал по высшей геометрии.

Как здорово и уверенно себя чувствуешь, когда знаешь!

Поменьше бы ленился, имел бы повышенную стипендию.

25 октября.

Весь день моросит дождь, но никогда я ещё не был так счастлив. Гуляли весь вечер с Танюшкой, посмотрели фильм «Счастливый человек».

Кажется, что с каждой минутой я люблю её все больше и больше, хотя не скажешь этого милому подростку.

Что значит настроение!

Моросит дождь, море грязи, а для меня лучшей погоды не может быть. Фонари, отражаясь в мокром асфальте, кажутся далёкими планетами. Воздух напоен букетом осенних ароматов. Рядом озёра Танюшкиных глаз, вьющиеся на висках волосы – и всё остальное кажется второстепенным. Удивительно красиво смотрятся мокрые деревья в свете вечерних фонарей. Капли дождя образуют сотни бриллиантовых окружностей, то голубовато холодных, то оранжево-тёплых, в зависимости от цвета фонарей. В старших классах любил песню «Фонари», которую исполнял Жан Татлян.

Сегодня даже не пошёл с ребятами на вечер «Посвящение в студенты» в машиностроительный институт, о чём несколько не жалею.

Накатились строчки:

Осенью поздней, бродя по аллеям,
Глядя на звёзды, мечтал о тебе я.

Стал подумывать об аспирантуре. Мои старые учителя и наш куратор – все советуют поступать после института. Конечно, неплохо погулять по Москве годика три аспирантом, но для этого надо совсем по-другому заниматься математикой, а я лишь только мечтаю.

5 ноября. 00 часов. 05 минут.

Только что пришёл с улицы, там идёт снег, метёт метель. Настроение отличное. Я вышел за дом к дальним сараям и барахтался в снегу один, как когда-то в детстве.

Эх, было время! Прыгали с крыш сараев – это снег! Строил пещеры, крепости из снега в огороде, вырезая снежные кирпичи ножом – это тоже снег! Катались на лыжах, шел по сугробам в музыкалку, не признавая автобусов, по воскресеньям бежал на мультфильмы по искрящемуся снегу – и это снег! Раскинув руки, лежал в сугробе и глядел на яркие звёзды, мечтая о полетах на другие планеты, рассматривал в принесённую отцом подозрную трубу ночное небо и в первую очередь Луну – опять снег! Морозным вечером топал по снегу в кедах, провожая издали Галку Орлову, а ноги замерзали до слёз в глазах – так же снег! Я проваливался лицом в снег, растирая его на щеках, дышал полной грудью... Вспомнил, как весной в десятом классе я на этом же месте барахтался так же в снегу и слепил огромную снежную бабу, которая растаяла окончательно, когда уже зацвели одуванчики.

Мысли снова вернулись в Экибастуз, где мы шухарили в снегу по соседским огородам, вспомнилось катание на коньках на карьере и на хоккейном корте, работающем вечерами как городской каток, где по репродуктору разносились мелодии красивых песен: «Карелия», «Голубые города», «Катарина», «Воскресение», «Город родной», «Ночным Белградом» – и это все снег... Недурной парнишка, неплохо знающий математику, а вокруг снег, снег! Снег, Танюшка и математика.

7 ноября.

После демонстрации мы собрались у Ольги Сёминой всей старой школьной компанией, Ленка, как первая замужняя одноклассница, делала вид, что меня совсем не знает. Мне было так смешно, но правила игры я поддерживал.

Девочки наши стали совсем взрослыми. Очень интересно поговорили с Ольгой Сёминой, Валей Кочановой, Наташей Назаренко. Сестра Володьки Волошина Тамара, учившаяся тремя классами ниже, превратилась в высокую стройную девушку с длинной косой и потрясающими стройными ногами. Вспомнил Пушкина, который не раз твердил о редкости такого явления, а тут, пожалуйста... Хорошо, что не взял с собой Танюшку. Для нашей компании она

ещё детский сад. Саша Ляпин и Вовка Агатов основательно перебрали с выпивкой, и нам с Володькой Волошиным пришлось танцевать с девчонками за всех пьянчужек.

22 ноября.

Как интересно пишет Джек Лондон, особенно меня потрясла глава «Тайна женской души» в романе «Смок Белью», где героиня по имени Лабискви отдала Смоку всю свою любовь и нежность, а вместе с ней и жизнь во имя спасения его от голодной смерти.

Неожиданно получил от Галки Орловой письмо, пишет, что работает продавцом в одном из центральных магазинов, снова вернулась к своим длинным золотым волосам. Готовится в торговый институт, ждёт своего парня из армии. Совершенно никаких эмоций не вызвало это письмо. Сегодня по радио много говорили об Иване Алексеевиче Бунине, знаменитом писателе, чья молодость прошла в Орле. Надо почитать его книги, если они есть в Крупской. Столетний юбилей отмечают, значит заслужил.

5 декабря.

Очень хочется съездить за границу. Читаю «Примечание к путеводителю» и размышляю о возможности этого мероприятия. У нас в СССР это архитрудно. В социалистические страны, как я слышал, еще более-менее попадают, а уж в Америку, Францию, Италию крайне редко.

Наш куратор иногда доверительно шутит со студентами, очень точно указывая их особенности. Очевидно, эти подробности он черпает у Рики, хотя, на мой взгляд, это не всегда благородно.

7 декабря.

Отец заболел, у него камни в почках. Привезли на «скорой» в областную больницу, там сделали укол и отправили домой в два часа ночи пешком. Это какое-то бессердечие по отношению к человеку! В семь часов утра приступ повторился снова, привезли на

«скорой» в областную, где не стали даже смотреть, а сказали водителю, чтобы тот вез отца в городскую больницу имени Семашко. Там отца положили в урологическое отделение.

Да, впервые в жизни убедился в том, что болеть у нас просто опасно. Часто мы читаем в газетах, что в капиталистическом мире нужны тысячи долларов на лечение, а у нас всё бесплатно. Но такое бесплатное отношение, какое я видел, совершенно недопустимо, если говорить о достоинстве и уважению к человеку.

23 декабря.

Сегодня очень хорошо прошла тренировка по плаванию. Неплохие результаты в плавании кролем и на спине. Но тренер наш, Лев Георгиевич, «подцепил» нас очень хорошо. Встретил нас восклицанием: «А, математики? Помыться пришли? Помойтесь, помойтесь!»

Рике, Толику и мне стало стыдно за пропуски наших тренировок.

Вчера посмотрел фильм «Моя прекрасная леди» (США) – великолепный фильм. Очень понравилась актриса Одри Хепбёрн. Надо почитать Бернарда Шоу.

В нашей четверке гуляет шутка, что все великие люди очень большого мнения о своих умственных способностях. Толик говорит, что он большого, Рика – это необходимое условие гения или таланта, а Вовка Беккер почему-то сказал, что я о своих способностях большого мнения, чем Рика и Толик вместе взятые.

Вспомнил, как наш физик пророчил мне академика.

Скоро Новый год... Осталась одна неделя. Взял билеты в театр на бал. Рика и Толик тоже изъявили желание. Преподаватель кафедры физкультуры Александр Стефанов в паре с Галиной Фридман выиграли кубок Советского Союза по акробатике. Наш институт не лыком шит!

Сегодня весь наш курс писал министерскую контрольную. В конце дня сказали, что мы все четверо с ней неплохо справились, значит еще голова «варит». Сдал курсовую на четвёрку и поехал к Танюшке. Она предложила сыграть с ней в морской бой. Неуже-

ли мне светят любовные подвиги только такого рода в ближайшие годы, пока она не вырастет?

Скоро Новый год, но нет той радости, что испытывал в детстве, когда за месяц до праздника в голове были ёлка, дед Мороз, карнавал, подарки.

Но возвращаться постоянно в прошлое – скучное занятие.

1 января.

Не могу поверить, что в этом году мне будет двадцать лет. Тридцать первое декабря всех удивил весенней погодой. Ярко светит солнце, кругом все таяло, бежали ручьи, как будто конец марта.

В театре оказались только мы с Толиком. Веселья в этот раз не получилось. Мы прихватили бутылку шампанского и ушли к нему домой.

Я позвонил в Москву, поздравил Лиду. Еще раз подумал о прератностях судьбы: прекрасная девушка оказывает мне все знаки внимания и нежности, а я вместо достойного ответа втрескался в пионерку и занимаюсь с ней то «морским боем», то решением задач для седьмого класса и умудряюсь при этом прыгать от счастья.

Домой пришёл в середине ночи, проспал до трех часов дня и поехал к одноклассникам. Наташка Назаренко первой из нас исполнилось двадцать лет. Володька Волошин, Ольга Сёмина, Валера Федулов, Валя Качалова и незнакомка Люда – вот и вся компания вместе со мной.

Очень неплохо, когда есть одноклассники!

В СЕМЬЕ НЕ БЕЗ ПРОБЛЕМ

5 января.

Умер мой дедушка Пахом Максимович. Мать с бабушкой уехали на похороны в Экибастуз. Я не видел деда больше пяти лет и очень жалею, что не удалось нам встретиться за эти годы. Всё детство прошло рядом с ним. Только теперь начинаю понимать, какой это был

могучий человек. Несмотря на контузию в русско-японской войне в начале века, он до девятого десятка сохранил юношескую стройность фигуры, почти не потерял зубов. Всегда носил бороду, как Лев Толстой, и очень нежно ко мне относился. Я, как мог, злоупотреблял его хорошим отношением: воровал у него царские деньги, которые обменивал на рыбок, а с 1961 года вытаскивал из его чемоданчика монетные рубли и полтинники, тут же превращал их в любимые ириски. Дед выходил из себя, грозился меня отлупить, но ни разу даже пальцем не тронул. Рассказывал дед мало, но содержательно, о том, что видел живого Ленина, здоровался с ним за руку, будучи солдатом в первые годы советской власти, поведал только мне.

Весь вечер я бродил по полю и пустынному саду возле больницы. Светила яркая луна, снег искрился и гулко скрипел под ногами, как будто звуки транслировались через многочисленные усилители на сотни метров.

А я всё думал о первой невосполнимой потере в нашей семье и не мог поверить, что никогда уже не смогу увидеть родного человека.

12 января.

Только что пришёл с катка. Удивляюсь, как я мог почти три года не кататься. На стадионе «Динамо» ничего не изменилось: так же залит лёд, те же мелодии несутся из громкоговорителя (можно было бы их давно обновить!). Народ с удовольствием катается.

Познакомился с симпатичной девушкой. Её зовут Галя Николаева, учится она в нашей школе в девятом классе и живёт этажом ниже Ленки. Надо же! Оказалось, что она меня знала все эти годы, просто превратилась из пятиклассницы, на которую я не мог обратить внимание четыре года назад, в теперешнюю красавицу. Забавно было услышать, как они с девчонками следили за нашей дружбой с Ленкой. Ходили по пятам, подслушивали, подсматривали, как мы целуемся. А мы и не подозревали, что были столь любопытным объектом.

В общем, каток оставил приятное впечатление и явился хорошей разгрузкой после сдачи дифференциальной геометрии.

Сегодня Володька Волошин и Ольга Сёмина объявили, что скоро поженятся. Полк холостяков нашего класса убывает...

Вечером возле магазина встретила какая-то женщина, попросила сделать ей контрольную по математике. Оказывается, ей Галка Аллас сказала, что я учусь на физмате.

Всего сорок минут мне понадобилось на эту процедуру, за которую мне женщина всучила пятнадцать рублей, несмотря на все отказы.

Недурно для студента с месячной стипендией в двадцать восемь рублей. Таких бы клиенток хотя бы в день по одной.

В автобусе сегодня ехала со мной симпатичная дама лет двадцати трех-двадцати пяти – красивая внешность и жуткий пессимизм. Непривычно было слышать такие фразы, как:

«Зачем люди живут?»

«Не могу смотреть на эти жалкие хозяйственные сетки, сумки, платки...»

«Как живут люди в таких убогих комнатах-клетушках?»

«Никому нельзя верить», и так далее.

Наверное, её бросил любимый человек или случилось какое-то другое горе.

26 января.

Сегодня у отца опять приступ с почками, а маме сделали операцию сложнейшего аппендицита. Обоих отвез в больницу, сижу, ничего не соображаю, а завтра у меня экзамен и зачёт.

С иронией смотрю на письмо, пришедшее сегодня от Лиды. Она меня ждёт на каникулы в Москву. До Москвы ли мне сейчас?

30 января.

Сегодня был в больнице у отца с матерью. Отца отпустила боль, и он хлопчет возле мамы. Оказывается, когда мать привезли с гнойным аппендицитом, да ещё в выходной день, дежурный врач определил неизвестно откуда почечную колику, посадил её в ванну с горячей водой, и после она неимоверно мучилась до утра понедельника, пока не потеряла все силы.

Утром сделали операцию с диагнозом «перитонит», а отец раскопал в справочниках, что не исключен смертельный исход. Что думать о медицине, я не знаю, но жизнь приоткрылась с очень мрачной стороны.

Экзамены я всё-таки сдал, естественно не пошел ни на вечер встречи выпускников, ни на свадьбу к теперь уже Волошиным Володе и Ольге, а мотался по магазинам и базарам, варил бульоны и носил в больницу.

Могу теперь смело сказать, что роль хозяйки в доме очень тяжёлая.

Вот такие у меня выходят каникулы.

7 февраля.

Всё-таки в Москву я съездил. Три дня назад отец вышел из больницы, взял хозяйство в свои руки и разрешил мне развеесться. Лида встретила меня прекрасно, все восторгалась моей белой шапкой. Ее мама помогла купить деликатесы для моих больных: чёрная и красная икра, ананасы, угорь, палтус, сервелат – может, хоть это как-то улучшит аппетит матери. Я вовремя приехал. Отца опять отвез в больницу, завтра ему будут тащить камень из почки петлей. Этот новый метод лечения разработал доктор Марголин, и отец оказался одним из первых пациентов. Единственное, что радует сегодня – это то, что мама хорошо поела сваренный мною бульон. В Москве с Лидой поспорили на две бутылки коньяка, что я поступлю в аспирантуру. Послезавтра начинается практика в школе, и я в первый раз в жизни войду в класс в роли учителя. Удалось распределиться в родную школу.

БЕСКОНЕЧНЫМ КАЖЕТСЯ УРОК...

9 февраля.

Практика началась, да ещё в родной школе, где почти три года назад я бегал десятиклассником. Наша неизменная завуч Тамара

Абрамовна Рудакова провела вступительную беседу. Мне достался 8 «б», где математику ведёт Тамара Петровна, а Толику – 8 «а». Удивительное чувство – ощущать стены родной школы, видеть до боли знакомых учителей, но не встретить ни одного одноклассника и самое непривычное, что меня зовут Александром Ивановичем.

Кстати, в моём восьмом «б» учится брат Ленки – Юрка, с которым я когда-то был чуть-чуть не в родственных отношениях. В школе сразу вспомнили, что я играю на баяне, и сразу же Василий Николаевич, который вёл у нас электротехнику, потащил меня к своим девятиклассникам разучивать песни к очередному праздничному вечеру. С первого взгляда было видно, что отношения между Василием Николаевичем и его ребятами накалены. Ребята не хотели петь, Василий Николаевич стал их ругать, и я попросил его оставить меня с классом наедине. Мы сразу вспомнили то время, когда я приходил к ним с баяном, а они были пионерами. Я выразил удивление, что они так выросли за эти четыре года, а затем мы составили быстро совершенно новую программу и спокойно, с настроением стали репетировать. Опять я скатился на общественные дела – баян, репетиции, стенгазеты, вечера, хотя на первом месте должна быть только математика.

Свой первый урок я даю шестнадцатого февраля. Это значит у меня всего одна неделя на подготовку к такому ответственному моменту. Ну вот! Ругал себя за баян, а ребята из класса Василия Николаевича подарили мне огромные белые цветы после репетиции. К моему стыду не знаю, как они называются, я их тут же отнес маме в больницу. Ей было очень приятно. А цветы называются «Каллы».

10 февраля.

Сию вторую день на уроках в моём восьмом «б». И почему-то мне кажется, что не столько толковых объяснений и решений на геометрии, сколько грозный голос Тамары Петровны гремит как раскаты грома. Ребята уже оступели, как бараны от всяких взбучек и устрашений. В довершении их оставили на шестой урок, которого нет в расписании. Это значит еще сорок пять минут изучения математики из-под палки. Думаю, что мне учиться пока не у

кого, Тамара Петровна далеко не образец педагога с большой буквы. Будем искать свои пути, хотя всё, что можно для дела, можно взять и у неё.

11 февраля.

Сегодня Тамара Петровна давала открытый урок для всех студентов, проходивших практику в школе. У неё был какой-то испуганный вид в течение всего урока, и меня это удивило. Ребята сидели довольно тихо, отвечали вяло, и не было, как я представлял, блестящего оркестра и великолепного дирижера. Кем же мне всё-таки быть: математиком или учителем математики?

20 февраля.

Долго не писал, только что пришёл с вечера, посвящённого Дню Советской армии. Немного было грустно, что нет одноклассников, все ребята моложе меня. Много играл на баяне, танцевал с Галей Николаевой, которая выглядела ещё лучше, чем в январе на катке, и с девчонками своего 8 «б» класса. Неделя была очень напряжённой.

В понедельник дал первый в жизни урок по геометрии, но не по плану первого пробного, а просто попросил Тамару Петровну для уверенности. И он прошёл неплохо. А вот по плану первый пробный провёл неважно. Чувствовал себя, как в каком-то киселе. Заторможенность речи, неуверенность, слабый темп урока. Оказывается, не так просто добиться чтобы тридцать учеников не отрывали от тебя глаз при объяснении материала и, как по мановению волшебной палочки, бросались скрипеть авторучками, выполняя задание учителя. А учитель чувствовал себя как великий дирижёр, малейшее движение которого, ученики с трепетом стараются исполнить. В общем, я был не удовлетворён.

Толик тоже первый урок дал слабый. А второй пробный у меня был намного лучше предыдущего. Не зря я сделал акцент на уверенность и темп. У ребят другое внимание, сосредоточенность и реакция. Ещё я понял, что нельзя делать паузы, иначе ученики в

один момент становятся неуправляемыми. И тогда на них остаётся только кричать, орать, к чему они, к сожалению, давно привыкли.

А Рая Козюкова дала урок просто на «отлично» – вот, что значит работать в школе после педучилища.

По Танюшке соскучился, даже некогда к ней съездить.

Школа, дом, больница.

21 февраля.

Сегодня был «Огонёк» только в моем 8 «б». Скажу сразу, я не в восторге, хотя это мое внеклассное мероприятие как учителя-практиканта.

Модно и по-взрослому выглядели Таня Реброва, Аня Харитонova, Галя Бодакина.

А у меня в голове одно – «Александр Иванович!» Вот и стал взрослым Санька Шевченко, который вроде был вчера еще сам восьмиклассником.

Почему-то грустно становиться. Теперь мне все понятно и предсказуемо.

Ребята не танцуют, девчонки стесняются. На чаепитии чуть расковались. Девчонки поздравили нас, мужчин, мне подарили очаровательного утёнка. Первый раз вижу такую красивую мягкую игрушку.

Неплохо прошел «Огонёк», в смысле песен, стихов, танцев...

Интересно, Володька Беккер тоже проходит практику во второй школе, где учился, таскает домой вундеркиндов и выливает на них весь свой огромный потенциал полиглота и математика.

3 марта.

Сегодня впервые урок прошёл отлично. Я себя чувствовал уверенно, класс работал хорошо, даже двоечник Захаров поднимал руку и отвечал.

Оказывается, на хорошем темпе и интересно построенном материале можно раскатать далеко не сильный класс. Однако к хорошему уроку надо тщательно готовиться, блестяще владеть матери-

алом, чётко продумывать весь ход урока и ещё знать возможности и умение отвечать каждого ученика.

Теперь о невероятном событии. Как-то так получилось, что все эти дни частенько иду домой с Галей Николаевой, благо нам по пути и, к своему ужасу, все больше охлаждаваю к Танюшке.

Ругаю себя страшно. Заранее знаю, что больше полгода с Галей не прохожу. Но что поделать, если эта девятиклассница из ума не выходит.

Вчера был у Лидии Всеволодовны дома. Приятно попить чай с бывшим классным руководителем, как с коллегой. Она дала почитать Оскара Уайльда.

Проверяя контрольную по геометрии, поставил десять двоек. В душе волнуясь, не жестоко ли, но что можно поделать, если математически эти работы никудышные.

Да, всё-таки не зря я чувствовал в конце июля прошлого года, что не стоит мне ходить к Танюшке. Она, конечно, прелесть, но ребёнок. И всё время ждать меня, не зная, когда я соизволю прийти, тоже не лучший вариант.

НЕУГОМОННЫЙ РОМАНТИК

14 марта.

Вот и кончилась долгожданная педпрактика. Кажется, при желании хороший учитель из меня мог бы получиться. Это для меня открытие. Никогда не думал, что мог бы быть учителем, однако, когда ты ощущаешь внимание и уважение всего класса и можешь всех заинтересовать и предметом, и своим авторитетом – это стоит многого.

Учиться остается практически один год, а реализовал я себя процентов на двадцать пять-тридцать.

Интересно было услышать мнение Тамары Петровны на итоговой конференции, что я мало работал как классный руководитель. Это при моей-то работе с классом баянистом, режиссёром, репетитором?

Может она каким-то образом почувствовала моё разочарование в ней как в образцовом учителе? Хотя я своими мыслями ни с кем не делился, даже с Толиком.

Я в принципе согласен с оценкой «хорошо», но только не за внеклассную работу, а за математику. Можно было еще интереснее и чётче вести уроки.

Вчера был у Галки. Наверное, только у меня дурацкие мысли, что не совсем красиво студенту-практиканту ухаживать за девятиклассницей. Чем больше мы гуляем по Орлу, тем красивее и желанней она становится. На днях был изумительный снегопад, и мы гуляли в парке, по набережной, я брал её на руки, кружил в фантастическом вальсе, и мы целовались...

Вконец запутался! Опять в голове сплошной клубок имён, проблем и неясностей.

Вон все из головы, конец, хватит, точка!

21 марта.

Прошла первая неделя после практики. Много новых предметов: «Основания геометрии, теория вероятности (это по которой после радости – неприятности?), основания арифметики».

Сколько же надо заниматься?

С Толиком сделали электрическое табло тригонометрических функций. Это в подарок школе, где мы прошли первую практику.

А вообще все здорово! Весна, молодость...

26 марта.

Двадцать четвёртого была научная конференция по педагогике, где я выступал с докладом, хотя главное событие было вчера. Я впервые поцеловал Галку. Я губ таких прекрасных не видал...

Теперь не могу смотреть на прежние записи.

30 марта.

Гуляем с Галкой вечерами, целуемся. Мокрый весенний снежок и ощущение прекрасного полёта. Что это? Неужели то самое? Готов ли я на настоящие серьёзные отношения?

2 апреля.

Долетался! Вчера подошел к доске приказов, а там висит приказ о снятии меня со стипендии за пропуски занятий. Срываю приказ, бегу в деканат, пускаю слезу несчастного студента, обиженного деканатом. В этот момент замечаю ошарашенные лица декана и преподавателей, а сзади – лопающиеся от смеха рожи Толика, Рики, Вовки и наших девчонок. Особенно громко смеялся замдекана, заядлый курильщик с кличкой «Везувий», всегда находящийся в табачном дыму и в пепле. Бедные женщины-преподаватели физмата не могли находиться в прокуренном деканате больше десяти секунд.

Купили с потрохами на 1-е апреля!

13 апреля.

Как тяжело все это пережить! Галка сказала, что любит другого, хотя раньше, кивая на фотографию на столе, где был представлен молодой курсант лётного училища, она говорила, что это её брат.

Не из-за кого я так не страдал, как в эти дни. Я не знаю, что делать: то ли выкинуть её образ из головы, то ли бороться за неё? А чего бороться, если она твёрдо отдала предпочтение ему. Иначе бы он навсегда бы остался «братом». Сплю плохо, брожу как лунатик по саду за больницей Семашко, есть ничего не хочется. Жалкое состояние, но, ведь она никаких признаний и клятв не давала! Чувствуешь полёт бумеранга? Держись, Саня! Это надо пережить. Хорошо, что далеко мы не зашли в отношениях, честная девочка! Но как болезненно ощущать, когда с тобой рвут отношения не по твоей инициативе! Особенно когда ты к партнёру равнодушен.

А тут ещё зачёты, как не вовремя!

25 апреля.

Хвалю себя, что удержался от унижительных визитов к Галке и ненужных выяснений отношений. Помучился, переболел более-менее.

Я написал ей длинное письмо о своих чувствах и главное – мне удалось ничем её не обидеть, обойтись без упреков и закончить светлыми словами.

Как мне кажется, она хотела после получения письма поговорить со мной, но я постарался в те дни быть от неё на приличном расстоянии.

С каждым днём чувствую, как боль в сердце потихоньку утихает.

Сегодня был праздник «Пси-функции», но он на меня совершенно не произвёл впечатления, хотя Толик и Вовка были ведущими.

Вчера мои друзья – Юра Кузнецов, Валя, Дима Лободин помогли мне вскопать всю дачу. Отец еще в болезненном состоянии, мать четвёртый месяц не выходит из больницы. Отца известили, что скоро дадут однокомнатную квартиру. Не густо, конечно, но все же лучше, чем здесь, в этой дыре-коммуналке.

А пока только мечтаю принять ванну у себя в квартире.

29 апреля.

Смотрели с отцом будущую квартиру в районе Ботаники – пятый этаж, балкон. Слышен довольно громко грохот трамваев, не говоря уже о самой автомобильной улице Комсомольской, через которую проходит трасса Москва-Харьков. Достал справочник для поступающих в аспирантуру. Если буду лениться, останется ненужным сувениром. Неплохой девиз я себе придумал в начале года: «Стремиться к звёздам!»

1 мая.

Три часа ночи. Вторые сутки не могу прийти в себя от впечатления, произведенного книгой Майи Бессараб «Ландау».

Оказывается, еще совсем недавно жил и работал на свете человек, сфокусировавший в себе почти всё, о чём я только мечтал. Ярчайший талант с детства, завидная независимость и постоянство в мыслях, объект преклонения и любви женского пола, одарённый актёр и юморист от природы, и вообще давно я не испытывал такого потрясения, разве что после прочтения в детстве книги о Суворове.

Хочу спать!!! В девять часов мы должны уже идти в колонне демонстрантов.

Интересно говорил о талантливых лентяях Ландау: «Это же паразит, вроде вши». «Так что, Саня, работать и работать».

7 мая. 00 часов. 15 минут.

Я буду математиком!

03 часа. 15 минут.

Не могу заснуть. Вспомнилась Галка Орлова. Встал и начал писать о своей первой любви. Надо написать книгу или рассказ, чтобы напечатали, а то так и не узнают люди, какой была любовь во второй половине двадцатого века.

04 часа. 15 минут.

Ещё не сплю, ходил на улицу. Светает. Ночь прошла интересно. Луна светила так ласково и ярко, словно должно было произойти что-то необыкновенное и прекрасное.

Сейчас красивый рассвет. У меня такое чувство, будто я очистился от всех грехов. Голова ясная и свежая.

11 часов. 15 минут.

Практически не спал. Утром совершил мощную пробежку, как будто заново родился.

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ КУРСОМ

5 июля.

Как долго не писал! Просто не было желания. В середине мая ходили с ночёвкой в Вязки, недалеко от пионерского лагеря

«Дружба», я, Толик, Рика, Валя Брылёва, Ирка Володина, Нелька Перова, Наташка Завидова, Ирка Ширяева.

Костер, палатка, ужин с вином, танцы, катание на качелях в пионерском лагере в три часа ночи, в общем отдохнули.

Валя все равно оказывается рядом, несмотря на всю мою безынициативность по отношению к ней.

Впервые сдав с ребятами задолго до срока все зачёты, дней десять ездил в Ботанику загорать с Танюшкой. Особенно нам понравился песчаный карьер, я даже сразу не сообразил, что это тот самый песчаный карьер, где мы барахтались с ней год назад, а теперь это было круглое озеро с довольно чистой зеленоватой водой. Чистейший, пастельных тонов песок приятно ласкал наши тела, когда мы просто лежали, бесились, кувыркались, прыгали, как будто нас кто-то изнутри заводил ключиком.

Если историю педагогики я почти не учил, но играючи получил пятерку, то высшую геометрию я впервые проштудировал до запятой и впервые у самого Парнасского я чувствовал себя на экзамене неуязвимым и ни на йоту не слабее Толика, Рики или Вовки.

Правда, получил оценку «Хорошо», но только из-за того, что я, сделав паузу для значительности в ответе, неожиданно получил от Толика ненужную подсказку, вернее даже попытку подсказки, а Парнасский не терпит ни подсказок, ни списываний. Что ни говори, но я предпочитаю строгого, высокопрофессионального преподавателя, с ним только и можно черпать знания, а не хватать мёртвые оценки впустую у мягкотелых слабаков.

Итак, впереди четвёртый и последний курс. Через год я буду иметь диплом, и весёлая студенческая жизнь закончится. А жаль!

Кстати, неделю назад мы переехали в новую квартиру, где, увы, удобства почти не действовали. Вся сантехника, впрочем, как и вся квартира, имела ужасно плачевный и разорённый вид. Всю неделю мы белили, красили, скребли, чистили, меняли, отвинчивали, привинчивали.

Довольно-таки тяжело оказалось таскать вещи на пятый этаж. Что значит, привык жить на втором! Когда всё закончилось, я пошёл к Танюшке.

Теперь нас разделяет всего одна остановка. Нацеловались с ней досыта, а на следующий день она уехала в пионерский лагерь, а я в дом отдыха «Ботаника», через который мы пять лет ходили на дачу.

Отец взял путёвку на работе за семь рублей и решил, что я пару недель буду отдыхать и готовиться к экзаменам в доме отдыха «Ботаника». Меня идея заинтересовала. От привычного с детства пионерского лагеря дом отдыха отличается значительно, а точнее – полной свободой. Можешь пойти поесть в столовую, а не хочешь – не приходи. Можешь прийти ночевать на свою койку, а можешь и не приходить. Молодёжи почти не было. Десяток-два заочников из нашего института, остальные все старики.

Но в целом мне понравилось. Я играл в бадминтон, загорал, плавал в Оке, благо пляж в 100 м от корпуса. Вечером на нашу танц-площадку приходила молодежь из ближайших кварталов города. Познакомился с двумя обаятельными женщинами-заочницами из нашего дома-отдыха, лет на несколько старше меня: одна из них инспектор РОНО – Тамара. Вторая – директор быткомбината в одном из райцентров – Люда. Тамара оказалась удивительной пловчихой. Она могла плыть со мной на любое расстояние, обычно женщины далеко не плавают. И собеседницей она оказалась интересной, чувствуются хорошие знания по литературе и истории. Странно, что ей интересно со мной, мальчишкой по сравнению с ней. Но грань дружеских отношений мы не перешагивали.

Ездил в пионерский лагерь к Танюшке. Интересно было оказаться в родных местах гостем со стороны. Оказалось много знакомых. Плаврук Петр Никодимович, девчата с нашего курса, преподаватели орловских школ, работавшие в прошлом году и очень много ребят старших классов из моего и Рикиного отрядов.

Меня встретили как родного, после бассейна, бадминтона, волейбола, тенниса мы еще устроили с вожатыми сабантуй до двух ночи. Руки болели от баяна. Уложили меня спать к ребятам первого отряда, где я пять лет назад числился в первом отряде и спал на этом месте. Да, пятнадцатилетние девчонки – это едва раскрывшиеся цветы, самые красивые, самые свежие.

Как бы я хотел снова стать пятнадцатилетним! Но увы, мне скоро двадцать. Старость – не радость.

Сегодня утром я уехал из лагеря. Танюшка меня провожала до самой остановки автобуса.

В этом году она уже не держала дистанцию со мной, как с вожатым, и вела себя, как моя девушка. А я понял, что ребёнку ещё взрослеть и взрослеть. И пора девочку оставить в покое.

Все, устал, не записал и сотой доли своих впечатлений за этот период, но хочу спать.

26 августа.

Сегодня мне исполнилось двадцать лет. Начинается третий десяток моей грешной жизни. За истекшие десять лет я окончил музыкальную школу, общеобразовательную, поступил в институт и передружил с кучей девчонок (шутка).

Вчера я приехал из Москвы, был у Лиды с неделку. А она до этого неделку погостила у меня в Орле. Показал ей город, понравившись старинные здания и храмы, восхитилась допотопными вагончиками трамваев, позагорали на карьере, переночевали в кузове автобуса на нашей даче без всяких интимных подробностей.

Не зацепила она меня за это время. Чутьочку устал от неё. И умная, и симпатичная, и душа вроде бы к ней лежит, но сердце молчит, как партизан.

Значит не моё это сокровище.

ЧЕТВЁРТЫЙ КУРС

31 августа.

Завтра первое сентября. Последний курс. Настроен, кажется, серьёзнее, чем обычно. Посмотрим, как пойдут дела. Этим летом заработал сто пятьдесят рублей математикой, и всего лишь за один месяц.

Летом ко мне привели Сашку Деревцова, которого оставили на осень в девятом классе. Я сказал, что за месяц пройду с ним всю математику с пятого по девятый классы, но буду брать по пять рублей за два часа, как все опытные репетиторы Орла. Пижонство, конеч-

но, но я стал заниматься с ним серьезно. Объясняя ему всю теорию, учил решать простые и сложные задачи, работал с ним больше двух часов, а его заставил трудиться еще больше над ежедневными домашними заданиями. И результат не замедлил сказаться. Позавчера Сашка отрапортовал, что твердо зачислен в десятый класс. Думаю, что этот случайный опыт придаст мне силы и уверенность для дальнейших дел.

Нельзя не сказать, что парень оказался хороший, выполнял все мои требования: носил мои вещи, раскладушку, как денщик, если я отправлялся на пляж (не мог же я отказать себе в удовольствии побывать на пляже, если кому-то нужна математика?) Будь рядом и получай знания. Конечно, это пижонство хвалить себя за то, что за месяц дал азы математики за школьный курс, да ещё содрал с родителей парня хорошую месячную зарплату. Но цель достигнута, и парень допущен в 10-й класс, и у меня твердое ощущение, что я деньги заработал честно. Самое важное то, что я получил необыкновенное удовольствие от того, что могу учить математике, и это новое чувство окрыляет и волнует. А деньги заработаны не случайными погрузками-разгрузками, и даже не игрой на баяне, хотя игрой тоже не стыдно, однако, здесь мозги надо было приложить.

5 сентября.

Прошли четыре дня занятий моего, возможно, последнего, учебного сентября. Немножко грустно. Дни стоят отличные. Солнце, тепло, деревья, еще мало пожелтевшие, всеми силами стараются не показать осенней старости.

В институт теперь хожу пешком – всего три остановки. Место жительства чудесное. Во дворе огромный яблоневый сад. Вчера ночью залез на яблоню, сидел, мечтал при луне и грыз яблоки. В Казахстане о такой картине и не мечталось.

К Танюшке как-то охладел еще с августа, и до сих пор к ней не тянет.

Вчера посмотрел фильм «Нечаянная любовь». Думаю, что моя ещё не пришла.

Когда загорал на пляже, обучая Сашку Деревцова математике, я несколько дней подряд любовался и даже разговаривал с необыкновенно красивой девушкой. Зовут её Алла, но навязывать ей свое знакомство я не стал. Внутри что-то говорит, что не стоит торопиться, показывать красавице, что я от неё без ума.

5 октября.

Два часа ночи. Просто шалею от книги Ан и Серж Голон «Ан-желика» – чудесная энциклопедия, великий справочник, настольная книга любви (наверняка, любителям серьёзной литературы я показался бы очень смешным, но ничего с собой не могу поделаться, нравится мне читать эту книгу). Сколько в ней мыслей совпадают с моими!

«Легкая победа обесценивает любовь, трудная победа заставляет его дорожить».

«Разве тот, кто жрёт, как свинья, и наливается вином, как бездонная бочка, способен упиваться прелестью изысканного поцелуя?»

«Не пейте из всех кубков одновременно и не превращайте храм любви в скотный двор».

И, наконец, совершенно не советская и не коммунистическая фраза-загадка: «Чтобы посвятить себя любви – нужно быть избавленным от забот о хлебе насущном».

Кажется, надо весьма немало поработать мозгами, чтобы заработать на хлеб насущный и посвятить себя любви.

Да, есть, о чём поразмыслить студенту-выпускнику, могущему рассчитывать на успех в этой жизни лишь на себя.

8 октября.

Через месяц вторая практика в школе и последняя. Отрадно, что подхожу к этому вопросу гораздо серьёзнее, чем в прошлом году.

Хотя, еще многим и многим недоволен в своих продвижениях.

Никогда не думал, что во мне заиграют удивительные нотки. Надо честно признаться: школа стала вызывать во мне интерес. И провести блестящий урок меня так же тянет, как настоящего спорт-

смена на чемпионат. Какая же интересная и многогранная профессия – учитель.

19 октября.

Наконец-то я разозлился на себя, что плохо танцую, и весь месяц ходил на бальные танцы, куда давно меня звал Сашка Галигузов, один из лучших танцоров, с которым познакомился в пионерском лагере. Интересен мир танцоров, интересна атмосфера танцев. Я терпеливо выполнял все команды моих молоденьких партнёрш, обыкновенных школьниц, от которых мне удалось скрыть, что я студент-старшекурсник. Как бы там ни было, но сейчас я уже довольно сносно могу танцевать вальс и танго, что мне и хотелось. Возможно, на дальнейшее танцевальное совершенство у меня просто не будет времени.

21 октября.

Уже пятый день сижу дома, видимо, простыл. Прочитал книжку о французском художнике Тулуз-Лотреке и думаю, какие же мы все хлюпики и лентяи. Калека, урод от рождения смог стать одним из знаменитых художников мира. А мы годами ползаем, как черепахи, в скучной повседневной рутине и, если удаётся защитить серую ненужную диссертацию к пенсии, считаем это великим жизненным подвигом.

Недавно не поладил с родителями и три дня жил у Володьки. Это довольно-таки глупо, и мне, будущему педагогу, надо быть более уравновешенным и терпимым, тем более со своими родителями.

4 ноября.

Сегодня был на вечере в своей школе. И хотя я впервые танцевал вальс и получил немало приятных комплиментов от девчонок, которые меня помнят по практике, понял, что надо прекращать такие походы. Уже чувствую большую разницу и в возрасте, и в интересах со школьниками.

Увы, детство кончилось! С Галкой Николаевой даже не поздоровались. Вернее, она всё время отводила глаза в сторону.

ПАРТА ШКОЛЬНАЯ МНЕ СНИТСЯ

10 ноября.

Первый день практики во второй школе. Дали десятый класс «А», самое удивительное то, что в нем учится Алла Купченко, которой я уже два месяца пишу «дворянские письма» самым высокопарным слогом, который мог прийти в голову довольно начитанному студенту.

Чувствую, что вряд ли даже намекну этой красивой девушке о себе.

Во-первых, очень серьезно настроился на практику. Во-вторых, впервые попробую «не гнать лошадей», а посмотреть со стороны, что за человек скрывается за хорошей внешностью.

О 2-й школе давно ходят легенды, как о математическом лицее. Все математики этой школы относятся к самым лучшим в области.

Володька Беккер попал в 10 «б», он меня-то и подбил на эту школу. Да, это не восьмой класс. Среди этих рослых ребят я себя почувствовал довольно-таки напряжённо.

Состоится ли наш контакт на высокоинтеллектуальном уровне?

27 ноября.

Прошло три недели моего учительства в десятом. Состояние непривычное, как будто каждый день мне выступать на соревнованиях. Пробные уроки я дал на «4» и «5», следующие оценки – 4,5,5,4. Думаю, что это можно считать успехом.

К урокам готовились с Володькой у него дома. Проигрывали ситуации, писали конспекты.

Кажется, я нашел ту манеру доверительности в общении с ребятами, которая мне позволяет быть с ними на товарищеской ноге, но без всякого панибратства. Мне в этом здорово помогли знания по

художественной литературе, в особенности в области фантастики. Ребят покорило то, что я часами могу говорить с ними о творчестве Айзика Азимова, Рея Бредбери, Клиффорда Саймака, Станислава Лема, братьев Стругацких, Сергея Снегова, Ивана Ефремова и многих других.

Но главное – у меня стали получаться неплохие уроки. Я стал видеть класс целиком, исчез страх перед тем, насколько правильно я скажу математическое предложение.

Я научился держать в поле зрения как блестяще работающих учеников, так и совершенно отстающих, которые почти не понимают, о чем на уроке идет речь. И ещё, что особенно для меня важно, – слушать внимательно ответ ученика, очень тактично помогать ему в ответе и пользоваться, в первую очередь, своевременными подсказками его товарищей, оперативно вызванными моими вопросами.

В общем, учитель из меня получился бы неплохой.

Позавчера в школу нагрянули зубные врачи. Теперь через их кабинет должны пройти все ученики школы. Двое из врачей – очень молоденькие, поэтому мы с Володькой стали одними из первых пациентов.

У Володьки зубы оказались весьма не на уровне, и ему пришлось больше охать, чем строить глазки.

А вот мой врач меня просто очаровал. Такая симпатичная мордашка, такие голубые искристые глаза! И зовут ее красиво – Надежда.

1 декабря.

Ужасный день сегодня...

Вчера убили Витьку Львова и тяжело ранили Володьку Князева. Витька, Витька... Ведь я с ним плавал два года в бассейне.

Чудесный парень, настоящий богатырь, на едином дыхании проплывающий три раза весь бассейн под водой и... убит. Убит какими-то босяками, шпаной, которая ночью шляется по городу и не дает людям спокойно жить.

Как рассказали, Виктор с Володькой шли по мосту и даже не обратили внимания на пьяный лепет и выкрики шести наглых

пацанов, которые, как обычно, просили закурить, чтоб задраться. Они просто прошли сквозь них, как сквозь пыль, так как любой из этих богатырей мог одной рукой расшвырять их, как трехдневных котят. Остановились только тогда, когда шпана их догнала сзади и вонзила ножи в их спортивные тела.

Вот чудовищная сторона жизни, которая, увы, существует и в нашей стране, стремящейся построить высокогуманное коммунистическое общество.

Что-то неверное может быть в методах строительства, если такие картины появляются на улицах советских городов, да еще в нескольких шагах от здания обкома партии.

2 декабря.

Сегодня были похороны Виктора. Казалось, весь Орёл пришёл проститься со славным красивым парнем. Врезалась картина сидящего возле гроба отца в какой-то щемящей прострации и стоящей недалеко заплаканной девушки в чёрном платке, в которой трудно было узнать Лиду Сафонову, одну и первых красавиц города. И куда теперь ушли радостные встречи, поцелуи, светлые планы на счастливую жизнь? Потрясённые и печальные мы расходились после прощания.

5 декабря.

Вчера в очередной раз встречались с Надей. Днём я захожу к ней в зубной кабинет в перерывах между уроками, а вечером гуляем по старым улочкам, где сохранилось множество деревянных одноэтажных домов с изумительно красивой резьбой.

Я незаметно становлюсь поклонником старинной архитектуры, а ещё недавно нравились только современные здания из стекла и бетона. Стал понимать, что настоящее зодчество – это великое искусство. Смешно вспоминать как я проходил в Москве мимо архитектурных шедевров и любовался стекляшками на Калининском проспекте.

А до этого в школе был КВН между моим и Вовкиным классами. Мои ребята победили с разгромным счетом. Я не мог налюбоваться изяществом и юмором Сережи Куницына, Вити Яковлева, Толика Агатова, Володи Меньшикова, Оли Гвоздевой и других. А все дело было в том, что я сумел их настроить на творчество, и юмор из них полился, как из рога изобилия.

Единственное, что я для них сделал, это написал смешную характеристику на Федора Сидорова, которая заканчивалась словами, понравившимися даже Володьке:

«Характеристика дана Федору для того, чтобы он шел в большую светлую жизнь на все четыре стороны...»

А вот Володька Беккер, гроссмейстер КВНа и блестящий эрудит, просто задавил своих ребят анекдотами, штампами, КВНовскими байками, и они вместо творчества впали в подражание.

А мы знаем, что происходит, когда попугай подражает соловью.

После КВНа был «Огонёк», танцы. Мои ребята были возле меня, и я чувствовал себя, как никогда, прекрасно. Я им был нужен. Танцевал с красавицей Аллой, с Лилией Головановой.

Потом Лиля и ребята звали меня к кому-то из них в гости, но я пошел к Наде. Была удивительно хорошая погода. Падал снежок, тихо, медленно, как в мультике. Мы с Надюхой дурачились и впервые поцеловались. Целуется она очень здорово.

Не знаю только, радоваться ли этому, но очень приятно.

23 декабря.

Неожиданно свалилась на меня серьезная работа. Эльвина Ивановна заболела, и я веду за неё уроки по полной программе до конца четверти. Да ещё классный руководитель Мария Павловна уехала в Австрию. Получилась нешуточная ответственность. Однако мой хороший настрой, хороший контакт с ребятами мне не дает повода унывать. Оказывается, серьезная нагрузка укрепляет и закаляет.

С Надей становится всё интересней. Впервые я стал высказывать свои мысли вслух другому человеку. Мне нравится, как она меня слушает, называет одержимым и сумасшедшим, когда я рас-

сказываю ей о своей любви к математике и мечтах о будущем. Интересно, она постоянно учит меня «нырять» – говорить всё и не бояться быть непонятым.

У неё особенные глаза. Мне всегда хочется в них смотреть. Сегодня ей двадцать четыре года.

Думаю, что разница в четыре года – это не помеха для серьезных отношений, хотя вижу, что у неё эта тревога иногда проскальзывает.

26 декабря.

Вчера закончилась моя практика. Завтра итоговая конференция в школе. Послезавтра в институт.

Мне кажется, я совершенно изменился в эту практику. Если раньше, ещё со школьных времён, обо мне было мнение, как о способном человеке, несерьёзно относящегося к делу, то сейчас я почувствовал, именно в эти два месяца, как привычное мнение о себе я изменил в лучшую сторону.

Я давал уроки блестяще, правда, не все, Эльвина Ивановна – известнейший математик и завуч школы – была многим довольна. С классом работал очень много, отличные ребята. Меня уважали и понимали с полуслова, хотя я всего-то на четыре года старше. Пришлось давать уроки даже в Володькином классе, когда он болел, и у его ребят они получались иногда даже лучше, чем в моем 10 «а».

Никогда не забуду КВН и «Огонек» в наших десятых.

Однако, несмотря на положительную «пробу сил», у меня еще не возникло окончательного решения работать в школе. Остается по-прежнему Москва, аспирантура и Володькино предложение – переучиться на программиста, самое модное направление у математиков. Но школа и педагогический труд открыли для меня прекрасную вселенную.

Скоро Новый год! Пять месяцев с небольшим осталось учиться. Я даже пустил фразу по своему курсу: «Когда же нам, наконец, дадут диплом?»

Теперь начинаю понимать, что четыре студенческих года пролетели очень быстро.

Впервые за ноябрь и декабрь я поставил себе пятёрки за каждый день.

А как иначе? За практику я получил вполне заслуженную пятёрку, Володька – четыре.

Практика во второй школе – единственное дело, сделанное, как следует в уходящем году. Думаю, очень неплохо, что у меня появляется вкус к отлично выполненной работе.

1 января.

Вот и наступил последний год моего студенчества.

Новый год встречал с Надей в драмтеатре. Она пришла в красивом золотом платье и сравнима была только с Анжеликой из французского фильма.

После спектакля «Неравный брак» мы нашли местечко за столиком, где открыли бутылку шампанского, подняли бокалы за встречу Нового года.

Удалось потанцевать немного, потом к нам подошла весьма опьяневшая десятиклассница из Вовкиного класса и начала мне петь дифирамбы: какой я удивительный учитель. Но в данный момент нам это было совершенно неинтересно и настроения не прибавило.

Я проводил Надю домой, и мы почему-то на прохладной ноте расстались.

7 января.

Все эти дни проболел, очевидно, простыл. Ни один человек не пришёл ко мне в эти дни. Вот тебе и друзья, и подруги. Мне особо скучно не было. Много читал, играл на баяне, сочинял, размышлял, мечтал и так далее.

Получил новогоднее поздравление от Танюшки. Пишет, что даже ночами не спит, думает обо мне. Хорошая девочка, но ответить ей нечем.

Только что посмотрел по телевизору спектакль Арбузова «Марат, Лика и Леонидик», где ещё раз убедился, что любовь – непростая штука.

26 января.

Всё! Предпоследняя сессия закончена. Нелегко дался только атеизм. За два дня я пять раз сходил к Алексею Николаю Павловичу сдавать экзамен. И выучил его небольшой курс лекций (которые я не посещал) почти наизусть. На пятый раз я нацепил на шею бабушкин крест-икону из бронзы и, когда забирал зачетку у Алексея, намеренно расстегнул пиджак... Вся аудитория покатила со смеху, увидев, с чьей помощью я сдал научный атеизм. Посмеялись, а мне до сих пор жаль первокурсника с биофака, которого отчислили из института в прошлом году лишь за то, что кто то из группы заметил, что он носил крестик. Может я сегодня тоже играл с огнём?

За эти три месяца наша четвёрка стала как-то реже встречаться. Ничего, наверстаем на каникулах.

30 января.

Четвёртый день каникул. Взялся за себя неплохо. Хожу не менее десяти километров пешком, пью соки, принимаю хвойные ванны. К никаким Надькам, Танькам не захожу. Проболел почти весь январь. Сдавал сессию, сбивал температуру, пил горячее молоко с мёдом, отлёживался. Очень ждал все дни, что придёт Надя. На такой срок ещё мы не разлучались. Всё больше проникаюсь любовью к Орлу. Старинные дома на улицах Сакко и Ванцетти, Нормандия-Неман, 2-я Курская, Пушкинская, Салтыкова-Щедрина, 7-го Ноября, не говоря уже об улицах Горького, Московской, Комсомольской, просто поражают своей красотой и величием. Хотя многие хотелось бы видеть в более ухоженном виде. Надо изучить свой город досконально, а то Лиде, когда она приезжала прошлым летом ко мне, я, не краснея, сочинял старинные истории орловских домов, вплоть до того, что областной банк обозвал дворцом графа Каменского.

Вчера был уже четвёртый вечер выпускников в моей школе. Я, как всегда, проявил активность, поиграл на баяне и прочитал письмо студента на манер Ваньки Жукова.

Моих одноклассников собралось немало, но, что интересно, Люба Дроздова пришла в не привычном для себя виде: вместо скромной, неброско одетой девушки, пред нами предстала яркая брюнетка с великолепной причёской, в элегантном ярко-желтом костюме, который дополняли модные ажурные колготки и красивые чёрные туфли на шпильках.

Как яркий наряд и тщательный уход за собой может изменить человека!

Мало того, что она стала центром мужского внимания, так ещё Федулов Валера – предмет её бесплодных вздыханий в школе – так и крутился вокруг неё.

Сегодня ходил на каток. Сказалось моё долгое отсутствие на этом чудесном мероприятии. Встретил там Юрку Блинникова, с которым учился в восьмом классе. Только что пришел из армии, здоров, как бык, морда красная на морозе. А когда-то был намного слабее меня. Может, армия меня подтянет основательно?

4 февраля.

Утром пришёл на Дворянское гнездо. Ослепительное солнце, искрящиеся снежинки в воздухе. Красивый изгиб реки. Прозрачный зеленоватый лёд на её глади, чернеющий лес, – всё, как по Пушкину.

Как там красиво! Если в городе отдавало весной, и на асфальте не было снега, то здесь, наоборот, царство зимы. Речка подо льдом, берег и холмы в снегу, город искрится в голубой дымке всей южной частью, начиная с Пушкарной слободы, как на ладони. Солнце светило с обезоруживающей наглостью уже совсем незимнего светила.

Завороженный чарующей красотой, я пошёл по льду реки и вышел на какую-то окраину, где, как в деревне, кудахтали куры и мычали коровы во дворах.

Так, плутая, я вышел к дому, где жила Надя. И вдруг понял, что меня она уже не волнует.

После отличного обеда и отдыха пошел на каток. На этот раз коньки слушались, ноги не болели. Я чувствовал себя мальчишкой, как в детстве на любимом катке в Казахстане.

Может хоть, одну весну я встречу в великолепном состоянии души и тела?..

11 февраля.

Итак, закончилась эпопея с Надей. Вчера мы с ней расстались; по-моему, навсегда. Прощальный поцелуй был очень сладкий, но сил хватило оторваться, одеться и мигом уйти. Концовка великолепная, как в кино.

Хорошее надо помнить. Она как никто восторгалась мной, но, очевидно, решила, что мы не пара. Недавно она с сестрой и подругой зашла ко мне домой после прогулки по снежной Ботанике, где мы наслаждались барахтаньем в снегу, съезжали с горок на каких-то картонках. Короче, завалились к родителям отогреться, сушиться и пить чай. И двадцатичетырёхлетняя Надя увидела маленькую однокомнатную квартирку родителей неоперившегося студента, может, задумалась о дальнейшей перспективе наших отношений. Тем более, что я никаких серьёзных мыслей о нашем будущем не высказывал. Не скажешь же ей, что горизонтом холостяцких отношений является служба в армии и хотя бы пару лет отработать, образно говоря, встать на ноги. И что? Ей всё это время ждать и надеяться? Как героине романа.

Так что пошёл я дальше к звёздам.

Рике и Толику дали направление в аспирантуру.

А я все думаю о женщинах...

Вернись Надежда сейчас ко мне, влюбись меня по уши – я завтра же буду пренебрегать ею, искать лучше, красивей и совершенней.

Такой уж дурацкий у меня характер. Зато мечтать я здоров!

Писатель, композитор, поэт, певец, математик, артист и еще не знаю, кем я себя и представляю.

Мне нравится высказывание Ландау: «Главное – все в жизни делайте с увлечением, это страшно украшает жизнь».

А я пока увлекаюсь только девчонками.

25 февраля.

Позавчера была хорошая вечеринка в нашей группе, девчонки нас поздравили с мужским праздником, неплохо выпили, потанцевали.

А я был совершенно свободный. Даже не верится. Теперь ни Таньки, ни Галки, ни Надьки, ни Вальки, ни Лидки – никого.

Свободен, как ветер! (А, может, ветер в голове?)

Я всегда был дурачки деликатен. Всегда боялся обидеть девушку, боялся рвать отношения резко. Хотелось бы, чтоб моя свобода стала для меня новым поворотом к жесткости и твердости характера.

Впереди весна. Надо радоваться жизни, своей юности, ведь она не вечна. И судьба, может быть, тебя не оставит за бортом новой жизни.

ФИНИШНЫЙ РЫВОК

1 марта.

В воскресенье были проводы русской зимы, до революции это была русская Масленица. Погода была отличная. Весь город дружно высыпал на улицы и площади. В одиннадцать часов все любовались парадом разряженных автомашин на площади Ленина. Сколько фантазий, выдумки и веселого юмора понадобилось, чтобы так удивительно разукрасить каждый автомобиль, ставший практически оформленной сценой для спектакля на мотивы русских сказок, да ещё с действующими лицами.

Тут и «Сказка о рыбаке и рыбке», «Русалочка», «По щучьему веленью», «Конек-горбунок», «Сказка о царе Салтане», «Царевна-лягушка», «Машенька и медведь»... Просто загляденье. И всё это – руками работников предприятий и организаций нашей Орловской области.

В этот день можно увидеть состязание в лазании на столб, когда смельчаки добираются по гладкому столбу до заветного приза под выкрики и улюлюканье болельщиков.

А как радуют глаз горячие блины, пирожки, сладости, которые подают девушки в русских костюмах, работницы столовых, кафе, ресторанов.

И конечно, не обходится без гармонии, повсюду слышны зазорные веселые песни, частушки, неизменные «Барыня» и «Цыганочка».

Ни на одном другом празднике я не видел столько искреннего веселья и радости, особенно у детей, которым в этот день не надо ни маршировать, ни выполнять чьи-то распоряжения, а можно просто веселиться и шалить.

В народе до сих пор называют этот праздник «масленица», это звучит куда интересней, чем «Проводы...»

Мне кажется, что атеизм атеизмом, а народные традиции ломать не стоило.

Видел в толпе Надю, Таню, но ни к кому не стал подходить.

Завтра научная конференция по педагогике. Я выступаю с докладом.

Пока не могу побороть привычку заканчивать подготовку в последние часы. Нет, чтобы за пару-тройку дней все подготовить и отдохнуть спокойно.

Однако до получения диплома остаётся четыре месяца...

6 марта.

Позавчера было итоговое заседание по научным конференциям. Меня наградили грамотой за успешную деятельность в научной работе. Толика наградили фотоальбомом.

Прочитал роман Александра Дементьева «Замужество Татьяны Беловой».

Очень запомнилась реплика героя о чудаках, которые подразделяются на три категории:

Первые – творцы, гении,

Вторые – те, кто дорвались до жирного куска и наслаждаются, которые кажутся чудаковатыми первым,

Третьи – те, которые всем сердцем рады бы попасть в первую категорию чудаков, да у второй каша жирней.

Так и чудачат всю жизнь с разбитым сердцем.

Да, интересно, в какую категорию себя записать? Хотя рано еще определять. Посмотрим после института. Эдиссон работал в течение пятидесяти лет по девятнадцать с половиной часов в сутки. Я пока, наверное, по столько часов бездельничаю. Хорошо, что я никому не завидую. Странно, все-таки у меня такое чувство, что я стану великим человеком, причем куда выше, чем просто кандидат наук.

8 марта.

Международный женский день. Рано утром я поехал на базар, чтобы купить маме цветы, было очень приятно смотреть, как она радовалась подарку.

Потом пошел гулять. В парке было очень красиво, попробовал блинов, шашлыков, покатался на карусели, зашел к Толику. Он по-прежнему валяется на диване. Не привычно, но неплохо, что я в эти дни никого не поздравляю, ни к кому не иду. Красота. Пока что-то не видно, что я стану большим математиком. Могу попасть в деревню учителем, женюсь на какой-нибудь «Маньке» и заведу корову с курами.

22 марта.

Нашел неплохой ритм жизни. Каждое утро встаю в шесть сорок пять, бегаю. Сдал курсовую, астрономию, сделал научный доклад по педагогике, после которого неожиданно доцент Михаил Данилович Колупаев долго пел мне дифирамбы. Наконец-то, снова за неделю я могу поставить себе пятерку.

2 апреля.

Мы вырвались с Толиком вперед по всем зачётам. А сегодня блестяще защитил курсовую работу, получил «отлично». Опять удивил преподавателей своей неровностью. То весьма среднеенько занимаюсь, то с блеском.

8 апреля.

Вчера досрочно сдал зачёт по логике – последний зачёт в институте.

Даже не верится, что всё так быстро кончается.

В понедельник мы в последний раз всей группой сидели на семинаре по классному руководству.

Вокруг весна, а рядом нет ни одной девушки. Очень непривычно.

18 апреля.

Вот и всё. Учёба кончилась. Сдали досрочно все экзамены с Толиком. Сегодня наша группа только начинает сдавать первый экзамен. А мы уже свободны.

Такой бы мне ритм и темп с первого курса. Был бы красный диплом...

Четвертый день стоит летняя погода. Приятно ходить в новом костюме и изящных французских туфлях. Тепло, не надо никаких плащей и курток.

В воскресенье я не выдержал и пришел к Наде. Она была бесподобна в этот вечер. Мы с ней до того нацеловались и наобнимались, что она еле двигалась. А я своими объятиями все переломал в карманах ее пиджака.

И опять распрощались навсегда. Вспомнил, как прошлым летом услышал старинную песню про любовь. Любовь – это сабля, один держит за рукоять, а другой за острие. И как больно тому, кто держит за острие.

Мне кажется, что мы с Надей оба хватаемся за рукоять...

Меня распределили вчера в Дмитровский район, в Кругликовскую школу. По карте видно, что далеко.

Скоро уже буду купаться в реке и кататься на лодке. А любовь – она нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь.

Уже сдали зачётки с Толиком. Теперь остались «ГОСы».

25 апреля.

На днях закончился чемпионат мира по хоккею. Впервые за десять лет наши хоккеисты уступили трон чехам. Я не считаю себя заядлым болельщиком, как большинство мужского населения, но всё равно грустно, хотя понимаю – «ничто не вечно под луной».

Толик с Рикой съездили в Москву, были у профессора Бухштаба, он хорошо их принял и обнадежил перспективой поступления в аспирантуру.

Я трезво оценил свои успехи и думаю, что пока мне рановато быть аспирантом.

Обошёл немало школ, был в военном училище, увидел реальную картину: свободных мест для математиков в городе нет.

Проблема обострилась...

27 апреля.

Я люблю всё! Людей, природу, жизнь, девчонок (можно подумать, девчонки не люди!).

Всё идет отлично, всё впереди. Звёзды по-прежнему сияют, маня своей красотой и стремиться к ним надо активней.

30 апреля.

Сегодня удивительный день! На улице творится что-то невероятное. Утром на пробежке я был просто заворожён красотой весны. Деревья покрылись нежной зеленью изумрудных оттенков.

На голубой чаше неба сверкал бриллиант солнца. Черёмуха с берёзой отчаянно спорили, чей наряд ярче, в этот спор робко вмешивались стройные тополя.

Некоторые деревья-старички вспоминали молодость и зарделись ярко-зеленым молодым румянцем.

Глядя на это великолепие, гордые яблони и вишни кичились своим аристократическим происхождением, оставляя показ своего наряда на потом.

Коротко подстриженные щёголи бледнели от смущения, как бы извиняясь, что их нарядили слишком модно, но сохранившие все ветви соседи, их не осуждали и прощали им кокетство, ибо сами были счастливы – от весны.

Если всё-таки стану математиком, то одну из своих теорем назову «теорема Надюшки», как бы наши отношения дальше не развивались.

1 мая.

После демонстрации я поехал на дачу и проработал там с родителями весь день.

Чувствую себя прекрасно. Все-таки физический труд, да еще на свежем воздухе, человеку просто необходим.

8 мая.

Сегодня ходил с Толиком в кино. Потом гуляли по парку. На одной ноге у него туфля моя чёрная, на другой – его жёлтая. У меня то же самое. Решили соригинальничать, смотрели на реакцию окружающих – некоторые смеялись. Чужие ладно, но, когда нам встретился отец Володи Беккера, нам стало неловко, но он сделал вид, что не обратил внимание на наши чудачества.

10 мая.

Вчера был День Победы. Вдвоём с отцом мы посидели в ресторане «Волна», выпили коньяку, пива, поговорили о жизни. До этого маму поздравили телеграммой в санаторий, подняли рюмку за её здоровье, за то, чтобы курорт пошёл ей на пользу.

Хорошо, что ресторан находится в парке, да ещё на высоком берегу Оки, оттуда виден весь Орёл и особенно «стрелка» – место слияния Оки и Орлика, где стоит обелиск в честь 400-летия Орла.

Я бы платил деньги даже за возможность посидеть с кружкой пива в таком красивом месте.

Конечно, архитектура ресторана более чем убогая, не лучше столовой в обыкновенном пионерском лагере. Как-то привыкли мы, чтобы было всё простенько, дешево, а изящная архитектура и красивая мебель сразу вызывает внутренний протест: «Такое могут позволить только буржуи».

По дороге в парк встретили Таньку (я не пишу уже «Ганюшку»), она была со своим пареньком, которого звала Жень-Шень, – неплохой на вид мальчишка.

Пусть будет счастлива она с ним.

Вспомнил слова из романа А. Беляева: «Все проходит, как сон, Майя».

А «ГОСы» все ближе и ближе...

20 мая.

Позавчера получил права на вождение мотоцикла. Думаю, придутся. Надо в течение месяца получить еще права на машину, пока есть возможность сдавать в группе студентов.

Подготовка к «ГОСам» идёт плохо, осталось десять дней, а мне кажется, что я ничего не знаю.

Недавно была свадьба у Нины Семьюшкиной из нашей группы. Мне понравилось. Гуляли в общезитии, было просто, весело, кричали «горько».

Я наигрался на баяне досыта, как-никак девушка из нашей группы. Надо было стараться.

А моя свадьба, думаю, ещё не скоро. И хотелось бы её провести очень красиво и роскошно, хотя для этого надо не в деревню ехать учителем, а на золотые прииски, или хотя бы рыбаком на Дальний Восток.

Люда записала мне на плёнку любимые мелодии танго. Приятно слушать, но сердечко щемит, как под эти мелодии мы целовались.

Прочитал книгу Константина Кудиевского. Много совпадает с моими мыслями, и героиня старше любимого на целых семь лет. Конец печальный.

1 июня. 9 часов. 20 минут.

Иду на экзамен, точнее госэкзамен.

19 часов. 30 минут.

Всё. Сдал. Оценка «хорошо», и им хорошо, и мне хорошо. Состояние выжатого лимона. Забыл написать, что уже неделю живу в доме отдыха «Ботаника». Режим, питание, чудесная природа.

На противоположном берегу наша дача. В десяти минутах ходьбы – квартира. Что ещё надо для выпускника, сдающего госэкзамены?

В этот раз я поселился в мансарде дома, бывшего когда-то дачей первого секретаря обкома партии. В нашем отсеке, окна которого выходят на макушку красивой груши, всего две кровати.

Сосед мой, Игорь Гарцман – студент-заочник энергетического техникума. С ним-то и произошло мое приключение.

Пару дней мы с ним загорали, катались на лодке, и он признался, что испытывает огромный страх перед экзаменом по высшей математике. Зимой ему вlepили двойку. Что делать?

Я машинально выпалил: «Поехали в твой техникум, я сдам за тебя экзамен!» Внутри аж защекотало от ожидания приключения.

Сдать высшую математику за курс энергетического техникума выпускнику физмата, я думаю, все равно, что чемпиону мира по шахматам сыграть с пятиклассником, впервые взявшего в руки шахматные фигуры.

Приехали в здание железнодорожного техникума. Меня удивила красота и внушительность этого могучего сооружения. Я вспомнил, как, готовясь в библиотеке Крупской к одной из сессий, заказал для разрядки полистать книги по истории Орла. В этом здании была какая-то духовная семинария, еще до революции...

Игорь протянул мне свою зачётку, совершенно не веря в благополучный исход нашей авантюры, да и на фотографии мы отличались друг от друга, как огурец от помидора. Я приоткрыл дверь в аудиторию и обомлел...

За преподавательским столом сидел Толик Пискус, наш физматовец, на пару лет раньше вышедший из стен родного института, такой же высокий, худой, в огромных очках-окулярах.

Сзади слышалось прерывистое дыхание Игоря, у которого засветилась в глазах надежда, что он с моей помощью проскочит необходимый барьер математики.

Отступить было поздно. Я зачем-то зачесал на прямой пробор волосы и, зажав зачетку Игоря, смело шагнул в аудиторию. Пискус сидел с отрешенным видом, очевидно окончательно отупев от тупых заочников, да и что мы могли, усталые рабочие люди, показать интересное в своих ответах за скромнейший техникумовский курс высшей математики некогда блестящему физматовцу, победителю многих математических олимпиад.

К моей радости, Толик даже не взглянул на меня, небрежно швырнув зачетку на край стола, и показал жестом брать билет.

Я попытался изобразить волнующегося студента-заочника, покружил ладонями над билетами и произнёс с заиканием: «Д-двадцать первый».

Толик выдавил из себя: «Не волнуйтесь, проходите и готовьтесь». Я пошел садиться за последний стол.

Билет был донельзя простой, пара теорем о производных, парочка интегралов и простейшая задача по аналитической геометрии.

За пять минут начертав все ответы, я стал интересоваться, что там у соседей. Те обреченно стали рассказывать о вопросах, которые я тут же разрешал на листочках.

А в это время Анатолий вышел покурить, и аудитория из шести человек взорвалась вопросами: «А как вот здесь?», «А что здесь вообще написано?», «Как доказать?»

Я за несколько минут скороговорками попытался отвечать на все вопросы, с удовлетворением заметив, какое уважение вызывает у этих людей знающий человек.

Преподаватель возвратился, и я, уткнувшись в свои записи, пропустил вперед парочку отвечающих. Затем, видя, что никто не рвётся, робко поднял руку к готовности.

Толик деловито просмотрел мои записи, ткнул зачем-то в букву «пи» и спросил, что это означает?

Я совсем осмелел и нарочито прошепелявил: «Тли целых, четырнадцать сотых и что-то там еще».

Пискус удовлетворенно хмыкнул, взял зачётку Игоря, вывел круглыми буквами «удовлетворительно», вернул мне зачётку и произнёс: «До свидания, следующий!»

Я, онемев от возмущения, как он посмел мне закатать трояк, вовремя сообразил, что надо выметаться. Гордо вышел под восхищённые взгляды оставшихся мучеников науки, в которых читалось одно: бурные продолжительные аплодисменты.

За дверями я попал в объятия Игоря. И стойкий вопрос оставшихся студентов: «А вы нам не поможете?» «Простите, братцы, не могу, дома дитё плачет!»

И мы с Игорем покатали в Ботанику.

Все это неплохо, но впереди философия.

7 июня.

Второго и третьего я пропьянствовал с Колупаевым Михаилом Даниловичем. Да, да, с тем самым доцентом, который меня хвалил за доклад по педагогике.

Вечером, второго он встретил меня возле павильона «Уралочка», любимом заведении мужчин у входа в дом-отдыха, когда мы с Игорем возвращались, и сразу спросил: «Деньги есть? Пойдем, выпьем». «Пойдемте», – сказал я, здорово удивившись, и махнул Игорю рукой, чтобы он возвращался один.

Выпили перцовки, закусили сыром и маринованными огурцами (это был лучший ассортимент данной забегаловки). Потом он повез меня к женщинам. У меня в голове уже роилась картины чуть ли не по романам Мопассана. На деле оказалась обыкновенная квартира, в которой истеричная женщина наорала на Михаила Даниловича и выпроводила нас обоих за дверь.

Михаил Данилович бурчал какие-то извинения, и мы незаметно подошли к ресторану «Россия». Я предложил выпить и забыть наш гусарский опыт.

Данилыч уже забыл, что мы пили «перцовку» в Ботанике, и спрашивал меня, с кем это он мог пить перцовку?

В душе я умирал со смеху, мне было в диковинку смотреть на солидного, по моим понятиям, человека в таком непотребном состоянии.

Я посчитал своим долгом проводить его до самой двери квартиры, находящейся на краю города.

На другой день перед обедом, ко мне в комнату заявляется опять Михаил Данилович с бутылкой дешевой «червивки» и огурцом. Я был удивлён, но понял, что это он делает мне честь, беспокоясь о моём состоянии.

Отец давно воспитал меня на благородных напитках, но тут я предпочёл наблюдать за предложениями доцента.

Опять мы пили в «Уралочке», у меня дома, я наслушался рассказов про космонавтов Терешкову и Быковского, с которыми Колупаев плавал на теплоходе, про то, как он мне поможет в устройстве на работу, и многое другое.

Наконец мне надоело пить, и я позволил себе проявить твёрдость – посадил его на трамвай, чтобы он ехал домой.

Постараюсь в дальнейшем избегать таких общений, так как из-за них становится не до госэкзаменов.

Недавно с Игорем и Володей Меньшиковым похулиганили – нарвали огромный букет цветов на дачах, приехали к дому Нади, и Игорь отдал в форточку в двенадцать часов ночи мой букет.

Почему-то мне захотелось это сделать...

Вспомнилось, как я хандрил зимой и как сейчас блаженствую. Загораю, плаваю, катаюсь на лодке.

18 июня.

Философия позади! Опять получил «Хорошо». Обижаться не на что, если учесть, что готовился опять по учебнику для кухарок, хотя ТОЛИК, Володька и Рика получили «пятерки».

Отметили в ресторане на вокзале, куда Володька пришёл с очередной красивой девушкой Оксаной.

Остался всего лишь один экзамен.

Когда сдавал философию, была такая жара, что я несколько раз обливался водой. Так и пошел сдавать экзамен в мокрой рубашке.

Вчера в Ботанику заехали прошлогодние друзья – Тамара и Люда. У них очередная летняя сессия.

Жизнь становится интересней!

24 июня.

Послезавтра последний экзамен. Остаётся меньше недели до получения диплома.

Мать обещала дать деньги на выпускной, но что-то тянет.

Еще раз говорю себе – в жизни надо иметь абсолютную финансовую независимость.

Почти неделю мы проводили вечера небольшой, но интересной компанией – Тамара, Люда, Лёша из Подмосковья и Надя из Мценска.

Ходим на танцы, катаемся на лодках, устроили вечер песни с баяном у костра.

Похоже, у Люды с Лёшей – любовь. Причём не просто ради приятного проведения времени, а какая-то глубокая, красивая. Люду просто не узнать – радостная, возвышенная, как будто вся светится изнутри.

К ней приезжал муж из района, но так и не смог её найти ни в институте, ни в Ботанике.

А она, к моему удивлению, сказала, что если бы её муж нашёл их на дальней поляне, где они нежились на солнышке с Лёшей, то она бы даже руки не разомкнула от объятий.

Может, это у неё первая любовь?

Впрочем, мне эти семейные ребусы, видно, разгадывать ещё долго.

Ведь Лёша меня удивил ещё больше.

Как-то, когда мы вдвоем остались в нашей мансарде, он мне с обезоруживающей откровенностью сказал: «Люда – прекрасная и очаровательная женщина, но разве я могу бросить жену и ребенка на произвол судьбы? А как приключение – это интересно».

Я, конечно, только почесал затылок, но не скажу же я этого никому другому, тем более самой Люде или Тамаре, хотя мне казалось, что они созданы друг для друга и ради этой любви надо устранять все преграды и быть вместе до конца жизни.

Никогда не забуду, как они красиво танцевали, особенно современные танцы.

Леша был похож на всенародно любимого актера Олега Стриженова и, конечно, никто из мужчин не мог составить ему конкуренции. Однако «университеты жизни» так многогранны и бесконечны, что вполне сравнимы с вселенной.

26 июня.

Всё! Всё! Всё!

Я закончил институт. Двадцать шестого июня в шестнадцать часов. Теперь я молодой специалист с высшим образованием. После завтра получаем дипломы.

Видели даже «корочки» с Толиком.

Показались тонкими, на дипломах у моих родителей, хоть и техникумовских, гораздо толще и солиднее. Все равно свой диплом дороже! Фиг с ними, с «корочками», какой они толщины.

Вчера получил права на вождение машины, правда, любительские. Сам виноват. Захотел поразить высших начальников ГАИ области.

Когда я зашёл от имени студентов-автолюбителей в кабинет, где сидели два майора, у меня спросили, на чём я умею ездить. «На всём!» – гордо соврал я. А сам успел поездить только на грузовике в колхозе.

«Держи ключи от новой «Волги», – сказал один из майоров, – «и пойдём смотреть на твое мастерство».

Новую «Волгу» ГАЗ-24 я видел только издали и на открытках, но, не моргнув глазом, сел за руль. А майор устроился на сиденье справа...

Лихорадочно вспоминал, что нам рассказывал старый дед на зернохранилище, который возил зерно на задрипанном «ГАЗике» и имел права 1935 года:

«Сначала открой дверцу, встань на ступеньку и погляди назад, нет ли случайно автомобиля. Потом включай левый поворот и потихоньку трогай...»

Это было неплохо в 1935 году, да и на пустой деревенской дороге. А тут гудящий центр города, одна из центральных улиц.

На счёт «Дверцу открыть» я сообразил, что если её открою, то поток машин мне её просто снесёт. И посмотрел в зеркало «заднего вида». Но вот после того, как я тронулся с места, майор через двадцать метров заорал благим матом, чтоб я остановился и вывернул мне руль вправо.

Я остановился, выключил мотор и со словами: «Извините, я волнуюсь», – быстренько исчез, вдогонку услышал: «Универсал хренов...» – и так далее, и тому подобное.

Придя в себя, я наткнулся на группу водителей из дальних районов области, сдающих на права, и на благополучно освоенном мной «ГАЗике» сдал вождение с их группой. Правда, права дали только любительские, но, учитывая вышеописанную ситуацию, профессиональные мне уже требовать не хотелось.

29 июня.

День получения диплома, а тут моросит дождь. Несерьезно отнесится погода к нашему торжеству.

Вчера веселились на нашей даче с Людой, Лешей и Тamarой. У нас по-прежнему, вместо домика стоит каркас старого маленького автобуса, где мы отдыхаем и прячемся от дождя.

Пили вино, читали стихи, много рассказывали интересного, пели песни.

Здорово было наблюдать, как в полной темноте женщины сумели найти лук, редис, огурцы для салата.

Было весело и смешно заниматься приготовлением ужина в добротных вечерних нарядах. Потом всё-таки разыскали спички, и дело пошло веселее. Леша с Людой до утра «осваивали» автобус, а мы с Тamarой просидели у костра, мечтая и беседуя о вечном и возвышенном.

Вернусь к торжеству. Десять часов утра. Аудитория № 64, где столы крутой воронкой расходятся от кафедры. Весь наш выпускной курс физмата в парадных одеяниях. Девчонки из четвёртой группы обернулись ко мне и, смеясь, сказали: «Ну вот, Шевченко, пришёл тот час, когда нам дипломы дают!» Входит декан с группой преподавателей. В руках у него стопка дипломов, а у зама – куча за-

ветных коробочек, в которых ромбики, или «поплавки». В общем, долгожданные знаки отличия от необразованной части народа.

Затем появился проректор по научной работе Гаврилов, следовательно, жать руки и вручать дипломы будет он. Меня осенило: а где же музыка, оркестр?

И как только началось первое вручение, мы с Толиком бросились к стоящему у окна фортепиано и в четыре руки заиграли туш. Аудитория одобрительно загудела и захлопала.

И так мы работали таперами, пока все сто пятьдесят дипломов не вручили.

Пьяная от радости, наша четвёрка пошла по городу.

Значки и дипломы жгли карман.

Душа просила: «Займи, но выпей». По дороге в парк и ресторан «Волна» мы останавливались у памятников и красивых зданий, принимали сногшибательные позы и фотографировались, особенно нам понравилось копировать гипсовую статую строителей коммунизма в скверике за торговыми рядами.

Володька радостно держал Толика на плече, Рика обнимал Володьку, и все трое тянули руки в большое светлое будущее.

В «Волне» трехлитровую банку пива официантка устала наполнять.

Когда Рика стал предлагать купить наши ромбики, мы поняли, что пора остановиться.

И разошлись по домам.

Дома отец и мать не могли насмотреться на атрибуты советского учителя, ибо, как оказалось, я первый из нашей родни получил высшее образование. Выпив по бокалу шампанского с родителями, я прикрутил на лацкан пиджака ромбик и, несмотря на жаркий летний вечер, пошел поражать вечерний Орёл своей образованной внешностью.

Окружающий народ оказался скучным и неинтересным. Все плелись с сумками и сетками. Ловили по сторонам ворон, ковыряли в носу, но только не глядели на мой ромбик. В душе росло и множилось глубокое возмущение серостью масс.

Я сорвал пиджак со взмокшего тела, нацепил вешалку на палец и закинул его за спину.

Открылась еще одна истина в жизни – «не высовывайся!»

30 июня.

Сегодня идём на выпускной в «Шипку». Как-никак серьезные люди с высшим образованием должны напиться и поплясать напоследок всем курсом с любимыми педагогами, чей светлый образ будем носить в душе всю оставшуюся жизнь. После завтрака я собрал всю нашу могучую кучку из Ботаники и договорились, что встретимся завтра вечером и пойдём на берег карьера отметить мой диплом.

1 июля.

Выпускной позади. Ресторан в «Шипке» понравился, современный, огромный, недаром о нём давно слышал, но не мог выбратсья. Масштабно смотрится веселье, когда гуляют двести празднично одетых людей.

Преподаватели сегодня были раскованы и приветливы. И нам, впервые с ними севшим за один праздничный стол, было особенно приятно ощутить не напрасные тяготы четырёхлетней учёбы.

К полуночи все так здорово распелись и растанцевались, что я впервые почувствовал, что жизнь качественно меняется в лучшую сторону.

Преподаватели-мужчины в основном были все фронтовики. Нашего декана, с которым мы начинали нашу учебу, Корбана Дмитрия Григорьевича, сменил тоже весьма неплохой математик Вениамин Константинович Збарский, о котором ходили слухи, как о трезвеннике, но в некоторых случаях он напивался в лежку, что и подтвердилось на выпускном.

После полуночи он аккуратно «отключился», и студенты бережно транспортировали его на такси домой.

Весь вечер танцевал с Зёминой Зиной. Очень уж эффектно она выглядела.

Кто-то позаботился о баяне, и я много играл, как на вечере, так и уobelиска «400-летия Орла», куда мы пришли встречать рассвет.

Под конец я проводил Зину до дома и, радостно усталый, пошёл отсыпаться.

На эре студенчества поставлена точка.

2 июля.

Встал поздно, но зато выспался, и голова свежая. Вчера вечером мы собрались на берегу карьера и устроили роскошный пикник с Тamarой, Людой, Лёшей и Надей. Ребята отнесли ко мне очень душевно и щедро.

Все пришли в парадной одежде и с полными сумками яств, что позволило нам устроить целый пир.

Ночь была тёплая, лунная. Мы так веселились, пели и танцевали, что иногда замечали неподалеку группы людей, которые стояли и любовались нашим весельем.

Одним из эпизодов нашей программы был заплыв на маленький песочный островок, который находился в полсотни метров от берега и выглядел огромной лепешкой из песка диаметром не более пяти метров.

И наша компания, взяв в руки и зубы всё, что можно взять при заплыве, устремилась вплавь к островку.

И вот при сияющей луне и серебристой картине ночной Ботаники мы распили шампанское за мое прекрасное будущее.

Когда все уплыли на берег, я некоторое время еще сидел на песке, скрестив ноги по-турецки, и наслаждался всей этой лунной картиной, твёрдо веря, что удача не оставит меня в стороне, и когда-нибудь я приплыву на этот островок с любимой девушкой, где вот также при луне сделаю ей предложение.

А гирлянды звёзд будут нам одобрительно мерцать...

РАССКАЗЫ

ЭКСПРОМТ

Медицинская комиссия в армии – лёгкое приседание по сравнению с фронтальной проверкой школы, во время которой каждый учитель чувствует себя словно просвеченным рентгеновскими лучами, когда оценивается не его физическое здоровье, а умственные способности и опыт работы. И необходимо выдержать этот двухнедельный (иногда более продолжительный) кошмарный марафон, когда двадцать четыре часа в сутки только и думаешь, как дать поинтереснее уроки, да чтобы методически они были на высоте, а дисциплина была идеальной у твоих чад, которым по барабану, как тебя оценит комиссия, ибо это вопрос конфиденциальный.

Проверка приходит внезапно, как сигнал боевой тревоги – уже на первый урок высаживается десант проверяющих, и ты не знаешь, на какие уроки и сколько «гостей» к тебе придут.

Я, молодой учитель математики, работающий третий год в школе, уже не боялся никаких проверок. Предмет свой любил, к урокам готовился серьёзно, с учениками контакт был нормальным.

Проверяющая пришла на первый же урок в 10-й «Б». Тема урока «Тригонометрические функции». На доске уже красовались задания, графики, по бокам доски развешаны плакаты; проверенные, лучшие ученики бойко отвечали на вопросы. В середине урока я блеснул применением ТСО (технические средства обучения) – включил магнитофон с записью математического диктанта, и пять минут был слышен лишь скрип шариковых ручек сосредоточившихся десятиклассников. Конец урока, домашнее задание, выставление оценок прошло безукоризненно, со словами «До следующего урока!» прозвенел звонок.

Проверяющая вышла из класса, я чувствовал себя прекрасно – вроде все получилось, и тут...

В аудиторию влетела Раиса Ивановна – учитель труда.

– Сергей Иванович! К вам сейчас в 7-й «А» на пение идёт заместитель директора института усовершенствования учителей Рыбакова Тамара Абрамовна с Юлией Всеволодовной (директором школы)!

По тому, как на третий этаж взлетела эта немолодая, тучная, но при этом очень обаятельная женщина, я понял, что коллеги за меня переживают. Тут в моей душе проснулся азарт мушкетерского экспромта. Я уже не слушал, как Раиса Ивановна тараторила о том, что директор пыталась отговорить Рыбакову идти ко мне на урок пения – ведь я учитель математики, а пение веду как бы временно, ввиду отсутствия специалиста, но проверяющая показала на расписание уроков и заявила, что имеет право проверять всё, что в расписании.

В голове мгновенно созрел план. Послав гонца за набором пластинок, лежащих на моем столе в учительской, я, прихватив магнитофон, пошёл за баяном в кабинет литературы, где накануне был музыкально-литературный вечер.

Перемена пролетела мгновенно, но к началу урока я был в классе со всеми пособиями, и семиклассники, привыкшие к моему требованию не опаздывать, уже стояли навтыжку, когда со звонком в аудиторию вошли директор школы и Рыбакова.

С притворным вдохновенно-творческим выражением лица я движением руки усадил класс на места, будто не заметив двух инспекторов.

– Так, распелись быстренько: до - ре - ми - фа - соль - ля - си - до. Повторим два раза.

– Теперь последнюю разученную песню: «Зарю встречает поезд наш, летит в просторы светлые. Мы взяли в путь один багаж: свои мечты, свои мечты, мечты заветные...»

Краем глаза я видел, что ребятам понравилось, что я не замечал проверяющих и общался с ними как всегда, только вот мой задор сегодня им передан моментально. Седьмой класс – это уже не малыши, а рослые ребята, некоторые были даже выше меня. Как стройные деревца стояли рядами девчонки и мальчишки, и вдохновенно пели все до одного.

– Достаточно! Теперь переходим к разучиванию новой песни.

Вдруг я вспомнил, как пионервожатая просила меня разучить с семиклассниками «Гимн демократической молодежи». Вот что надо! – пронеслось в голове, а не запланированную «Осеннюю песню». Слава, слава Богу, всё было в конспектах.

Подхожу к доске, пишу название и первый куплет. Проигрываю мелодию и негромко требую напеть:

«Дети разных народов,
Мы мечтою о мире живём...»

Далее, как девятый вал, подходит эмоционально окрашенный припев:

«Эту песню запекает молодёжь,
Молодёжь, молодёжь.
Эту песню не задушишь, не убьёшь, не убьёшь.
Нам, молодым, вторит песней той
Весь шар земной».

Вижу, ребятам понравилась песня, и они с чувством подхватывают мелодию. Когда пропели всю песню, я вспомнил про магнитофон:

– А теперь собрались, споем и запишем новую песню!

Песня была исполнена и записана, я включил магнитофон, и класс при полной тишине прослушал её, затем началось бурное обсуждение. Были критические замечания, но не меньше и слов восхищения по поводу своего дружного пения.

– Вот видите, сколько надо работать над песней, – заключил я этот этап урока.

Смотрю на часы. Время как будто не движется – еще 22 минуты до конца урока.

Лихорадочно соображаю: ведь просто петь подряд разученные песни – неинтересно для проверяющих, да и темп урока идёт высокий.

– Так, достали тетради, переходим к продолжению изучения нотной грамоты.

Дети не подали вида, что никогда на уроках пения никакой грамоты не изучали, но молча достали кто какие тетради и на их лицах отразилась неподдельная заинтересованность.

Я вдохновенно рисую на доске знаки форто, фортиссимо, пиано, пианиссимо и т. д. Все записывают. Чувствую, долго нельзя, скучно будет. Смотрю на часы – прошло всего пять минут.

Стоп. Пластинки! Подхожу к проигрывателю, беру в руки пластинки, что принесла Раиса Ивановна, скоропалительно читаю названия и останавливаюсь почему-то на «Эй, ухнем!» в исполнении Фёдора Шаляпина.

– Итак, сегодня продолжим изучение русской классической музыки на примере народной песни «Эй, ухнем!».

Класс замер, наполовину огорошенный ещё одним новшеством, ведь за три месяца моего преподавания пения мы только пели песни.

Зазвучал великолепный голос Шаляпина.

– А теперь ответьте на вопросы: О чём эта песня? Что вы знаете о жизни простого народа в те времена? Кто знает о певце – исполнителе этой песни? И тому подобное.

Когда мои семиклассники дружно заклеямили угнетателей и тяжёлое царское время, рассказали о великом певце Шаляпине, я увидел, что осталось четыре минуты до конца урока.

– Закончили обсуждать классическую музыку и закрепим новую песню.

Класс снова встал, дружно подхватил «Эту песню не задушишь, не убьёшь!», благо на доске были все слова песни, и тут повезло со звонком на последней ноте.

«Всё! – промелькнуло у меня в голове. – Если что, скажу, что только три месяца веду уроки пения и готов передать предмет в любые музыкальные руки».

Секретарь директора застала меня в учительской:

– Сергей Иванович, вас приглашают в кабинет директора.

Захожу, директор и Рыбакова улыбаются.

Вы никогда не думали, Сергей Иванович, – говорит Рыбакова, – посвятить себя целиком преподаванию пения в школе? У вас прекрасно это получается. – В школах области проблема с учителями пения, многие из них не владеют инструментом, не имеют высшего педагогического образования, уроки пения превращают в балаган. А у вас все поют, и поют с удовольствием, нет проблемы с дисциплиной. Вы просто прирожденный учитель пения. Я приглашаю вас на курсы учителей пения, которые пройдут через два месяца в институте усовершенствования учителей. Вам предложат новую школьную программу Кабалевского, которую рекомендует Министерство просвещения.

Я был ошарашен. Вместо разноса и замечаний такая оценка! Мой экспромт посчитали за мастерство. Чего только не бывает. Хотя сознание того, что я не халтурил и искренне старался и научил детей нормально петь хорошие песни, позволяли мне сильно себя не ругать.

Посвящается Маршалу СССР В. Г. Куликову

МАРШАЛ И ТРОМБОНИСТ

Дождь моросил вторую неделю. Свинцовое небо, казалось, никогда не было голубым и высоким, а солнце оставило этот чешский городок навсегда.

Как на старинных фотографиях, все цвета находились в диапазоне двух красок – чёрной и белой.

Даже яркие пятна одежды блекли от влаги и превращались в серые. Одни августовские цветы стойко защищали свою палитру красок, хотя туман и морось старались укутать и их.

Два флага – СССР и Чехословацкой Советской Социалистической Республики ниспадали по огромным флагштокам на плацу военного городка, где остановился Главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами государств – участников Варшавского Договора. Маршал прилетел в ясную погоду и вторую неделю не улетал по причине её нелётности. Конечно же, маршала могли отправить чрезвычайными мерами в любую минуту, но такой необходимости не было, все дела Главнокомандующий решал спокойно в уютной резиденции, одной из многих, разбросанных по всему миру. Он в свободную минуту прогуливался в спортивном костюме один по близлежащим местам, отдыхал от постоянного сопровождения охраны и прочей военной челяди, которая неизменно сопровождает высшие военные чины.

В одну из таких минут маршал забрёл в дальний уголок яблоневого сада, за которым бодро играл оркестр. Когда он подошёл к ограде, уже стояла тишина, музыканты разбрелись, и только тромбонист по-прежнему что-то наигрывал.

Главнокомандующий с удовольствием стал наблюдать за тромбонистом, который, не видя свидетеля, так резво работал выдвигной кулисой, что все три с лишним октавы звуков, казалось, были охвачены разнообразными мелодиями. Звучали отрывки из довольно трудных маршей Чернецкого «Парад», «Вступление Красной Армии в Будапешт», «Салют, Москва»...

Только один раз была чуть сфальшивлена ля-бемоль первой октавы первой позиции. «Губами надо подтягивать, губами!» – не удержавшись, проговорил вслух маршал.

Тромбонист с удивлением посмотрел на немолодого мужчину в спортивном костюме.

– Ты кто? – спросил он на чешском, подойдя к забору.

– Сотрудник из резиденции Главнокомандующего, – ответил маршал.

– А играть умеешь? – спросил тромбонист.

– Не пробовал, может, и умею, – как-то неловко сострил маршал.

– На, попробуй! – протянул тромбон чех. Главнокомандующий не оробел, взял инструмент, повертел в руках. Это был прекрасный французский «Сельмер» с баховским мундштуком. Сразу вспомнились годы молодости, когда учился играть на тромбоне у императорского тромбониста и о таких инструментах, как сейчас, можно было только мечтать...

Музыкант ждал, когда русский заиграет, а маршал брал в руки инструмент очень редко, лишь в минуты воспоминаний, прекрасно понимая, что его «мастерство» даже не подлежит критике. Смело поднеся к губам тромбон, Главнокомандующий сыграл маленький отрывок из марша «Парад», потом ещё отрывок, где сложные «верхи», и закончил губной трелью – все, что помнил от своего учителя-виртуоза.

Неплохо! – заключил тромбонист. – А где ты сейчас играешь?

– Да практически нигде. А скажи, какой инструмент сейчас лучший в мире?

Несмотря на разницу языков, они неплохо понимали друг друга.

– Есть неплохие «Велтклян», американские «Сельмер», японские «Ямахи»... – начал перечислять чех.

– Вот с мундштуками проблема, я свой выменял на серебряный портсигар, доставшийся от деда. Все, что в магазине, – ерунда: то полнота чашки маленькая, то дырка маленькая.

Они так разговорились о жизни, что маршал чуть не опоздал на ужин, и могло быть «ЧП» в резиденции Главнокомандующего.

В первую очередь, поговорили о марках тромбонов, о мундштуках, о репертуаре. Тромбонист пожаловался, что не может найти новый квартвинтель и что тот дорого стоит, а заполнять звук от ми-бекар большой октавы до си-бекар контроктавы больше нечем.

Далее перешли на бытовые темы. Очень понравились чеху, когда маршал спросил про жену, назвав её по-чешски – манжелкой. Расставались они уже друзьями, и маршал обещал завтра в это же время навестить тромбониста. Музыканты были в режиме повышенной готовности, оркестр всегда сопровождал отъезд Главнокомандующего, а тут из-за плохой погоды вылет самолета постоянно откладывали.

– Когда улетит этот маршал? – посетовал музыкант новому другу. – А то мы торчим здесь, как на учениях, даже домой не отпускают...

Маршал улыбнулся, сочувственно покачал головой и под большим чёрным зонтом, который спас его с тромбонистом от дождя, отправился в резиденцию.

Настроение Главнокомандующего поднялось, перед глазами вставали картины далёкой юности...

Вот старинная русская деревня Верхняя Любовша, на Орловщине, золотистые вечера, склонившиеся ивы у реки в лучах малинового заката, запах спелой пшеницы и желтые звёзды подсолнухов.

Вот поверженный Рейхстаг, на стенах которого он, подполковник, ставит свою подпись солдата-победителя...

Вот он – Главнокомандующий Группой советских войск в Германии, Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, первый заместитель министра обороны СССР, теперь Главнокомандующий Объединёнными вооружёнными силами государств – участников Варшавского Договора, Маршал Советского Союза...

Везде, где ни приходилось служить, маршал старался не уронить достоинство советского солдата. По всему миру авторитет советского воина был так высок, что иного достойного и уважаемого противника солдату Запада не было ни в литературе, ни в кино, ни в драматургии того времени.

А в жизни было ещё нагляднее. Мало кто осмеливался перечить советским военачальникам или даже солдату в мелких бытовых ситуациях. И мир на планете стал реален, исчезли большие войны, а мелкие быстро «тушились», не успев разгореться.

Правда, всё это давалось нелегко и не так просто, но в целом, казалось, жизнь, уже достаточно большая, была прожита не зря... Вот и тромбонист напомнил о далёкой молодости кстати...

На следующий день маршал, как и обещал, пришёл к заветному

забору один, с зонтиком и почти в таком же спортивном костюме. Тромбонист не заставил себя ждать и вскоре оказался рядом, обогнув где-то забор. Они пожали друг другу руки и опять углубились в дебри музыки и жизненных вопросов. В конце встречи маршал вдруг сказал: «А что до советского Главнокомандующего – не волнуйся, завтра он улетает, ваша жизнь будет снова спокойной!» «Не может быть! – воскликнул тромбонист. – Смотри какие тучи!» «Улетит, улетит!» – махнул он на прощание рукой.

Не прошло и суток, как тучи над городком стали рассеиваться, дождь полностью прекратился, на аэродром привезли оркестр и солдат почётного караула. Начался процесс торжественных проводов Главнокомандующего. Вдруг во время пути по ярко-красному настилу маршал стремительно свернул к оркестру, только что сделавшему паузу по протоколу. Никто не мог сообразить, в чём дело, а Главнокомандующий напрямик направился к тромбонисту, замершему от удивления. Теперь он, конечно же, узнал своего русского друга, только он не был в спортивном костюме, а в великолепном парадном мундире Маршала СССР со всеми регалиями и наградами. Маршал дружески пожал ему руку: «Привет! Я же сказал тебе вчера, что Главнокомандующий улетит. Вот видишь!»

Над аэродромом повисла мертвая тишина. Глаза тромбониста, кажется, издавали легкий хрустящий звон...

– Та, та, та... – только и мог произнести музыкант.

– Ну, пока! – рассмеялся маршал и пошёл восстанавливать протокол отбытия Главнокомандующего.

После последних аккордов, прозвучавших вслед исчезающему самолёту, весь оркестр бросился к тромбонисту:

– Ты что? Знаком с самим Главнокомандующим?! Откуда? Почему скрывал все это время? Мы тут две недели репетировали, как заведённые!

А музыкант, уже оправившись от такой встречи, произнёс густым басом:

– Это старый друг мой, репетировали вместе, он тоже тромбонист. Вот и общались эти дни, не до вас, братцы, было!

На следующее утро тромбониста вызвали в штаб, где вручили ему ключи от новой квартиры и погоны следующего воинского звания, – так, на всякий случай, а то вдруг Главнокомандующий спросит: «А как там мой друг-тромбонист?»

О ТОМ, ЧЕГО НЕ ЗНАЕТ ВАСИЛИЙ КАТАНОВ...

(Историческая юмореска)

Наш край славен не только рождением великих писателей. Вряд ли есть на провинциальной Руси ещё одна такая местность, где бы жило и, слава Богу, здравствовало такое ожерелье великолепных краеведов.

Виталий Сидоров, Владимир Власов, Виктор Ливцов, Александр Венедиктов...

Звездой первой величины сияет среди этих достославных имён имя Василия Катанова. Уверяю Вас, нет ничего про Орловский край такого, чего бы не знал Василий Катанов.

Несколько раз бывало при мне, как некоторые досужие доки пытались сообщить Василию Катанову нечто об Орловском крае такое, что бы явилось для него новостью.

С чисто русской деликатной терпеливостью Василий Катанов выслушивал это сообщение, выслушивал до конца, а потом, в ответ, приводил к сведению сообщателя такие подробности сообщенного им факта, о которых тот и понятия не имел.

Подвигло меня к перу как раз желание поведать нашим читателям факт, о котором наши краеведы, даже сам Василий Катанов, смею думать, не знают.

Не могли знать, потому что об этом мало кто знал. А те, кто знал, предпочитали помалкивать, ибо пускаться в разговоры об этом было не принято.

...На сверкающем полировкой столике, плотно придвинутом к подоконнику, в кабинете первого секретаря Орловского обкома партии, расположился макет.

Макет изображал будущую центральную площадь Орла, ту самую, поныне зовётся площадью имени Ленина, по которой с удальством и достоинством прохаживаются нынешние орловцы.

А в те дни, о которых идёт речь, на месте этой ныне красивой, просторной площади тархтели трамваи, гудели автомобили, сновали полчища делового, спешащего люда.

Площади не было, была безалаберная, шумная, грязная улица... Площадь изображена на макете, вокруг которого степенно стояли члены бюро Орловского обкома, тогдашнего высшего арсенала, в их руках была сосредоточена верховная орловская власть.

Члены бюро стояли вокруг макета в строгом порядке. Каждый чётко знал свое место.

Доминировал, разумеется, человек, за глаза его коротко именовали «Первый», «Сам», «Хозяин», «Отец». А в глаза называли по-сыновьи: Фёдор Степанович.

Был он массивен, сед, величав и молчалив.

Он вдумчиво рассматривал макет и медленно переводил взгляд на то место за окном, где этот макет должен был найти воплощение.

Разница между красивым макетом и безобразием, которое простиралось за окном, была настолько разительная, что это вносило в душу полное успокоение.

Трезво и твёрдо можно было поручиться, что беспорядок, сутолока, транспортно-человеческое месиво за окном преобразуется в прекрасную, тихую, бестранспортную площадь не раньше, чем через сто лет.

Эта очевидность внушила Первому хорошее отношение к макету.

Макет был утвержден.

Все члены дружно поздравили инициатора идеи и проекта создания площади, самого молодого среди властного арсенала – первого секретаря горкома партии Альберта Петровича Иванова.

Этот человек разительно отличался от остальных присутствующих. И не только молодостью. Если все другие члены бюро были монументальны и как бы марионеточны, то Альберт Петрович был живой, непосредственный, с весёлым, озорным блеском в глазах.

Он часто заставлял морщиться, но его терпели.

Он нужен был Первому, потому что был талантливый специалист строитель. А строили в ту пору много, вся страна была стройкой, и наш город, и область тоже.

Серьёзным недостатком Альберта Иванова в глазах Первого была чрезмерная решительность в осуществлении идей. А от идей светлую голову Альберта Иванова прямо распирало.

Когда он входил в кабинет к Первому, тот пугался.

«Опять с идеей пришёл!».

И после ухода Альберта Иванова долго приходил в себя.

Но всё же терпел. На съедение не отдавал и даже продвигал.

Имело значение и то, что в ЦК партии знали Альберта Иванова. Знали, что в области строительства – это голова.

И даже однажды дали орден за блестяще организованную стройку.

«Он нам нужен, как дрожжи, – думалось Первому. – Тесто замешивать из него опасно, от таких всего ожидать можно, а для встряски-будоражки нужен...»

Недаром, недаром опасался Первый Альберта Иванова.

Первый проживал в доме напротив обкома и с работы и на работу хаживал пешком.

Когда он выходил из обкома, милиционер-охранник звонил другому милиционеру-охраннику, который располагался в подъезде:

– Вышел.

А когда Первый скрывался в квартире, милиционер-охранник из подъезда докладывал в обком:

– Пришёл.

Первого сторожили, так было положено.

Пересекая трамвайные пути и наблюдая людское столпотворение, Первый мечтательно вспомнил макет будущей площади и вдруг с сожалением подумал, что до того, когда макет превратится в площадь, он, разумеется, не доживёт...

Но сожаление это мигом прошло, когда Первый представил себе, какая будет изнурительная суета и вселенский переполох при создании площади...

Котлованы, стройматериалы, гравий, песок, асфальт... Эскаваторы, бульдозеры, катки....

Всё будет разворочено, разбито. Воздух пропитается соляровкой, битумом...

«И, как говорится, слава Богу, что я до этой канители не доживу», – облегченно подумал Первый и заснул.

Но он все же недооценил Альберта Иванова.
Тот по природе своей не походил на дрожжи.
Это был динамит.

Вернувшись с утверждённым макетом к себе в горком партии, он скомандовал строителям аврал. Под прикрытием темноты на площадь были стянуты сотни самых квалифицированных строителей, мощная строительная техника и стройматериалы.

По чётко и заранее продуманному графику началась работа.

Убраны были трамвайные рельсы, различные убогие строения и будки. Пространство перед обкомом партии было очищено, выровнено, утрамбовано и заасфальтировано. Площадь была облицована гранитом. Высажены ели, разбиты клумбы.

Альберт Иванов руководил сооружением площади, как маршал Жуков сражением.

Как маршал Жуков, он превосходно разбирался в профессиональных и человеческих качествах своих подчиненных. И они действовали самостоятельно.

К утру всё было сделано. Родилась площадь, которую мы сейчас видим и которой любимся.

Строители облизали площадь, убрали технику и ушли спать.

Ушёл спать и Альберт Иванов.

Дело было сделано, оставалось ждать последствий.

«Самоволки не было. Макет был утверждён», – успокоил он себя.

Но последствий, конечно, не могло не быть.

Революционных скачков Первый не выносил...

Фёдор Степанович проснулся, как всегда, рано. Сказывалась деревенская привычка. Попил чаю и вышел на лестницу.

Сторожевой милиционер вытянулся и поздравил с добрым утром. Федор Степанович поздоровался с ним за руку и спустился вниз.

Милиционер доложил в трубку:

– Вышел.

На улице сверкало солнце, ярко синело свежее небо, плыли белым-белые облака. На душе Первого было благостно и тихо. Он сделал несколько шагов по направлению к обкому – и ноги его отказались дальше идти. Федор Степанович перестал соображать, где он находится. В какой стороне, в каком городе... Перед ним ма-

ячило видение, мираж, сильно напоминающий вчерашний макет. Он крепко зажмурился, энергично распахнул веки – мираж не исчезал.

Фёдор Степанович протёр глаза, достал из кармана и надел очки. Мираж оказался явным. Вместо грязной, трамвайно-автомобильной улицы перед Первым простиралась новенькая, чистая, прекрасная площадь. «А может, у меня того? Склеротическое явление?...» – подумалось Первому.

Как человек сугубо основательный, он решил в этом убедиться. Вернулся в подъезд и посмотрел на милиционера.

Тот вытянулся, как всегда, по стойке «Смирно» и предупредительно спросил:

– Вызвать машину?

Фёдор Степанович продолжительно посмотрел на него и, махнув рукой, сказал:

– Не надо.

Повернулся и вновь вышел на площадь. Милиционер снова доложил в трубку:

– Возвращался. От машины отказался. Снова вышел.

Фёдор Степанович оглядывал площадь и в душе его закипело раздражение, потом гнев, потом ярость.

Отчего он не знал.

У него было ощущение, что кто-то из-под его ног вытащил твердую дорогу и заставил идти по болоту, прыгая по мшистым кочкам и раскачиваясь среди топи...

Он взглянул на горком партии и подумал:

«Ну, стервец, погоди... Зарвался! Закину в прорабы, никакой ЦК не поможет!»

– Ты никак из начальства? – услышал он голос старушки, которая стояла рядом и тоже, разинув рот, оглядывала площадь.

– Это вы ладно учинили, – не дожидаясь ответа, продолжала она. – Слава Пресвятой Богородице, что привелось до смерти такую красоту увидеть. Дай вам Бог здоровья и успехов в руках и делах!

Старушка низко, в пояс поклонилась Фёдору Степановичу.

С лёгкой её руки около Первого мгновенно образовалась толпа прохожих. Слышалось искреннее, единодушное одобрение и благодарность.

– Вот так бы всегда о людях заботились! – по-доброму гудела толпа.

– Спасибо, Фёдор Степанович!

– Дай Бог тебе здоровья, родной!

– Сердечный ты человек!

– Оттого, видать, и поседел, что за людей стараешься!

– Подольше сиди наверху, не покидай нас!

– А его не отпустим. До Москвы дойдём!

– Какую красоту в городе соорудил! Его не только мы, его наши внуки и правнуки будут помнить!

– Спасибо.

Окружённый восторженной толпой, Фёдор Степанович проследовал в обком.

В приёмной его ожидали все члены бюро. Кроме Альберта Иванова.

Лица у всех были строгие, бледные, возмущенно-обиженные.

Все приготовились к расправе над политическим хулиганом.

К Фёдору Степановичу подпорхнул гладкий помощник.

– Я вызывал Иванова. Он спит. Сказал жене, чтоб не будили.

Члены злобно зашипели:

– Бандит!

– Самоуправец!

– Надо за ним милицейский наряд послать!

Помощник спросил:

– Приказать разбудить?

Фёдор Степанович ответил:

– Зачем будить? Пусть отоспится. Мы ночью спали, а он работал. Результативно. Вот если бы все наши решения так быстро и качественно претворялись в жизнь, у нас бы давно коммунизм наступил... А вам, уважаемые члены бюро, надо поучиться у Иванова заботиться о народе. Пойдите на площадь, послушайте...

И Фёдор Степанович скрылся в кабинете.

Члены бюро кинулись к телефонам поздравить жену Альберта Иванова.

А Альберт Иванов спал.

Есть свидетельства, что после сражений полководцы тоже спали.

Но уж это-то для Василия Катанова, конечно, не в новость...

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ

Вразгар дефицита всё и вся в начале 90-х годов XX века к Михаилу Михалычу обратилась Галина Ивановна: «Миша выручай! Мама померла, а на поминки дали всего четыре бутылки водки и то по справке о смерти. А родни и сослуживцев видимо-невидимо, все любили ушедшую Лизавету, как её с любовью величали». Михаил был известной творческой личностью, имел друзей и знакомых практически во всех сферах жизни города. Водку давали только по талонам по две бутылки в месяц на одного совершеннолетнего, прописанного по месту проживания именно в данном городе. Больше ни в магазинах, ни в ресторанах, ни на базах водки было не достать. Были случаи, когда продавцы и завмаги могли рискнуть и отоварить какого-то важного клиента, но контролирующие органы старательно пресекали эти случаи. Правда были ещё таксисты, банщики, официанты, швейцары и просто друзья и родственники торгашей, хотя количеством бутылок они владели очень небольшим. Все боялись, ибо шла государственная кампания трезвости. Даже в лучших ресторанах для четвёрки гостей могли выставить на стол лишь две бутылки пива, не больше. Тем не менее, русский человек всегда изобретал свой подход к обстоятельствам и на свадьбах, юбилеях наряду с трёхлитровыми банками соков и гирляндами бутылок боржоми, эссенуков, всегда присутствовали чашки с водкой вместо чая и чашечки с коньяком вместо кофе, а уж фужеры с шампанским вместо лимонада были обычным делом. Однако вот это «вместо» надо было ещё достать, и это было по плечу не каждому.

Михаилу это было по плечу. Он узнал, в какой магазин завезли заветный товар, и подъехал на такси к служебному входу. Договориться, расплатиться и получить целый ящик водки в крепкой сумке составило несколько минут и надо было лишь выбраться из толпы жаждущих мужиков, имеющих возможность купить две бутылки без талонов. Да, в свободную торговлю вино и водку бросывали, дабы сбросить пары от дефицита спиртного. И вот, когда

бурлящая толпа была позади и Михаил представил, как будет рада Галина Ивановна, перед ним возник мужчина в жёлтой телогрейке: «Продай бутылочку!» Михаил автоматически парировал: «Не могу, возьми в очереди, очень спешу!» и сел в такси.

Галина Ивановна с благодарностью приняла дефицит и Михаил Михайлович возвратился в свой кабинет. Образ мужика в телогрейке не давал ему покоя. Что-то знакомое обозначилось в нём. Ба! Да ведь это сосед по дому из шестого подъезда Василий Петрович, отец Толика, одноклассника дочери. «Дааа, дела брат» – подумал Михаил. «Как же я не узнал соседа в этой суете? Да и в желтой телогрейке я не увидел изящного преподавателя института культуры. Это ж как ему было обидно получить от меня отлуп из-за какой-то бутылки. Я же видел как у него душа горела приобрести заветный напиток у знакомого соседа, тем более что я ухватил целую сумку продукта. Откуда ему знать, что я себе ни одной бутылочки не взял». Разыскав быстро номер Василия Петровича, Михаил Михайлович приготовился извиниться и исправить недоразумение, однако в трубку услышал злобную тираду со словом «подонок» и положил трубку. Больше они друг с другом никогда не здоровались до самого ухода соседа в мир иной, хотя дети продолжали дружить, а с женой Михаила Михайловича Василий Петрович всегда здоровался первым.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Ритм театральной жизни несколько отличается от обычной. Рано утром, когда все спешат на работу, в школу, детский сад, в театр также спешат работники постановочных цехов – швейного, реквизиторского, парикмахерского, гримёрного, столярного, художественно-декоративного, бутафорского, монтировочного, а также администраторы, бухгалтера, водители, уборщицы, дворники. Ближе к 11-ти часам появляются художники, режиссёры и, конечно же, их Величества-актёры, без которых вся вышеназванная армия не имела бы смысла. Одни артисты приступают к читке новой пьесы, другие в репетиционном зале штудируют новинку пока без костюмов, третьи уже проводят генеральную репетицию в полном облачении героев и в запланированных декорациях или же играют дневной спектакль.

К 15-ти часам актёры и режиссёры в основном свободны до 18-ти, остальные в 18.00 заканчивают рабочий день. Далее артисты и режиссёры приступают к основному действию, – вечернему спектаклю, причём в это время может идти второй спектакль на малой сцене, репетиции плюс бригада артистов может уехать в другой город или посёлок на выездной спектакль. Конечно же с артистами бок о бок водители театра, монтировщики сцены, звукорежиссёры, осветители, реквизиторы, помощники режиссёров. Ещё добавляются кассиры, контролёры, билетёры, гардеробщики...

В общем, хорошо ещё, если в 23-24 часа театр может погасить огни, а то из дальних районов команды выездных спектаклей могут возвратиться в 2-3 часа ночи. Так что театр сложный организм и только с виду оживает на вечерних спектаклях. Всю эту сложную систему постигал первые месяцы Сергей Иванович молодой, назначенный директор театра и частенько его рабочий день начинался с 7.30 и заканчивался в 23.30. И на первых порах в 8-часовой рабочий день вписаться никак не получалось. Как-то Валентина Ивановна, жена директора сказала под вечер по телефону: «Серёж, ты бы хоть раз встретил бы меня с работы?» «Запросто!» – Бодро ответил Сергей Иванович и повесил трубку. Задолжал он, задолжал вниманием своей любимой Валюшке. «Таак! Что вечером? Спектакль по Лескову, репетиция по Шеридану, ах, звонили из обкома принять четырёх высоких гостей из Москвы на вечерний спектакль. И что, теперь я жену не могу встретить с работы?» – Пронеслось в голове Сергея. Он вызвал главного администратора театра Владимира Николаевича, поручил взять под контроль чёткое проведение всего вечера, уделить самое большое внимание москвичам и через 20 минут уже стоял с букетом роз у дверей конторы, где работала супруга.

Валентина была счастлива, прижала букет к груди, другой рукой обняла Сергея за талию и они пошли пешком до самого дома, любуясь тёплой осенней погодой. На директора наконец-то нашло спокойствие и уверенность в том, что он уже чувствует ритм театра и старается организовать все процессы лучшим образом. В 23 часа он позвонил домой главному администратору. Тот с воодушевлением доложил, что гостей встретил у входа, провёл экскурсию по театру, рассказал историю знаменитостей связанную с богатой

жизнью данного учреждения, завёл в свой кабинет, угостил хорошим коньяком, посадил в центре шестого ряда, в общем, восторгу гостей не было предела. В семь часов утра зазвонил телефон: «Это квартира директора театра?» «Так точно!» Вдруг, по-военному ответил Сергей Иванович. «Вас вызывает секретарь обкома Васильев Юрий Петрович на 8.30., дежурный Буряк.» «Что-то рано и не совсем вежливо» – подумал директор и стал собираться.

«Вы не хотите работать в театре, Сергей Иванович?» – с ходу спросил Юрий Петрович, не предложив даже сесть. «Не пойму причину Вашего вопроса», – удивлённо ответил ошарашенный руководитель. «А как понимать, что Вы не удосужились встретить работников Центрального Комитета Партии, приехавших впервые в наш город и пожелавших увидеть нашу гордость – старинный театр, да ещё такой редкий спектакль?» И тут Сергея Ивановича осенило. Он вспомнил как вчера утром к нему подошёл бывший директор театра Петрищев и попросил четыре пригласительных билета друзьям-сокурсникам по театральному институту в Москве. И на вопрос главного администратора «Вы откуда?», прозвучало ключевое слово «Из Москвы!» Сценарий закрутился совершенно непредвиденный... В директоре, вдруг, проснулся «старый квнщик»: «Юрий Петрович! Произошла ситуация как у Гоголя! Мой главный администратор принял других людей за Ваших гостей!» И Сергей Иванович в красках рассказал как Владимир Иванович расшаркивался и угождал совершенно посторонним людям, друзьям артиста Петрищева, а в это время... «А в это время, – продолжил рассказ секретарь обкома – заведующая сектором культуры привела гостей в театр, удивилась что никто не встречает, благо старейший контролёр её знает в лицо и проводила их на крайние места в шестом ряду, где вскоре с шумом главного администратора «Пропустите гостей из Москвы!» по коленкам истинных почётных гостей протиснулись друзья Петрищева».

Оба замерли на минуту от воображаемой сцены. Благо с чувством юмора у Юрия Петровича было всё в порядке, да и жизненного опыта было хоть отбавляй, не зря всю войну прослужил в военной авиации. «Ладно «Гоголь», на первый раз прощаю, хорошо, что спектакль гостям понравился, но, чтобы больше таких сценариев не было!» – строго закончил разговор секретарь обкома.

БИЛЕТ В ДЕТСТВО

Где-то есть город тихий как сон...

Факс «зашуршал» ночью, и можно было бы утром узнать, что за сообщение пришло, но раз уж я услышал его позывные, то решил сделать это не откладывая. «Акимат города Экибастуза Павлодарской области Республики Казахстан приглашает президента издательского дома «Вешние воды» на юбилейные торжества, посвященные 50-летию города». Слово «президент» вызвало улыбку. Вместо привычного «директор издательства» меня называли «генеральный», «глава», «председатель»... А теперь вот – «президент». Что только не придумают отправители! Но главное я понял: мечта сбылась!

То, что в 2007 году городу Экибастузу исполняется 50 лет, я помнил всегда и мечтал хоть одним глазком взглянуть на город детства в день юбилея. Впрочем, что там юбилея! Мне часто снилось как я каким-то образом попадаю в знакомые до боли улицы, дома, школу, Дворец культуры горняков... Брожу, узнавая и не узнавая детали, запечатлённые в памяти, и новые созданные сонным воображением. Особенно часто снилось удивительно красивое место, где располагался пионерский лагерь «Орлёнок», в котором я отдыхал каждое лето с первого по восьмой класс, да ещё по две смены. Называлось оно Жасыбай. Так продолжалось с далёкого теперь 1965 года, когда наша семья переехала из Экибастуза Павлодарской области Казахской ССР в старинный русский город Орёл. Страна СССР была единой, паспорта были едины, деньги были едины.

Кто бы пригласил от акимата (администрации города) на юбилей человека, уехавшего четырнадцатилетним мальчишкой в другой город, да ещё в другую страну, если бы не Станислав Павлович Куржей, в советское время Герой Социалистического Труда, член ЦК Компартии Казахстана, генеральный директор производственного объединения «Экибастузуголь», почётный гражданин города

Экибастуза? Да тот самый Станислав Павлович, живший в соседнем доме по 2-му Северному проезду и бывший главным инженером второго разреза, с которым я изредка поддерживал связь с 1990 года. На моё пожелание побывать на юбилее он ответил по телефону: «Без проблем!».

Аэропорт «Домодедово» приветливо встретил вечерними огнями. Я на минуту представил, как посмотрел бы восьмиклассник 1965 года на обычный аэровокзал 2007-го... Полная фантастика! Эскалаторы, лифты, буфеты, магазины «Дьюти-Фри», люди в яркой летней одежде, красиво одетые девушки – такими мы их не видели даже в фантастических фильмах, прохаживающие, разговаривающие по мобильным телефонам, изобилие товаров, неизвестное тогдашнему советскому обывателю... Нет, сорок два года – это даже не «двадцать лет спустя». Эдмона Дантеса никто не узнавал после четырнадцатилетнего отсутствия из общества, а кто узнает меня, почти пенсионера? Ещё интереснее, узнаю ли я кого-нибудь из далёкого детства?

После получения приглашения в голове постоянно крутились картины из экибастузской жизни...

Золотая осень 65-го... Восьмой класс, первая школа. Наконец-то школьные вечера 8–11-х классов теперь доступны для нас. Старший брат Кольки Дракина, товарища по пионерлагерю, Василий-солист школьного ансамбля, поёт новую модную песню «Воскресенье». У нас с соседом и одноклассником Юркой Омаровым глаза разбежались – девчонки наши за лето похорошели, а теперь мы уже были причислены к старшеклассникам, где девятиклассницы, десятиклассницы, наконец – одиннадцатиклассницы. Просто инопланетянки! Лида Михеева из 10а, Надя Сиденко из 11б, Наташа Гордеева из 11а... Кого приглашать? И вообще, с чего начать, если ни разу не танцевали? Обещали подойти друзья по пионерскому лагерю Саня Титанакон, Стёпа Убираев, Сашка Сыздыков. Только-только жизнь начала набирать обороты и тут родителям приспичило переезжать в какой-то город Орёл...

Объявили мой рейс. Билеты я заказал заранее: туда «Москва–Павлодар», оттуда «Астана–Москва». Прямых рейсов в Экибастуз не было, хотя в советское время аэропорт в известном шахтёрском

городе работал. Вылет состоялся глубокой ночью, и в тишине, среди дремавших пассажиров память воспроизводила картины прошлых лет ещё яснее.

Сохранился ли карьер, в котором плескались в жаркое лето до поездки на озеро Жасыбай в пионерский лагерь? На месте ли школа номер один, которая была совершенно новой и в здание которой мы перешли уже в четвёртом классе? Третий этаж казался небоскрёбом, ибо в городе до появления пятиэтажек практически не было зданий выше двух этажей? Кто-то в соседнем классе, выбросил табурет из окна, и он разлетелся на части, которые могли сойти нам за игрушечные автоматы. Мы с Лёнкой Нечаевым повторили эксперимент и попались завучу, за что влетело от родителей и пришлось приносить табуретки из дома. Как там Дворец культуры горняков? Любимейшее здание, где в детстве смотрели кино, концерты, смотры художественной самодеятельности, спектакли Павлодарского театра драмы и кукольного театра; где по воскресеньям незабываемая методист Лера Александровна знакомила нас с шедеврами изобразительного искусства, рассказывала о великих художниках, где в библиотеке долгими зимними вечерами я зачитывался «Волшебником Изумрудного города», фантастикой И. Ефремова, А. Беляева, научными статьями журналах «Наука и жизнь», «Техника молодёжи», «Знание – сила»? Как там музыкальная школа, где я провёл целых 6 лет за баяном под началом прекрасного учителя Николая Андреевича Коха? Только его терпение и настойчивость помогли окончить школу, ведь так не хотелось пикировать на баяне в 7-м классе, когда спорт, книги, интересные девчонки отодвигали баян далеко на задний план.

Как там мои друзья – сосед по дому и по парте Юрка Омаров, его сёстры Галя и Лиля, братья Сергей и Искак? А соседские ребята – Колька Соловьёв, Сашка Гладких, Лёнка Рычковский, Валера Решетняк, самый взрослый Женя Куржей (сын Станислава Павловича), малыши Женька Шишлов, Володька Колодуб, Женька Левин? Наши дома и улицы – Иртышская, Лихачёва, 2-й Северный проезд... Вспомнились наши бесконечные детские игры в шандор, бабки, классики, круг вышибала, футбол, волейбол, «бочку с дерьмом», лазание по дворам ночью, как мы называли – «шухарить» и

т.д. Казахский язык мы слышали в основном в разговорах казахов и нам он казался благозвучным и приятным. На магазинах и учреждениях вывески были на двух языках, но первым был казахский. Кетаптар (книжный), Асхана (столовая), Арак-Шарап (вино водка) и другие названия сохранились в памяти.

Сидящий рядом мужчина всхрапнул так, что показалось, будто задремал весь самолёт. Светать начало довольно быстро, ведь мы летели на восток от Москвы. Вскоре показалось солнце, полёт подошёл к концу. За иллюминаторами показался Иртыш и многоэтажки Павлодара. Я подумал: «А ведь мы летим над совершенно новым государством Казахстан, в котором я ещё ни разу не был». Павлодар встретил весьма неказистым аэропортом. В небольших помещениях проходил паспортный контроль. Из окна было видно, как в грузовик укладывали в несколько этажей багаж пассажиров. Наконец на выходе меня окликнул Женя Куржей, вернее уже шестидесятилетний стройный мужчина с седым ежиком – Евгений Станиславович Куржей. Его весёлые глаза и движения сразу напомнили того Женьку, которым мы восхищались, восхищались его модной одеждой, его «Волгой» цвета морской волны, – в городе тогда таких машин было только две. Сели в добротную «Хонду» и покатали в Экибастуз. По дороге я с волнением начал перелистывать страницы закрытые для меня на сорок два года...

Надо сказать, что с момента появления Жени реальность для меня стала ощущаться как сон. Я вроде бы всё видел и чувствовал как обычно, но в сознании ярко возникла история прошлых лет, и синхронно происходило сравнение того, что я вижу сейчас, и того, что на этом месте было в детстве. Проплывающая за окном степь возникала в памяти без каких-либо изменений, зато прямая трасса неплохого асфальта высвечивала в сознании хорошо укатанную степную дорогу, порой не уступающую шоссе. Наконец показали невысокие зелёные ровные и длинные холмы, в которых я узнал отвалы отходов от разработки угольных карьеров, только они были чёрно-коричневого цвета и за сорок лет покрылись растительностью. На горизонте слева появились едва различимые очертания зданий и строений, сладко защемило сердце: вот он, мой долгожданный Экибастуз! «Хонда» повернула с трассы Павлодар–Ак-

мола. Вдали показалось озеро, которое, как мы думали с Юркой Омаровым, «открыли» в далёком 1960 году, бродя за городом в поисках «приключений». Недалеко поблёскивал водой канал Иртыш–Караганда, бывший в детстве только мечтой.

Память подсказывала что вот сейчас увижу что-то знакомое, а действительность оказывалась другой, всё переставляла и меняла... Ничего не осталось на месте бывшего аэродрома, куда мы бегали любоваться самолётами. Железнодорожный узел сохранился, только рядом с «нашим» вокзалом появилось новое, более крупное здание. Новшеством стал каменный парк у вокзала, глыбы которого напоминали горы Жасыбая и Баян-Аула, а вот привокзальный посёлок из небольших двухэтажек полностью сохранился, правда здания выкрашены в ярко-жёлтый цвет, а крыши – в тёмно-вишнёвый, но здания те же. Впереди показалась незнакомая широкая улица с внушительными многоэтажками, а мы свернули на улицу горняков, упирающуюся во Дворец культуры (краем глаза заметил какие-то непривычные розовые оттенки на фасаде здания, может оно уже другого предназначения?), повернули влево возле бывшего гастронома «Горняк», затем нырнули в узенький переулок позади тогдашней школы номер пять и остановились у входа в небольшую гостиницу.

Женя с первых минут был очень любезен, особых эмоций не проявлял, да и помнить меня может и не помнил, – на момент моего убытия он окончил школу. В данный момент выполнял поручение отца. Тем не менее я успел за дорогу расспросить о многом. Директор нашей школы Богдан Богданович живёт давно в Германии, учителей моих и одноклассников Женя почти не помнил, из соседей остались только родители Кольки Соловьёва в нашем посёлке. Школы музыкальной нет, в конце 80-х в ней размещался горком комсомола. Подъезжая к вокзалу, увидел корпус бывших мастерских ЦЭМ-5, где работал отец и я мальчишкой начинал работать на токарном станке. Женя сказал, что там уже нет мастерских. Аэродром переместился в южную часть города и стал современным аэропортом с бетонной взлётной полосой на зависть Павлодару, но в лихие девяностые регулярные полеты «Экибастуз–Москва», «Экибастуз–Алма-Ата» и другие, прекратились.

Здание ведомственной гостиницы «Белочка» разреза «Восточный» стояло на месте двухэтажного общежития в двух десятках метров от нашего дома, где мы жили до 1958 года и где прошли мои первые осознанные детсадовские годы. Из окна шикарного номера я увидел крышу дома моего раннего детства, утопающего в зелени деревьев, и понял, что полусон-полуявь становятся всё интереснее и я отлично ориентируюсь в районе старого Экибастуза.

Неужели это не сон и я действительно в Экибастузе?!

Короткий отдых, приглашение на завтрак приветливой официанткой столовой Анастасией унесли дорожную усталость. Чувствовалась заботливая рука Станислава Павловича, знающего все мелочи приёма гостей любого уровня. И точно: не успел я позавтракать, как работник гостиницы сообщил, не скрывая огромного уважения к пришедшему, что «подошёл сам Куржей».

Если Женю я узнал сразу, то в стройном, невысокого роста, симпатичном мужчине с аккуратной сединой никак нельзя было признать восьмидесятилетнего пенсионера. В лучшем случае Станислав Павлович выглядел как мужчина «за шестьдесят». Его голубые глаза излучали доброту и приветливость. С первых минут нашего общения я понял, что предо мною выдающаяся личность. Мелькнула мысль: ведь он на пульсе жизни Экибастуза все эти пятьдесят лет, прошёл путь от начальника участка разреза до Генерального директора Производственного объединения, стал просто живой легендой. Невольно возникли сравнения: – как Шолохов в Вёшенской, как Илизаров в Кургане, С.П. Куржей олицетворял шахтёрскую славу всей Советской страны. Станислав Павлович кратко ознакомил с праздничными мероприятиями, сообщил, что будет предоставлено место почётного гостя, в моём распоряжении будет гид в лице главного технолога разреза «Богатырь», он познакомит с достопримечательностями города, разрезами, совершим поездки по местам моего детства, включая Жасыбай. Я был восхищён такой насыщенной программой, а пока решил не терять времени и пройтись по городу, попытаться дозвониться до кого-нибудь из друзей далёкого детства. Станислав Павлович торопился на совещание в акимат, а личную нашу встречу запланировал на последний четвёртый день у себя дома.

Прощавшись с гостеприимным Куржеем, я вышел прогуляться по старому центру города. Теперь стало ясно, что центр давно уже не здесь, а там, где я видел из окон «Хонды» современные крупные здания поодаль от улицы Горняков. За углом гостиницы, всего в десятке метров, начиналась узенькая улочка, заставившая сильнее биться сердце. Здесь сохранились все домики (почему-то их называли финскими), где прошло моё дошкольное детство. Фантастика! Я с закрытыми глазами помню каждый метр вокруг этих нескольких домов. Я всё узнал, несмотря на небольшие косметические изменения зданий и постаревшие деревья. И самым первым стоит НАШ ДОМ! Возле калитки пожилой мужчина хлопотал по хозяйству. «Здравствуйте, я здесь жил в детстве, тут ещё жила женщина, помню её отчество – Яковлевна», – обратился я к собеседнику. «Это моя тётя. А вашу маму звали Полина Пахомовна, а отца Иван Иванович? У них был маленький мальчик, ходил в детсад», – ответил он. «Я и есть тот маленький мальчик», – подтвердил я. «А Вас как зовут?». «Виталий», – с возросшим интересом ответил мой собеседник. И я вспомнил это имя! Виталий казался тогда взрослым мужчиной, и наши детские забавы никак не пересекались с его семнадцатилетней жизнью. Но что-то память оставила, кажется, он помогал нам весной пароходики по лужам пускать, и в общежитие на месте «Белочки» к солдатам ходил в гости, ещё подарил нам раскладные стаканчики. А память неистово восстанавливала соответствие расположения комнат тогда и сейчас. К нам присоединилась жена Виталия, которую я никогда не знал, но по теплоте их отношений понял, что все новые постройки и уют в доме результат её трудов – жены и хозяйки.

Я как во сне походил по комнатам детства, по огороду и видел, что хозяевам это было приятно. Они быстро переоделись, сфотографировались со мной на память и стали предлагать ужин. Пришлось вежливо отказать, так как я ничего не успел бы посмотреть дальше. Расспросив о семье Лученцов, с которыми мы дружили до самого отъезда, о других соседях, я понял, что с Виталием Ивановичем Мозжевым просто повезло, больше никого не осталось на нашей улочке, которая так и называется – Узкий проезд. Только несколько старых тополей приветливо шелестели листвой, давая

знать, что помнят малыша Сашку Лысенко, бегавшего с ватагой ребят по дворам и улицам, раскачивавшихся на качелях и горланивших военные песни «Шёл отряд по берегу», «Варяг», «Солнце скрылось за горою», которые привёз отец из армии, уйдя на два года из этого дома.

Выйдя на улицу Новосёлов, я увидел, что нет дежурного магазинчика на углу, в который мать приводила меня купить конфет или печенье. Кстати, после расчётов с гостиницей и буфетом, мне понравился курс казахской валюты – таньге. Дальше путь следовал к Дворцу культуры горняков, на стройку которого мы бегали уличными мальчишками, и где мой дед Пахом Максимович успел поработать сторожем. Я слышал тогда непонятное слово «зэки», говорили, что они строили это самое красивое здание в Экибастузе. Теперь, когда открыты многие страницы советского прошлого, можно предположить, что среди строителей был Александр Исаевич Солженицын. Дворец стоял на месте, но был какого-то немыслимого тёмно-лилового цвета, что делало это великолепное здание каким-то мультяшным и несерьёзным. Оказывается, его занял ночной ресторан, и в зрительном зале с прекрасной сценой теперь стоят столики посетителей, есть большая танцевальная площадка на месте сцены – чего почти нет в современных ресторанах. Да... Повезло ресторану... Круглая лестница, площадка, где стояла на Новый год главная ёлка города, лепка внутри помещений – всё до боли знакомо, только покрашено немыслимыми цветами – тёмно-синим, зелёным, розовым, красным... Библиотеки, увы, уже не было, хотя я привёз именно для неё книги в подарок. Очевидно, уже много других красивых зданий построено в городе, и мой любимый Дворец потерял своё былое величие. Деревья вокруг Дворца были старые, значит, те самые, которые я видел в детстве, особенно серебристые маслины (как мы их звали в детстве и безжалостно обрывали созревшие плоды осенью), а памятник Ленину теперь стоит совсем другой, огромный и грубый. Воспоминания так неожиданно обступили стеной, что я не мог не удивиться – как всё это дремало в душе: – Оркестр баянистов на сцене Дворца культуры горняков, секция бокса под руководством Юры Шадрина, его друзья-боксеры Ваня Ширихай, Володя Малков, Толик Алтунин, казавшиеся мне сказоч-

ными богатырями, ничуть не меньше, чем знаменитые мушкетёры из книги А. Дюма. И, конечно же, еженедельные походы в кино по воскресеньям с первого класса и вплоть до отъезда из города.

Всё равно всё это смахивает на сон... За территорией Дворца через улицу Новосёлов был центральный парк, теперь, очевидно совсем заброшенный, ибо ни деревянного магазинчика на углу, ни гигантских качелей, никаких детских сооружений видно не было, лишь опустевшие площадки, кусты и деревья, да кое-где сохранившийся ажурный бетонный заборчик, не узнать который было невозможно. Грустное путешествие в парк закончилось. А вот и бывший детский сад, который я любил за уют, добрейшую воспитательницу Нину Максимовну и огромный ковёр в парадном зале, на котором мы играли, проводили утренники и новогодние ёлки. Увы, я увидел остатки здания без крыши, проёмы окон, узнаваемую надпись лепниной «Детский сад» и сзади кран, который всё предыдущие дни совершал свою разрушительную миссию.

На противоположной стороне парка я опять испытал чувство горечи утраты – там было здание горисполкома, горкома партии и трест «Иртышуглестрой», а теперь это были двухэтажные руины с заколоченными окнами и вряд ли кто подумает, что здесь когда-то находились все органы власти города и к этому зданию люди шли с трепетом. Наконец дошёл до места, где стояла детская музыкальная школа имени Глинки, и увидел за высоким забором незнакомые ухоженные здания. Было ясно, что здесь ничего не осталось. Я решил, что на первый день впечатлений хватит. Конечно, этот старый центр города застроят и благоустроят, о чём говорит довольно чистая, вероятно подготовленная под будущие строения территория. Итак, в следующие дни мне предстоит увидеть дома и улицы современного Экибастуза

Новый день встретил июньским солнцем и радостным предвкушением поездки по городу и на разрезы. Ровно в 10 часов, как предупредил Станислав Павлович, тёмно-синяя «Нива» подъехала к входу гостиницы, и я познакомился со своим гидом – главным технологом разреза «Богатырь» Михаилом Васильевичем Спиридоновым, оказавшимся приятным собеседником и весьма квалифицированным специалистом.

Выехали на центральную улицу Ленина, широкую, зелёную, с приличными многоэтажными зданиями. Я сразу вспомнил, что это бывшее пустынное поле от вокзального посёлка до южной части города, где маленьким квадратиком стояла лишь городская больница из нескольких небольших зданий. На этом поле мы гоняли на велосипедах, жгли пионерские костры по окончании учебного года, а в осенние дни по нему катились тысячи шаров-колючек – «перекати-поле». Здесь-то и вырос новый многоэтажный Экибастуз, а наш «соцгород» превратился в уютный окраинный уголок. Вместо старой больницы стояла великолепная поликлиника, а когда-то новый широкоэкранный кинотеатр «Юность» превратился в здание дискотеки и развлекательного центра.

Выехали за город. Я увидел огромный комплекс ГРЭС-1 с 300-метровой трубой, возле которого маленькой свечкой торчала наша, тогда казавшаяся гигантской, труба ТЭЦ. А ведь в 60-е годы это был маяк на многие километры в степи. Электростанцию возглавлял опальный премьер-министр СССР Георгий Максимилианович Маленков.

Промелькнули южные отвалы, мимо которых мы уезжали в пионерский лагерь на озеро Жасыбай, и показались разрезы. Для тех, кто не видел это чудо света, трудно найти подходящее словосочетание, чтобы описать всё это великолепие союза природы и человеческого разума, направленного на создание энергии и тепла, и без чего цивилизации бы не существовало.

Как можно описать состояние, когда со смотровых площадок разреза «Богатырь» видишь три гигантских каньона, внутри которых сотни стотонных самосвалов, многоэтажных роторных экскаваторов, многовагонных железнодорожных составов, электровазов, чётко и слаженно выбирающих тысячи тонн первоклассного угля, вывозящих породу на отвалы, тысячи энергонесущих столбов, километры и километры электропроводов, железнодорожных путей... Причём, кажется, что какая-то сверхъестественная сила управляет этим могучим производством, где трудятся тысячи и тысячи шахтёров, и нет пугающей тесноты и ежеминутной опасности как в угледобывающих шахтах. Природа щедро предоставила многометровые угольные пласты прямо у поверхности земли –копай и

увози на здоровье. Незабываемая картина: крутятся стрелы экскаваторов, змейками извиваются составы поездов, ползают жёлтые букашки многотонных самосвалов... Подумалось, вот она – настоящая музыка жизни.

Ещё раз порадовался, что есть такие специалисты как Михаил Васильевич, умеющие так квалифицированно, даже, не побоюсь этого слова вдохновенно рассказать о всех нюансах и тонкостях этой, казалось бы, прозаической профессии. Говорят, Станислав Павлович назвал разрезы «угольной симфонией». И это справедливо. Столько миллионов тонн прекрасного угля не добывает ни один разрез в мире, как «Богатырь». Ясно было, что дела здесь идут успешно. Ухоженная территория, деревья, цветы радуют глаз, приветливые лица сотрудников... И это в то время, когда на многих предприятиях упадок производства, сокращения, невыплата заработной платы...

Директор разреза Серик Жуматаевич Макаров показался эдаким богатырем по положению и манере поведения, под стать названию крупнейшего в мире угольного разреза. Поведал с юмором о визите к австралийским коллегам, с нескрываемым высокомерием встретившим посланцев из малоизвестного Казахстана, а когда те вникли в масштабы и цифры объемов производства экибастузцев, то стали похожи на провинившихся детей. Со словами благодарности за экскурсию я вручил «шахтёрскому генералу» книги своего издательства.

Вдруг в разгар нашей беседы в кабинет зашёл солидный седой мужчина и ему сказали, что я не был сорок два года в городе, назвали мою фамилию, имя, отчество. «Сашка Лысенко, что ли? Я хорошо знал его. Заводила, спортсмен, любитель пошухарить по огородам. Мы мальчишки всегда его помнили, мечтали попасть в его компанию» – стал вспоминать он. Я открыл рот от удивления, не скрою, приятного. «А тебя как зовут?» – с удивлением спросил я. «Стас Жиловский. Жил на 2-м Северном проезде через пару домов от дома Валерки Решетняка, но учился на два класса ниже, с братом Юрки Омарова, поэтому можете не вспомнить. Мы с друзьями часто наблюдали за вашими пробежками, тренировками, стараясь быть незаметными» – с улыбкой ответил Стас. Конечно, два года

разницы в 13–14 лет очень ощутимы и я с интересом стал расспрашивать о друзьях и одноклассниках. Почти всех знал Станислав Леонидович, теперь заместитель технического директора по охране труда разреза «Богатырь».

От него я узнал, что одноклассники Лёнька Нечаев, Толик Мартынов, Витька Бабкин, Витька Бакулин в годы после школы имели проблемы с законом и алкоголем. Мой лучший друг детства Юрка Омаров стал зваться Ибрагимом в советский период работал в профсоюзе «Экибастузуголь», затем как-то исчез из поля зрения. Запомнились его удивительные математические способности и великолепная память. Он моментально мог сказать, где и когда произошло то или иное событие мирового масштаба. Саня Титанакон – весёлый мой товарищ последнего лета шестьдесят пятого года жив, здоров и трудится в их системе. Саша Сыздыков, одарённый спортсмен, где-то в Баян-Ауле. Степа Убираев и Фариз Джамбул уже в мире ином... Радостные и печальные мысли окутали меня, и только гостеприимное приглашение генерального директора к обеденному столу прервало беседу. Надо отметить, что посещение разрезов было очень интересным как экскурсия, но не щемило в груди от обычной новой информации. А вот обратно в город мы поехали по улицам старого Экибастуза...

Волнительно было видеть, что северная часть в основном сохранилась за четыре десятилетия. И дома, и улицы были узнаваемы. Здание бывшего интерната, «дом Маленкова», сохранившиеся кое-где бараки, двухэтажки 50-х, двухквартирные домики и – всё отдавало тёплой волной памяти. Здание родной школы уже не было одиноким среди поля, его плотно окружили жилые пятиэтажки, скорее всего 70-х годов постройки. Июнь. Занятий уже нет, но идут экзамены. По вестибюлю сновали незнакомые дети и учителя. Зато в просторном ранее вестибюле теперь отгорожена комната для школьного музея, где заведующая Людмила Николаевна показала многие старые фотографии, на которых я узнал многих своих учителей, директора школы, но нашего класса при беглом осмотре не нашёл – то старше, то младше... Я заметил, что моё путешествие «в детство» очень интересно и моему гиду Михаилу Васильевичу. Наверное, со стороны это выглядит впечатляюще: нату-

ральная картина встречи людей через десятилетия и моя реакция на огромные изменения. Я прошёл по просторным коридорам всех трёх этажей школы, полюбовался постаревшими подрезанными тополями, которые мы сажали пятиклассниками, и распрощался с заведующей музеем и школьным библиотекарем, тоже Людмилой Николаевной. Пообещал подарить книги, альбомы, открытки, которые привёз из Орла. Чуть позже я это выполнил. Стало понятно что через сорок лет искать знакомых учителей мало смысла...

Из школы поехали к 8-му Северному проезду, где жила одноклассница Таня Колюх. По пути увидел, что уже нет маленького кинотеатра, где мы повторно смотрели фильмы, которые понравились и ранее демонстрировались в ДК и «Юности». Я увидел, что улицы переименованы, но цепкая детская память всё-таки нашла 8-й Северный, который теперь переименован в проезд М. Шарманова. В доме № 64 никто не отозвался, рядом стоит дом № 66, в котором жил с дедушкой и бабушкой друг Юрка Соколов, проучившийся в нашем пятом классе всего год. После его отъезда приехала сестра Галя, в которую я влюбился с первого взгляда, тогда, к сожалению безответно. Зато для меня открылся мир женской красоты с довольно высокой планкой. Через пару лет она вместе с дедом и бабушкой уехала из города. Я позвонил в калитку, вышел пожилой мужчина, оказавшийся младшим братом Тани. Он пояснил, что их семья купила дом у Соколовых, и сообщил печальную весть, что Таня умерла несколько лет назад. Еще одна ниточка оборвалась в детство, и жестокое дыхание времени пронзило всё тело.

Потрясённый, я сел в машину, молча показал рукой путь до «магазина на Бугорке», куда ходил весь посёлок за продуктами, но увидел только новое здание с пустыми окнами и замком на дверях. Подъезжая к «нашим домам», где я жил с 1958 по 1965 год, я улыбнулся увидев на улице Шахтёрской действующий до сих пор продуктовый магазинчик, где мной были когда-то куплены килограммы ирисок и пряников. Машина свернула на 2-й Северный проезд, который остался в прежнем названии, и как 42 года назад, неасфальтированным. Промелькнули дома, где жили Лёнька Рычковский, Женя Куржей, Саша Гладких, Валера Решетняк. У дома Соловьёвых копошилась какая-то женщина. Я вышел из машины и

как-то сразу узнал Валию Соловьёву – старшую сестру моего друга Кольки. Удивление и радость встречи засияли в глазах Вали, она стала приглашать в дом, и я с замиранием спросил о тётё Ане и дяде Васе, её родителей. «Живы, живы! Сейчас увидишь», – засмеялась Валя. И точно! Двое симпатичных стариков сидели на диване, улыбались и радовались встрече. Василий Фёдорович сразу вспомнил отца и то, как они работали над рационализаторскими предложениями и получали премии. Сфотографировались на память, Валя успела скинуть рабочую одежду, переодеться, а тётя Аня пошла со мной в мой родной дом, на углу по улице Иртышской, 63/1 и 2-му Северному проезду, где я рос до 14 лет, и где мои друзья-соседи на веранде в течение 7 лет отмечали мой день рождения и День шахтёра. По пути она поведала, что давно не живут здесь Рычковские, Гладких, Куржей, Омаровы, Левины, Загурские, в нашей квартире недавно сменились очередные хозяева, но очень старательные – всё обновляют и перестраивают. А улица Иртышская теперь носит имя Пшимбаева.

С волнением я преодолевал эти десятки метров. Прошло ровно 50 лет с тех пор как мы переехали сюда из Узкого проезда, но, конечно дом я узнал, хотя он был обложен свежим кирпичом. Сохранились фрагменты веранды, служившей мне летней комнатой и осенним складом арбузов. Отец покупал их в ближайшем совхозе по немыслимо дешевой цене – кажется, 5 копеек за килограмм. Молодая хозяйка показала наши комнаты, кухню, ванную, по которым я часто ходил в своих снах все эти годы. Огород и деревья были совсем другие, и лишь клён недалеко от калитки был нашим уцелевшим деревом. Сколько детских игр и впечатлений связано с этим домом, двором! Зимой наметало огромные сугробы, и я выстраивал сказочные замки и пещеры, а все соседские мальчишки восторгались их красотой.

Тепло попрощавшись с Валею и тётёй Аней, вспомнив, что цветы в их огороде всегда напоминали чудесный ковер, что видно и сейчас, я поехал в гостиницу и весь остаток вечера переваривал увиденное. Позвонил своей учительнице начальных классов, Раисе Адамовне Рыслиной, телефон которой мне дала заведующая школьным музеем. Раисе Адамовне очень понравился мой голос по

телефону, мы с ней вспомнили некоторых учеников нашего класса. Очевидно, глубокий пенсионный возраст и обычная женская стеснительность не позволили ей предложить встречу, а я и не настаивал, радуясь, что вообще услышал её голос.

Тут я себя поймал на мысли, что впервые я автоматически не обращаю внимания на сорокалетних экибастузцев, не говоря о молодёжи. Ведь все, с кем я могу о чём-то поговорить, в возрасте ближе к шестидесяти и старше. Это открытие поразило меня. Это значит я тоже уже почти старик, а по юношеским понятиям – динозавр, динозавр, забредший в город детства. Прямо скажем, не очень весёлое открытие.

Позже я позвонил сестре Тани Колюх, и Нина рассказала, что никого из одноклассников я практически не найду, многие просто давно уехали: Ира Скачкова, Вера Бакуменко, Ира Зозуляк... Я удивился, как что только увиденные дома и улицы, встречи с Соловьёвыми, переплелись с памятью детства, они выстроились в какую-то новую вторую серию Экибастуза 2007 года. Снова пришло ощущение, что я смотрю очередной сон.

На следующее утро меня уже ждал Анатолий Антонович Медведев, чиновник из коммунального хозяйства, которому видно поручили показать мне современный город. Я с большим удовольствием посмотрел на всё построенное после 1965 года, зашёл в русский храм, посмотрел на масштабный комплекс мечети (в советское время религиозных сооружений в Экибастузе не было). Воочию убедился, что могут сосуществовать и приносить пользу людям различные вероисповедания, о чём многократно слышал на Всемирных русских народных соборах в Москве. С радостью отметил про себя, что все степные просторы вокруг и внутри огромной буквы «С», состоящей из домов и улиц в 1965 году, застроены. Для меня это был новый Экибастуз, который память не знала. Но как хорошо, что сохранили в целом весь город!

К началу юбилейного собрания мы заехали за С.П. Куржеем, и здесь я увидел как уважали и ценили этого удивительного человека – почётного экибастузца. Все от мала до велика знали Станислава Павловича в лицо, многие спешили с ним поздороваться, важные персоны старались сфотографироваться рядом. Станислав

Павлович был весел, отличный костюм на нём сидел, как на манекене, глаза горели радостью общения, на груди сияла Золотая Звезда Героя Социалистического Труда.

Мне досталось хорошее место в четвёртом ряду, причём я видел, что Станислав Павлович, окружённый большими чинами, водил глазами по залу, выискивая меня и, только когда я ему помахал рукой, успокоился. Открыл торжественное собрание аким (в России – губернатор) Павлодарской области, далее зазвучали то русский, то казахский языки. Я подумал, что ведь можно, как и в далекое теперь советское время, жить дружно и весело во имя созидания. Не могу не отметить, что хозяйской нотки у казахов стало больше, чем раньше, и в руководстве всех отраслей это проявилось отчётливо. Но ведь и ситуация изменилась круто. Казахи находились в составе СССР, а теперь они хозяева в своём государстве, в дружбе с Россией, относятся к ней с уважением и совместно решают все задачи. Не так всё просто это далось в те бурные годы, но результат на сегодня есть, и прекратился отток русского населения из города, как это было в тяжёлые девяностые. Очень интересно было видеть на торжественном собрании документальные кадры тех лет, когда жил в Экибастузе, слышать со сцены имена людей, с которыми сталкивались родители по жизни. Но, к сожалению, новых встреч, кроме встречи с Сашей Титанаквым не было, хотя позднее я узнал, что были знакомые. Но кто же, находясь в зале, заполненном людьми, узнает друг друга через 42 года?

Вспомнилось, как утром проезжали мимо знаменитого «Дома Маленкова», который непонятно во что перестраивается, и жалко стало, что не сохранили дом, не создали мемориальную квартиру, куда, уверен, с удовольствием приезжали бы туристы, собрали бы экспонаты, добытые у живых родственников в Москве, и т.д. Всё-таки в истории немного примеров, когда-бы премьер-министр могущественнейшего послевоенного СССР, ютился в небольшой экибастузской квартире и при этом много сделал хорошего для горожан, используя огромный опыт и связи.

Благодаря Куржею оказался и на вечернем приеме, где услышал выступления известных экибастузцев прошлых лет, о некоторых из них я слышал рассказы от родителей. Редкий случай, когда со-

брались многие руководители города прошедших пятидесяти лет. Подчеркну ещё раз: как мне повезло! Получив на приёме хорошие книги по истории города и памятную медаль, я ещё раз отметил, как хорошо подготовились к юбилею города земляки и как велик авторитет Станислава Павловича.

Наконец настал день поездки в Жасыбай, куда все эти годы меня приводили сладкие сны детства. В 8 часов 30 минут симпатичная «Хонда» стояла у ворот гостиницы, а возле неё знакомый уже Михаил Васильевич с новым водителем. Тот отрекомендовался: «Павел», мне он сразу показался чем-то похожим на известного артиста из фильмов «Шельменко-денщик», «Крепостная актриса» и др. Оказывается директор «Богатыря» отпустил своего шофера и свою машину в наше захватывающее путешествие. Выехав за пределы города, миновав все отвалы, мы оказались в бескрайней степи, до горизонта прорезанной посередине серой лентой неплохого шоссе. Я вспомнил старую дорогу в степи за ТЭЦ, петляющую по каким-то замысловатым извилинам... Теперь другое дело – жми на педали и просто удерживай баранку.

Уже через тридцать минут показались синие очертания гор. Как мы, мальчишками радовались, увидев это чудо в степи. Через час мы уже подъезжали к ним, только не с правой стороны, а с левой, где находился Баян-Аул со своим озером. Попросив приостановиться, я сорвал кустик степной травы усыпанный мелкими бело-серебристыми цветами, напомнившими, как мы привозили эти кустики домой. Да, это та самая степь моего детства, с теми же травами и запахами. Вдали проплыли дома посёлка Майкаина. Попутчики рассказали, что посёлок снова возрождается после лихих девяностых. Гряда гор Жасыбая издали напоминала лежащую женщину. Раньше весь транспорт заезжал к озеру со стороны «её ступней», следуя мимо причудливых гор в форме головы, огромной скалы, напоминающей булку хлеба, пионерского лагеря «Майкаин-золото», почти невидимого с дороги, и до самого нашего пионерлагеря «Орлёнок». А теперь путь заезда лежал со стороны «головы», ранее мне неизвестный. Я с интересом рассматривал скалы по бокам извилистого шоссе и вскоре рядом с подножием самой известной горы Агбед мне показали мемориальный комплекс с бюстом Жасы-

бая. Поднявшись по ступеням к памятнику, я увидел вдали родное одноимённое озеро и порадовался, как украсился этот ранее глухой уголок агбедовской гряды. Родные горы, запах сосны, сочно пробивающийся в раскрытые окна автомобиля, груды камней, похожие на стопки гигантских толстых блинов или оладий, буйное разнотравье, цветы, пение птиц и стрекот кузнечиков вмиг оживили все детские картины. Ещё издали я узнал очертания озера и места, где был наш пионерский лагерь «Орлёнок». Глаз сразу уловил несколько новых двухэтажных зданий, как на знакомой территории, так и на территории, куда всегда выезжал любимый детский сад (я успел два года подряд, до школы туда съездить. Шахтёры построили для детей подшефного детсада летнюю дачу). Сердце забилось сильнее, когда подъехали к воротам детского оздоровительного лагеря «Карлыгаш» – так теперь зовётся наш бывший пионерлагерь «Орлёнок», что в переводе с казахского означает «Ласточка». В живописнейших горах, напоминающих Волшебную страну, описанную Олегом Волковым в любимой детской книге... Никогда не забыть походы, костры, рыбалки, кинофильмы вечером, когда на стареньком проекторе сменяли несколько бобин с киноплёнкой, а мы в перерывах бесились, потом возвращались, замёрзшие от ночного холода, в палату и было счастье, если у кого-то находили сворованный из столовой кусочек хлеба...

У ворот встретил охранник, сказал, что нельзя заезжать на автомобиле, затем созвонился с начальником и пропустил нас. Я шёл как во сне. Память услужливо подсказывала – здесь было место проведения сборов и пионерских линеек. Каждый отряд заботливо украшал свое место с названием отряда, выложенным цветами, шишками, плодами шиповника, заячьей капустой и т.д. Теперь здесь стояло какое-то здание, ну вот, показалась столовая, наша любимая столовая, вокруг которой мы крутились в ожидании еды, напевая знаменитую песню «Наши бедные желудки были вечно голодны. И считали мы минутки до обеденной поры». Сейчас это было здание дискотеки. Ага! Вот сохранилось несколько корпусов, которые я сразу узнал. Один корпус на один отряд: с одного конца корпуса – девочки, с другого – мальчики. На открытой веранде в дождливые дни могли играть, разучивать песни, читать и т.д. Павел и Михаил

Васильевич с интересом следовали за мной, слушая мои сравнения, воспоминания, и удивлялись, как это я помнил всё до мельчайших деталей.

Наконец подошли к озеру. Боже мой! Тот же песок, те же камыши в правом уголке озера, в ушах даже будто ожили крики ребят, вожатых и воспитателей, хотя кроме нас троих никого там не было. Закатав штаны, я по колено брёл по берегу озера и высматривал в воде камешки, из которых я в детстве выбирал горный хрусталь. Гранёных камней я не нашёл, но кругловатые – белый и чёрный были хорошим напоминанием занятий тех лет. Весь берег хорошо просматривался до новых зданий дома отдыха (теперь санаторий разреза «Богатырь»). Но перегородка в центре песчаной косы, обозначавшая теперь территорию разреза «Восточный» – сразу за пионерлагерем, смотрелась совершенно нелепо и нарушала прекрасную идиллию. Ещё я не увидел катера «Пионер», который был единственным солидным судном на озере и катал всех детей, хотя принадлежал майкаинскому лагерю. Тем не менее душа пела от радости, ведь сколько раз снился этот берег озера детства, в каких только вариантах! И больше всего преобладало желание поплавать в кристально чистой воде до «гусиной» кожи и броситься на горячий, чистейший кварцевый песок золотистого цвета... В отличном настроении мы вернулись в машину и поехали в санаторий, по пути остановились у небольшой скалы, где когда-то белой масляной краской я писал свои инициалы, Юрки Омарова и Сашки Титанакова. Конечно, за столько лет ничего не сохранилось.

Директор санатория, симпатичный казах, ждал комиссию по приёму объекта в новом сезоне, тем не менее меня любезно принял, с удивлением узнал что, первыми отдыхающими дома отдыха в 1956 году были мои родители, и для них двоих работала столовая, дежурила моторная лодка и предлагались «мероприятия». Поднявшись на гору за санаторием, на бывший дикий пляж, я увидел комплекс зданий и величественный корпус самого президента Казахстана. Да... Таких гостей Жасыбай раньше не знавал... Пообедав в столовой санатория (опять позаботился Куржей), мы двинулись в сторону Баян-Аула. Я благодарно окинул взглядом родные очертания страны детства и невольно подумал, когда ещё придётся уви-

деть эти места, да и придётся ли? Ещё через сорок лет это будет весьма проблематично... Вспомнилась лагерная песня со словами: «Гори, костёр, подольше, гори не догорай, а завтра лагерю скажем: Прощай! Прощай! Прощай!»... Теперь стало ясно, что я в детстве отдыхал в невероятно красивом и живописном месте, не уступающем знаменитым курортам Европы, Азии, Америки. Побывав во многих странах этих континентов, я абсолютно убедился в этом. Однако в те далёкие годы такой оценки дать было некому, ибо знатоков заграничных красот попросту не было.

На берегу Баян-Аульского озера стояла база отдыха Павлодарского университета. Я уже знал от директора санатория «Богатырь», что здесь директором служит Саша Сыздыков, с которым мы были в первом отряде «Орлёнка» летом 65-го года. И точно, только мы заехали на территорию, сразу за нами подъехали синие «Жигули», из которых вышел солидный мужчина с короткими седеющими волосами на голове, но с лицом и глазами Сани Сыздыкова, которые нельзя было не узнать. Радостно обнявшись после сорокалетней разлуки, я увидел озабоченность на его лице. Оказывается, он принял нас за комиссию, которая вот-вот должна приехать по вопросу приёмки объекта на летний сезон. И первые гости уже побывали и сделали нелепейшие замечания – перенести выгребную яму на 100 метров, заменить кое-какие блоки и т.д. И это за 2 дня до заезда отдыхающих. Было бы понятно, если бы эти замечания были к новому сезону будущего года. Кто же ставит вопросы ребром, которые требуют капитальных вложений и длительных сроков выполнения. И мне было искренне жаль видеть такую озабоченность на лице «мужчины под 60», ветерана советского, теперь уже казахского спорта, вложившего столько сил и энергии за много лет в создание и жизнедеятельность этой замечательной базы отдыха. Из его слов я понял, что члены комиссии – молодые специалисты из столицы Астаны, которые еще не знают, как достаются строительные объекты, их содержание и благоустройство, а большие полномочия, виртуальная власть над людьми кружат голову и опьяняют. Посоветовал ему чаще обращаться за помощью к всемогущему ректору университета. Обменявшись адресами, я распрощался с другом детства, и мы двинулись в обратный путь.

Ещё раз порадовался я лёгкости и скоротечности дороги «Волшебной страны детства», так я и буду продолжать называть Жасыбай, хотя стараюсь ездить в «Волшебную страну моей жизни» – Крым. Обратная дорога в Экибастуз показалась короткой. По пути ещё раз проехали посёлок Майкаин, затем остановились у родника с очень вкусной водой неподалеку от реликтовой рощи, сохранившейся по преданию аж с ледникового периода. В голове пронеслись картины детства в Жасыбае и только что увиденное. Так полюбилось это место, что десятки раз во сне я выходил пешком за город и довольно быстро добирался до озера и лагеря. Ещё и ещё раз удивляла мысль, что сорок лет так быстро пролетели, но и как здорово пройти по тропинке детства через сорок лет... Жасыбай 60-х годов остался только в памяти тех пионеров, вожатых, воспитателей, родителей и отдыхающих, которые там побывали в то время, а современники уже никогда не будут знать тех впечатлений, как бы о них не рассказывали очевидцы. Подъезжая к старенькой трубе «нашей» ТЭЦ я попросил свернуть к старому кладбищу, где были похоронены мои дедушка и бабушка по материнской линии, но списков могил не оказалось, и мы втроём безрезультатно побродили по району умерших экибастузцев 70-х годов. Вернувшись в гостиницу, я наскоро поужинал и под грузом ярких впечатлений быстро уснул.

В последний день я встречался со Станиславом Павловичем у него дома. В узкой улочке, рядом со зданием бывшей музыкальной школы, стоит целёхонек домик пятидесятых годов, половину которого занимает Куржей. Добротная четырёхкомнатная квартира, ухоженный участок, который смело можно назвать небольшим садом, с любовью выращенные деревья, цветы, две серебристые ёлочки, посаженные в честь двух правнуков, – словом всё указывало на высокоорганизованного культурного хозяина. После смерти любимой супруги, с которой больше полвека прожили душа в душу, Станислав Павлович своё жильё ни с кем не делит, лишь допуская домработницу Наташу прибраться в доме и приготовить еду, что она делает прекрасно. Я с любопытством рассмотрел все значки, регалии, эстампы, кубки, другие сувениры. Рядом с сувенирами уже висела тарелка с гербом Орла, на тумбочке стоял огромный

карандаш с надписью Орёл. Приятно, что так быстро мои подарки нашли своё место в чудесном квартире-музее. Вкусно отобедав, мы уединились в комнате отдыха для беседы. Здесь я почувствовал такую спокойную уверенную мудрую государственную личность в своём собеседнике, что ещё раз убедился, что не место красит человека. Слушая историю жизни знаменитого шахтёра, я зажёгся его уникальной биографией и понял его желание написать книгу о своей жизни. В небольшом рассказе Куржея о своём детстве и юности прозвучало столько необычного материала и в то же время традиционно богатыми приключениями всех родов от комических до трагических, в которые ввергли наш народ все революции, войны, коллективизации, репрессии и т.д. Судя по горящим глазам Станислава Павловича, его живому языку, твёрдой памяти, можно быть уверенным, что он постарается справиться с этой нелёгкой задачей. Хотя, как писатель и издатель, знаю, что это очень и очень непросто. Порой даже тысячи исписанных страниц остаются пустой грудой, из которых состоят километровые отвалы вокруг Экибастуза. Однако здесь интереснейшая фактура, и при хорошем литературном редакторе может получиться интересная книга, особенно для молодёжи, которая всё меньше знает истинную правду о жизни своих отцов, особенно дедов. Стало понятным его желание встретиться со мной, пригласить меня на праздник города. И я бы взялся в этом помочь, но расстояние между Орлом и Экибастузом и моя занятость сводят на нет такой творческий союз. Я рассказал всю техническую сторону решения вопроса и как найти хорошего редактора, скорее всего в Павлодаре. Пообещал поучаствовать в окончательной вёрстке и даже в издании будущей книги.

Воодушевленный встречей с интереснейшим человеком я возвратился в гостиницу. Наконец-то я мог продолжить поиск старых знакомых и друзей по телефону из номера. По телефону Галины Омаровой ответил неожиданно сам Юра, простите, Ибрагим Сатыбалдыевич, а мне никто не мог сказать, где мой самый близкий друг. Оказывается, он затворником живёт в Галиной квартире, не совсем здоров, перенёс кучу трагедий, включая потерю жены и сына, жил какое-то время в Алма-Ате. Однако мы очень хорошо поговорили, вспомнили наши многолетние походы, приключения, школу, Жа-

сыбай, учителей, соседей... Юра постепенно оттаял и признался, что после моего отъезда такого друга у него больше не было. Я ему признался в том же. Что нам помешало держать связь все эти годы? Теперь уже не объяснить. Очень хотел бы встретиться, но в данных обстоятельствах не получается. Насчёт одноклассников грустная картина подтвердилась. Позвонил Василию Иванчикову – однокласснику Гали, узнал о судьбе Нади Сиденко, Наташи Гордеевой, Людды Гордиевской, старшеклассниках, работавших в последнее лето поварами в «Орлёнке» и давно покинувших Экибастуз. Только звонок Станислава Жиловского меня обрадовал, и мы провели последние часы в нашем Дворце культуры, погуляв по дорожкам шестидесятых, попив кофе в ресторане, где мы когда-то сидели в зрительном зале. Стас удивился, что я помню всё до мелочей из жизни дворца и все детали его интерьера.

В половине четвертого ночи подъехали Михаил Васильевич с Пашей, я позвонил Станиславу Павловичу, как он наказывал, что всё в порядке (мне было жалко будить замечательного человека!) и мы двинулись в Астану. Пронеслись до боли знакомые здания соцгорода и железнодорожного посёлка, и мы выехали на шоссе-ную трассу, где в этот предрассветный час было совершенно пусто. Паша рассказывал, как возил звёзд эстрады в Экибастуз, как спорил по вопросу курения с самим Ахматовым, ставшим впоследствии премьер-министром Казахстана, то-сё – и дорога незаметно привела к утренней Астане.

Я подивился великолепию зданий в некогда обычном городе. Невольно подумалось, а что если Назарбаев, как Петр Первый, на степных болотах строит невиданной красоты город, и столица Казахстана, как когда-то Петербург, поразит весь мир?..

Аэропорт ничем не уступал зарубежным, красивое новое здание. Звонкий голос объявил регистрацию на казахском, английском и русском языках. Пришло время прощаться с моими замечательными спутниками. Меня ждал новенький «Боинг».

Прощай, Казахстан! Прощай, страна детства – Экибастуз! Когда теперь доведётся увидеться?

ВСТРЕЧА С ПУШКИНЫМ

Теперь уже далёкий 1975 год. В старинном русском городе Ярославле выставка НТГМ–75 (Научно-техническое творчество молодёжи). Я – секретарь комитета комсомола железнодорожного техникума вместе с членом комитета, учащимся 4-го курса отделения связи, автором оригинального осциллографа, везу данный экспонат на выставку.

Конец сентября, золотая осень, разгар бабьего лета, командировка, полная свобода, поезд, гостиница и т. д. Что ещё надо двум молодым мужчинам, которым ещё «только за двадцать»?

Ярославль встретил ласковым теплом и жёлто-оранжево-бордовым цветом осенних деревьев. Я горел желанием как можно больше узнать о старинном русском городе, пользуясь случаем, а Александр, так звали моего изобретателя, мечтал выпить вина и полежать в гостинице. Первый день выдался свободным за исключением того, что надо было поставить экспонат в выставочный зал. Пообещав Сане, что в ужин он может воплотить все свои мечты, я потащил его на экскурсию по городу.

Оказывается, Ярославль в два раза больше Орла, который также, как и наш город стоит на стрелке двух рек – Волги и Которосли. У нас обелиск в честь 400-летия Орла, здесь же, целый монастырь со стенами, башнями и храмами, практически – кремль. Да, и возраст города почти тысяча лет.

Так, целый день и провели мы с партнёром в походах, экскурсиях и знакомствах.

Вечером, как я и обещал, пошли ужинать в ресторан, где Александр смог выпить своего любимого винца, а я, после пары рюмок коньяка, ещё немного и потанцевал. Сильно разгуляться в ресторанах советского времени не удавалось, так как после 23 часов всех вежливо выпроваживали, а кто не поддавался на вежливость, милиция увозила в отделение.

Саня уже был в форме «дойти бы до кровати», а мне хотелось полюбоваться ночным Ярославлем. Я довёл Александра до номера и спустился к выходу из гостиницы. Как раз подъехало такси, и после выхода пассажиров, я предложил таксисту проехать по ночью-

му Ярославлю. Водитель был в возрасте, видать с опытом, да и таксисты в то время были асами вождения, элитой среди водителей.

Очень понравился ночной город: неоновые вывески, красивые старинные дома. Правда, храмы в те советские времена выглядели неважно, несмотря на красоту архитектуры. Хотя, в Ярославле ещё чувствовалось, что город входит в «Золотое кольцо», но до сегодняшнего великолетия было очень далеко. Что поделать, было время «торжествующего атеизма».

После часовой езды, таксист предложил: «Хотите интересный объект покажу, хоть и вижу, что вы уже устали?».

Я, естественно, согласился, и в самом центре города, недалеко от знаменитого первого провинциального театра в России имени Д.Г. Волкова, мы въехали в арку многоэтажного дома и такси остановилось. Перед глазами в свете фар на лавочке сидел Александр Сергеевич Пушкин, задумчиво смотрящий на звёздное ночное небо. По бокам лавочки стояли два золотых клёна.

Я тихонько выскользнул из автомобиля и встал, замороженный великолепным зрелищем. Такого умиротворения я ещё никогда не испытывал.

– Рассказывайте! – шёпотом попросил я таксиста.

– Я мало знаю. Да, и памятник этот мало кто знает, сюда экскурсии не водят. Никто не знает и автора скульптуры. Кто говорит, что Пушкина изваял талантливый печник, который жил в этом доме и был почитателем великого поэта, кто приписывает авторство знаменитому скульптору. Жильцы обихаживают памятник и никому его не отдают.

Я был просто счастлив закончить день таким интересным событием.

Конкурс завершился присуждением нашему осциллографу второго места и награждением. Мы отлично справились с заданием, но история с памятником не выходила у меня из головы.

Много лет я встречался с ярославцами: писателями, артистами, музыкантами, музейщиками. И далеко не все знали о существовании этого монумента.

Сегодня, во время всемогущего Интернета я убедился, что памятник жив, дом снесли, а Пушкина перенесли во двор школы № 43, и дети пишут сочинения и читают стихи возле любимого поэта. Однако, в число оригинальных достопримечательностей города Ярославля памятник пока не вошёл.

ИЗВИНИТЕ НАС...

Сергей Иванович заметил эту девочку сразу, как впервые вошёл в класс. Вернее не девочку, а совершенно взрослую девушку, только одетую в школьную форму. Весь ее вид говорил о глубоком презрении к учёбе и то, что она сидела в этой форме и за школьной партой было чрезвычайным одолжением, и это бремя было нести нелегко, но необходимо.

Девушку звали Нина, как выяснилось из знакомства с классом, и тут же Нина поинтересовалась полным голосом, сколько лет Сергею Ивановичу и женат ли он? Далее во время урока учителю бросилось в глаза, что у Нины даже нет тетрадки на парте и она совершенно не слушая урок, спокойно обтачивала маникюрной пилочкой длинный ноготь мизинца. Нина увидела, что Сергей Иванович заметил её кропотливые труды над ногтём, и с вызовом смотрела ему в глаза, машинально водя по ногтю пилочкой.

Вся её поза отвечала готовностью ответить на любое замечание или даже крик, что нередко она слышала от своих учителей. Но Сергей Иванович не подал вида, что что-нибудь заметил лишнее на уроке и спокойно объявил о новой теме. Записав на доске название темы, он повернулся к классу и скользнул взглядом по лицу Нины, на котором была написана некоторая растерянность.

Спросив, все ли успели записать название темы, он прошел по ряду, где сидела Нина и встал у последней парты. Возникла пауза, так как все давно записали тему и повернули головы к учителю. Все увидели, что Сергей Иванович смотрит на угол Нининой парты, где не было ни какой тетради, и все перевели взгляд на Нинину парту.

Нине стало не по себе. Если бы Сергей Иванович сделал замечание, если хотя бы он выразительно посмотрел на неё, она знала, что делать, а тут вдруг весь класс на мгновение уставился на пустую парту и на неё. Нина смутилась, и руки её машинально полезли в парту, где была полупустая модная сумка.

Она обернулась к Сергею Ивановичу, но тот невозмутимо шёл к доске со словами «Запишем уравнение...» – и, написав быстро уравнение, когда весь класс ещё успел записать половину длинного математического выражения, тут же подошёл к Нине, которая наклонилась и что-то искала в своей сумке, прошептав на ухо: «Нина, не спеши, я подожду, когда ты запишешь» – отчего Нина покраснела. И вернулся к доске.

Не глядя на Нину, опять обратился к классу: «Все успели записать?» – и глядя на первые парты в другом ряду, он заметил краем глаза, что Нина что-то стала писать. Повторив уравнение, читая его в тетради ученика на первой парте, Сергей Иванович стал объяснять новую тему, обращаясь к классу и поднимая учеников, сидящих рядом с Ниной, будто бы её совсем не замечая. Хотя заметил, что она стала писать и стала слушать его.

Наконец на самом простом вопросе о равенстве двух частей уравнения, он обратился к Нине: «Нина, если при проверке уравнения мы получили верно равенство, то...»

Нина обалдело смотрела на Сергея Ивановича и полуоткрыла рот, чтобы сказать, как всегда «не знаю», Сергей Иванович опередил: «Правильно, Нина! Уравнение имеет единственное решение» – и махнул рукой, чтобы она садилась.

На перемене мимо Сергея Ивановича, стоящего в коридоре с учителем физкультуры, раза два прошла Нина с какой-то девочкой из другого класса, по виду похожей больше на мальчишку, далеко не примерного поведения. Они о чём-то оживлённо беседовали, причём подружка Нины с интересом несколько раз оглядела с ног до головы Сергея Ивановича.

На следующий день, войдя в класс, Сергей Иванович увидел на столе Нины общую тетрадь, сразу вызвал решать уравнение её на доске. Класс замер, так как не помнил, чтобы Нина решала что-то у доски, но Нина пошла и стала записывать под диктовку пример.

Сергей Иванович так тонко и деликатно задавал наводящие вопросы, что Нина даже удивилась, когда уравнение было решено.

На перемене Сергей Иванович услышал под лестницей какие-то всхлипывания. Спустившись, он увидел сидящих на школьном столе Нину и вчерашнюю девушку с мальчишеской стрижкой, ко-

торая плакала, уткнувшись в Нинино плечо. Увидев его, девушка быстро вытерла слёзы, и они хотели уйти, но Сергей Иванович сумел их удержать и разговорить на темы их школьной жизни.

Девушку звали Надей, она училась в восьмом классе и стояла на учёте в милиции. А плакала она из-за обиды, что какое-то происшествие в классе списали на неё, дескать всё-равно она отпетая, больше некому. Как мог, Сергей Иванович успокоил девушек и пошёл на урок.

Вечер того же дня выдался тихим и морозным. Сергей Иванович решил пойти на каток, на который так любил ходить раньше и в армии мечтал об этом дне, когда по искрящемуся льду под музыку он будет совершать круги на любимом с детства стадионе Динамо.

Судя по звукам из динамика, репертуар музыки обновился, значит многолетние заезжие пластинки с «Катариной», «Пингвинами» и другими популярными песнями почти десятилетней давности покончено. Звучали новые мелодии. Сергей Иванович впервые взял коньки напрокат, так как свои он за несколько лет перерыва даже не стал искать.

Изменились не только мелодии. Раньше, когда он был завсегдаем катка, он знал в лицо почти каждого, даже шпану, которая любила приносить немало хлопот дружинникам и девушкам, проходящим на каток без мужской защиты. Теперь вокруг катались совершенно незнакомые люди.

«Сергей Иванович, и Вы здесь!» – услышал он сбоку. К нему приближались две розовощёкие девушки в облегающих спортивных костюмах, в которых он не сразу узнал Нину с Надей.

«Добрый вечер, я очень люблю каток», – ответил учитель и взял под руки обеих девушек. «А вот вас я не думал здесь увидеть, ведь каток выходит из моды у молодёжи», – продолжал он разговор, и они втроём покатались по кругу.

Девушки были польщены такой простотой общения учителя с ними, но не успели они проехать и пол-круга, как увидели группу ребят без коньков, идущих им наперерез, вынудив их замедлить скольжение.

«Это что за хахаль объявился?» – спросил один в валенках и выругался матом. Девушки в ответ на выходку быстро высвободи-

ли свои руки от рук Сергея Ивановича и, буквально схватив в охапку первых двоих, зашипев какие-то слова потащили всю группу в угол стадиона.

Сергею Ивановичу ничего не оставалось, как дальше делать круги в одиночестве, ибо он увидел, что девушкам этим не только ничего не угрожает, но и ребята сразу сбросили пыл и поплелись вслед за ними с виновато опущенными головами.

Наконец, через несколько минут вся ватага снова двинулась навстречу Сергею Ивановичу. Он остановился. Переминаясь с ноги на ногу, паренёк в валенках промямлил: «Извините нас, мы не знали, что Вы их учитель», – на что Сергей Иванович с улыбкой сказал: «А что, мужики, если бы не был учителем, то можно с незнакомыми хамить как угодно? Ну, ладно, будем считать это досадным недоразумением», – добавил он и взяв под руки Нину и Надю продолжил катание.

Не менять же программу вечера!

КУРЬЁЗЫ СТИХИИ

*Ну что тебе сказать про Сахалин?
На острове нормальная погода...*

Что значит, когда талантливый человек побывал в любом, казалось бы, обыкновенном месте? Это место вдруг засияет всеми цветами радуги, и человек через музыку и волшебные слова принимает на душу этот край, который становится для него родным и близким, благодаря воображению. У всех на слуху Нарьян-Мар, Вологда, Конаково, Комарово и так далее.

Сахалин мне нравится, и все шесть лет, после того как сюда приехал, я не устаю им восхищаться. Если смотреть по карте, остров очень похож на рыбу, так вот, где хвост, в самой середине, и стоит небольшой городок, в котором я проживаю.

К началу августа погода установилась хорошая, юг Сахалина в эти дни напоминает курорты Кавказа – буйное разнотравье, тёплое море Анивского залива... Правда длится эта благодатная пора весьма короткое время, две–три недели.

По поверьям купальный сезон заканчивается второго августа после Ильина дня, и мы всей семьёй провели воскресенье на песчаном берегу между поселками Рыбацкое и Песчанское. А вечером заморосил дождь, и весь понедельник анивцы проходили под зонтиками. Обычное дело для Сахалина.

В ночь на вторник в два часа зазвонил телефон. Я спросонку ответил, что внимательно слушаю. Звонила знакомая жены и жаловалась, что их заливают вода. Пообещав разобраться, я перезвонил дежурному в райисполком. Тот сообщил тревожную весть: от обильных дождей вода в реке поднимается, и надо всем быть начеку, особенно тем, кто живёт близко к воде.

Что мне быть начеку? Мы живём на четвёртом этаже, подвалов и сараев нет, а вот знакомая жены... Я тут же набрал её номер: «Вода

поднимается, на всякий случай вещи ставьте повыше, сами готовьте резиновые сапоги и место, где можно пересидеть».

– Ой, вода уже заливает комнату! Как нам... – И связь оборвалась. Телефон замолчал совсем.

Вскоре погас свет. Я пошёл на кухню, зажег свечку и хотел помыть руки – воды в кране не было. Шепнув жене, чтоб не будила детей, что бегу в райком – собирают по дождевой погоде, я быстро оделся и спустился к выходу. Вот где пригодились рыбацкие сапоги, скрывавшие все ноги полностью. Не зря, оказалось, тесть подавил в один из праздников!

Распахнув двери в подъезде, я на минуту замер: весь двор был залит водой. Она уже подходила к последней ступеньке крыльца. Везде, насколько хватало луча фонарика, плескалась вода. Сапоги погрузились почти доверху, но двигаться было можно.

Работа была рядом, в двухстах метрах, но пару раз пришлось черпнуть сапогами воды. В райкоме собрались уже почти все сотрудники, кроме тех, кто жил подальше. Первый секретарь был необычно возбуждён и направил всех в райисполком, где будет работать штаб по борьбе со стихией.

В утренних сумерках появились силуэты домов, и фонарик был уже не нужен. Райисполком был недалеко, перед ним находилась ровная возвышенность размером с баскетбольную площадку, покрытая травой, на которой что-то шевелилось. Приглядевшись, мы ахнули: вся площадка была плотно заселена домашней живностью. Куры, овцы, собаки, кошки, гуси, коровы – кого только не было на этой площадке. Кто-то включил фонарик, и сразу вспыхнули сотни звёздочек светящихся глаз. На мгновение, фонарь высветил морды животных, поразившие нас ласково-виноватым выражением: мол, извините, вынуждены сюда забраться, нам некуда деться. В обычной жизни я и представить себе не мог, чтобы на столь крохотном пятачке бок о бок мирно сосуществовали все эти твари. Вокруг коровы лежали собаки, кошки вперемежку с курами, утками, гусями. Пара куриц сидела на боку у лежащего поросёнка.

Более странной картины я не видел никогда. «Что же будет, если вода ещё поднимется?» – подумал я. – Как же опасность и общая беда сплывают такую разношерстную компанию».

Вскоре заработал штаб, и каждому было выдано задание по устранению экстренной ситуации. Кто полетел на вертолёте спасать людей, кто на плавающих военных амфибиях развозил хлеб в недоступные посёлки, кто на лодках выискивал спрятавшихся на чердаках и крышах сараев испуганных жителей.

Что ещё удивило – никакой паники не было. Все действовали дружно, сообща. Связь была только по рации, но со всем островом, областным штабом, военными частями.

Когда заходили в штаб за очередным заданием, узнавали подробности. Рассказывали, как милиционер нырнул за ребёнком, выскользнувшим из рук матери в бушующий поток, и спас малыша. Горько было слышать, как вода уносила дома, гаражи, строения, магазинные склады, разрушала дороги, мосты, смывала картофельные поля с созревающим урожаем. Целые свиные комплексы разрушила стихия, и бедные животные погибали сотнями.

Главное, не было сведений о человеческих жертвах. Сказалась крепкая человеческая дисциплина, взаимовыручка и желание спасти всё, что можно. Повезло ещё со временем наводнения. Летняя вода, тёплый дождь не стали причиной ещё больших бед.

В один из моментов меня с группой военных направили спасать студенческий отряд в один из дальних уголков района на берег моря. Вертолёт преодолел расстояние быстро, и мы увидели палаточный городок, целых и невредимых студентов, горящий костёр и с облегчением приземлились. Дождь уже перестал. Мы с удивлением обнаружили, что на фоне многочисленных бедствий здесь царит праздник. На костре жарится поросёнок, неподалёку стоит бочка пива, а студенты, усевшись вокруг костра, поют песни под гитару.

Когда разыскали командира отряда и стали упрекать за несоответствующую обстановку, тот бодро отчитался:

– Лагерь оказался на незатопленном месте у моря, утром под проливным дождём по реке поплыли доски, мебель, деревья, потом магазинная продукция: коробки с макаронами, конфетами, два бочонка пива. Как тут не выловить? Позднее поплыли свиньи, другие домашние животные. Удалось спасти несколько собак, кошек... А за шашлык уж простите. Не мародёрство – нужда. Связи нет, столовую на краю посёлка смыло, не помирать же с голоду студентам!

Мы невольно рассмеялись.

– Молодцы, ребята! Вот вам рация, хлеб. Будьте на связи, всё для жизни у вас есть. Мы летим дальше, – произнёс командир группы.

Уровень воды первого дня больше не поднялся. На третий день дождь прекратился, вода стала спадать, и операция стала уже не спасательной, а восстановительной. Но вернёмся к нашему Ноеву Ковчегу, как мы все называли островок с животными у райисполкома. Почувствовав, что можно спрыгивать на мокрую землю, вся живность пришла в движение, загавкала, зашипела и разлетелась, разбежалась по своим углам. Вот так, миновала опасность, и снова все по своим интересам, забыв о минутах единения, близости и кратковременной дружбы. Правда эти дни вряд ли впишутся в строчки песни «...на острове нормальная погода».

ПОЭТУ РАЗРЕШАЕТСЯ...

Виолетта Романовна давно уже слыла одной из лучших поэтесс России, однако судьба провинциального таланта, как всегда, далеко уводила её от толпы поклонников, журналистов, фотокорреспондентов, охватывающих так часто столичные знаменитости, на голову, а то и на все десять ниже по таланту таких, как она.

Таким образом, ей ничего не оставалось, как прозябать в нищете, писать чудесные стихи и иногда отвести свободолюбивую душу в дружеской вечеринке или на творческой встрече. Вполне естественно, что «в своём отечестве» её знали в лицо только люди, искренне любящие высокохудожественное поэтическое слово. Следовательно, и узнаваемость её среди толпы была на уровне средней.

В эти годы, как назло, на страну обрушилась борьба с алкоголизмом. Большие начальники поголовно возглавляли общество трезвости и вынуждены были заливать эту гадкую необходимость стаканчиком крепкого напитка в диком уединении, боясь свирепой расправы общественных организаций. А простой народ покорно выстроился в длиннющие очереди резко сократившихся винных магазинов, чтобы получить бутылочку заветного напитка для любого семейного торжества или даже несчастного случая.

Однажды из такой очереди вынырнул затоваренный Валера Задорнов – журналист и прозаик, вернувшийся из командировки по Дальнему Востоку. И оказался прямо перед возвращавшейся домой Виолеттой. После радостной встречи и дружеских объятий по взаимному согласию, они решили резко нарушить насаждаемый трезвый порядок простым распитием бутылочки водки на берегу реки, неподалёку от знаменитого памятника одному из великих писателей.

Красота набережной, ласковый безветренный вечер и отсутствие места, куда было бы присесть, привели наших друзей к тому, что после распития бутылочки, они оказались ни где-нибудь, а на

широкой чугунной лавке памятника, где рядом с бронзовым писателем оставалось ещё довольно много места, где они начали откупоривать другую бутылку.

Тут их и застал свисток милиционера. Валера галантно помог Виолетте спуститься, и та на представление и вопросы милиционера громко и отчётливо твердила: «Минуточку! Минуточку», – шаря в своей сумке. Наконец, она извлекла красную корочку, которая оказалась половинкой удостоверения и вовсе не удовлетворила постового.

«А я говорю, ещё минуточку», – нахмутив брови, произнесла поэтесса и извлекла вторую половинку удостоверения, где было написано чёрным по белому, что Виолетта Романовна является действительным членом Союза писателей СССР.

А дальше последовал её грозный вопрос: «Скажите, пожалуйста, уважаемый товарищ милиционер, я, как писатель, не могу спокойно выпить со своим коллегой» – и она указала рукой на бронзовый памятник.

Такой постановки вопроса молодой милиционер не ожидал. Решительный вид поэтессы, уникальная постановка вопроса и солидность двух половинок предъявленного документа почему-то охладили его пыл составлять протокол вести нарушителей в участок. Да и лицо Виолетты ему стало казаться знакомым и известным.

«Вот что, гражданочка», – заявил он, – «Я обязан вас арестовать за нарушение общественного порядка и распитие спиртных напитков, с чем борется сегодня партия и государство, но учитывая ваше обаяние и моё хорошее настроение, попрошу вас и вашего спутника резко изменить место дислокации и обойтись без бронзовых собутельников. Другого доброго милиционера вы можете не встретить больше никогда».

Участковый козырнул и вернул Виолетте две половинки удостоверения. На что та сделала книксен и, взяв Валерия под руку, царственной походкой стала удаляться от улыбающегося стража порядка.

«Ну и Орёл! Ну и рассадник писателей-пьяниц!» – воскликнул развеселившийся милиционер и весело направился к подъехавшему уазу.

*Памяти Леонида Юрьевича Моисеева
посвящается...*

РАЗЫГРАЛИ

Директору театра Сергею Ивановичу было проще – на гастролях он был один без семьи и мог двадцать четыре часа в сутки заниматься только работой.

Его другу и соратнику Александру Юрьевичу было значительно сложнее. С ним было на гастролях красавица жена, играющая всех основных героинь, сын с дочкой, которых устроили в пионерский лагерь, и там они, естественно только и ждали приезда родителей. Да плюс ещё творческие планы, по которым ему надо было в этом месяце дописать пьесу во чтобы то ни стало, иначе в Москве грозились потребовать назад аванс.

Так что ему было не до красот Северного Кавказа, не до его гостеприимства. К тому же он дал слово своей очаровательной супруге не брать в рот ни капли спиртного, хотя соблазнов у него, как у главного режиссёра театра, было каждый день предостаточно.

Но! Пятигорск находился в каких-нибудь ста километрах от их места пребывания и не посетить Лермонтовские места Александр Юрьевич просто не мог, тем более что премьерой нового сезона должен быть «Маскарад». И он уговорил Сергея Ивановича отставить все директорские дела и всё ближайшее воскресенье посвятить поездке в Пятигорск. Сказано – сделано.

И вот театральная «Волга» несётся по живописнейшим дорогам Ставрополя.

Елена Анатольевна – супруга главного, естественно, тоже поехала под предлогом подготовки к роли Нины Арбениной. На самом деле подстраховать мужа, чтобы он не сорвался, так как его ритм жизни в последние дни был для неё бальзамом – не пил, был вни-

мателен, писал пьесу, успевал много репетировать. И что ей особенно нравилось, требовал только его любимый томатный сок.

Александр Юрьевич был великолепный рассказчик, и, подъезжая к Пятигорску, Сергей Иванович с Еленой Анатольевной, как будто перенеслись на полтора столетия назад и жадно внимали каждому его слову.

Казалось, что он служил с Михаилом Юрьевичем в одном полку и более того у них были приятельские отношения, ибо он так тонко описывал все мельчайшие детали жизни и поведения великого поэта, что не под силу и десятку лучших экскурсоводов Пятигорска.

После посещения Лермонтовского домика, места дуэли, кладбища, где первоначально был захоронен поэт, директор с актрисой ещё долго не могли придти в себя от увиденного, а особенно от услышанного. И только естественный голод, пробудившийся от интересного путешествия, заставил их остановиться у неплохого ресторанчика, чтобы пообедать.

Мужчины всегда уступали дорогу даме, а главный режиссер вслед за ней с достоинством предлагал дорогу молодому директору.

Оглянувшись на Александра Юрьевича, Сергей Иванович понял, что тот находится в безвыходном положении. Взлететь на высоту воспоминаний о героизме и кутежах Лермонтова, всё это рассказать в лицах и запить томатным соком такому громадному восьмипудовому богатырю, как Главный, было, мягко скажем пресновато.

«Держись, Юрьич! Мы что-нибудь придумаем», – шепнул ему директор, и затравленность сразу слетела с лица последнего. Он знал находчивость коллеги.

Заказав великолепный обед и бутылку армянского коньяка «Наири», который обожала Елена Анатольевна, Сергей Иванович произнёс тост в честь великого поэта. К нему с весьма скромным видом присоединился супруг актрисы с большим бокалом томатного сока. Тут даже Елена Анатольевна не выдержала: «Саша, ну одну рюмочку можно бы выпить», – сомнительно разрешающе произнесла она.

«Нет!» – отрезал твёрдо Главный и залпом осушил свой бокал под восхищённым взглядом торжествующей супруги. После вто-

рой рюмки и второго бокала томатного сока в честь великолепного экскурсовода сегодняшнего дня актриса принялась за антрекот. А друзья пошли позвонить в театр, чтобы узнать о подготовке к вечернему спектаклю, и, вполне естественно, что на их пути оказался внутренний буфет ресторана, где Сергей Иванович моментально организовал бутылку «Наири», которую Александр Юрьевич с наслаждением ополовинил таким же фужером, из которого пил томатный сок.

Вернувшись к столу, директор налил в рюмки коньяк, а в фужер томатный сок, и они с режиссёром выпили за женщин в лице благосклонно улыбающейся Елены Анатольевны, бдительность и нюх которой начисто были утрачены, а образ мужа трезвенника был чётко зафиксирован в её строгом супружеском «компьютере».

На то, что они снова пошли звонить в театр, Елена Анатольевна совсем не обратила внимания, и весь обратный путь нежно поглаживала Александра Юрьевича по спине, подпевая Сергею Ивановичу какие-то хорошие старые песни.

СКАРЛЕТТ И РУССКИЙ ПРОФЕССОР

Посвящается Владимиру Михайловичу Мунинову.

Самолёт покинул Шереметьево и постепенно набрал высоту. Стюардессы стали развозить напитки. Профессор решил, что небольшая порция красного вина поспособствует аппетиту после прохождения паспортного контроля, таможни и ожидания вылета. Захотелось «остановиться, оглянуться», как писал один из современников.

Время выдалось беспокойное, Москва приходила в себя после августовских бурь и потрясений. СССР оказался в опасной сейсмической зоне, новости из Прибалтийских республик, Украины и Белоруссии настораживали. Августовские события 1991 года взбудоражили весь мир. Но что-то новое проступало сквозь обычное.

Впервые не было проблем с выездом за рубеж. Не требовали характеристик, не утверждали на комиссиях райкома кандидатуру отъезжающего. Быстро рассмотрели приглашение от «Общества человеческих факторов» в Атланту и выдали визу. И это в Соединённые штаты Америки! Куда мороки было больше, чем в любую другую страну.

Стюардесса протянула прозрачный стаканчик с вином, на минутку пригнувшись и невольно приоткрыв весьма привлекательный вырез в белоснежной кофточке. Взгляд оценил фигуру в целом и, точно факс, мозг выдал резюме – «хороша!»

«Чтобы понять, что женщина понравилась, нужно всего ноль целых шесть десятых секунды», – с улыбкой вспомнил Профессор одну из лекций известного психолога. Однако сразу перед глазами возникла жена, приехавшая провожать его в аэропорт после лекции в МГУ. С какой любовью он рассматривал её лицо, излучающее какой-то внутренний свет и радость от малейших его успехов.

А сейчас впервые так легко прошло оформление в Атланту, где муж должен выступить с основательным докладом. «Надо привезти ей оригинальный подарок», – решил Профессор.

Вино оказалось обыкновенным «Каберне», но приятно прохладным. Когда случались командировки в южные республики в филиалы НИИ, где он служил заместителем директора по науке, местные ученые наперебой угощали самыми изысканными винами, нисколько не уступающими любым зарубежным образцам. Правда, в магазинах их нельзя было найти.

Конференция в Атланте обещала быть интересной. С возрастанием роли компьютеризации в жизни человека возможности эргономистов проводить научные исследования сильно расширились. Многие рабочие процессы, требующие длительных экспериментов, теперь можно смодулировать на компьютере и результаты немедленно пойдут на улучшение условий труда на конкретном рабочем месте.

Да... Тридцать лет прошли даром. Времена травли, непризнания, издевательских ярлыков о лженауке остались в прошлом. Наконец-то стали понимать, что новая техника ещё не всё, а важнейшим пунктом является то, как при работе с ней чувствует себя человек.

Над океаном пару раз самолёт попал в зону турбулентности, и пришлось успокаивать соседку средних лет, летящую первый раз в жизни на самолёте. Когда объявили о посадке в аэропорту Кеннеди, Профессор успел пролистать путеводитель по штату Джорджия.

День выдался богатый на прилёты, очередь в паспортный контроль была внушительной. Рядом с контролёром в сопровождении сотрудника аэропорта появился знакомый американский профессор.

– Привет, мой московский друг! Идём с нами! – громким голосом произнёс он и заключил в объятия своего давнего соратника по науке.

Без труда учёные прошли все кордоны аэропорта и вскоре оказались в самолёте, следующем в Атланту. От экскурсии по Нью-Йорку Профессор отказался, так как времени было в обрез.

В Атланте их встречали известные учёные из Швеции и Японии. Профессору стало как-то даже неловко от такого дружеского внимания. Ему подумалось, что это, может, из-за напряжённой обстановки в СССР и их сочувствия и понимания.

В лимузине по дороге в гостиницу разговорились. Вдруг американский коллега обратился к Профессору:

– Разреши задать тебе бестактный и нескромный вопрос: какая у тебя зарплата?

– Пятьсот семнадцать рублей в месяц, – ответил Профессор.

– Стой! Стой! – хором воскликнули шоферу учёные, знающие, как взлетел курс доллара в СССР. Выбежали из машины и удивлённо затарахтели:

– Ты, известный в мире учёный, получаешь семнадцать долларов в месяц?! Это что? На чашку кофе?

Профессор пожал плечами, нет, не на чашку кофе, просто это была совсем недавно неплохая советская зарплата, министр столько получал, а сейчас инфляция, доллар подскочил до 30 рублей и всё пошло-поехало. «Пошло-поехало» на английский не переводилось, но друзья закивали головами сочувственно.

– Надеюсь, что скоро всё образуется! – бодрым голосом заключил Профессор, ещё не зная, в какую пропасть начала падать могучая советская наука.

Атланта находилась в своём лучшем виде. Осенние краски природы в лучах уже нежаркого солнца навевали спокойствие и умиротворение.

День выступлений и докладов прошел успешно. Профессор с блеском прочитал доклад по вопросам инженерной психологии и дизайну в самолётостроении. Правда в конце выступления посыпались вопросы не по теме доклада, а о том, что происходит в СССР, и какова перспектива советской науки. Русский учёный постарался избежать отрицательных оценок происходящего и свёл всё к тому, что страна выходит из августовского кризиса и все надеются на лучшее.

Ему, учившемуся в МГУ в одно время с президентом страны и его супругой, до недавнего времени казалось, что наступили новые

времена для науки и творчества, впервые началось формирование гражданского общества.

На следующий день группа учёных-эргономистов отправилась на автомобильный завод Форда. Профессор с любопытством наблюдал цикл производственных операций по сборке автомобилей. Вдруг его внимание привлекла неудобная поза рабочего, проверяющего сварной шов крыла колеса и кузова. Он машинально воскликнул:

– Зачем он так делает? Это можно делать гораздо проще! Рабочему надо просто принять другую позу и повернуться под небольшим углом к кузову автомобиля!

Ведущий экскурсию менеджер подошёл к Профессору, переспросил, попросил показать, записал его мысль и повёл группу дальше. В конце экскурсии попросил Профессора зайти к нему в кабинет. Довольный, что они могут обойтись без переводчика, ибо учёный неплохо владел английским, менеджер предложил ему контракт на один год работы на этом заводе.

– У вас будет хорошая квартира, годовая зарплата двести тысяч долларов.

– А что я буду делать? – спросил Профессор.

– Наблюдать за производством и задавать вопросы, подобные тому, какой вы задали сегодня в цехе. Завтра буду ждать от вас ответа.

Профессор знал, что ответ будет отрицательным, но всё же оставил его до завтра. Маститые коллеги из других стран удивлялись, что этот русский учёный твёрдо стоит на своей позиции: работать только в родной стране. И даже сейчас, когда науку заштормило политическими вихрями, он с головой уходил в новые научные разработки, писал ценные статьи, подготовил со своим аспирантом первую в мире научно-популярную книгу «Популярная эргономика». Да, зарплату ему предложили в тысячу раз большую, чем он получает, но как не вспомнить высказывания академика Н.Я. Марра: «Как! Чтобы учёный спрашивал, сколько он будет получать жалованья? Какой же он тогда учёный?»

Третий день конференции предоставили участникам для отдыха. Профессору предложили посетить лучшие магазины и развлечения.

– Я бы хотел посетить музей Скарлетт, – получили ответ слегка удивлённые иностранные коллеги. Из них никто не побывал в этом музее, обычно находя «более серьёзные цели». Тем не менее, всё было организовано.

И вот на Персиковой улице показалось бело-бардовое трёхэтажное здание музея Маргарет Митчелл. Несколько американских учёных сопровождали Профессора на экскурсии сначала из уважения к нему, затем постепенно проникались интересной беседой экскурсовода и меткими вопросами русского коллеги, показавшего недюжинные знания американской литературы и в частности романа «Унесённые ветром». А когда перебрались в музей одноимённого фильма, расположенный неподалёку, увидели экспонаты со съёмки, кадры из фильма, платья Вивьен Ли, романтическую атмосферу обстановки, да ещё совершили поездку в филиал музея «Дорога в Тару» с посещением особняка плантации Тара, бульвара Тары, перекрёстка Рэтта Батлера и Скарлетт, то уже вся компания была поклонниками знаменитого литературного шедевра.

– Ну, Профессор, удивили же вы нас! Давно так не отдыхали! – в один голос заявили экскурсанты. Кстати, в группе оказался и менеджер от завода Форда, который, несмотря на отказ Профессора, решил пообщаться с эргономистами и взял на себя организационные расходы.

Дорога домой выпала на воскресенье. Профессор окинул взглядом красивый вид осенней Атланты с гостиничной площади и сел в лимузин рядом с сопровождающим американцем. Каково же было его удивление, когда в аэропорту его ждала вся группа, ездившая с ним по музеям Скарлетт. В день воскресного пикника редко кто расстаётся с семьёй или близкими, а тут все пришли попрощаться с русским Профессором.

– Мы решили тебя проводить и подарить на память статуэтку Скарлетт! – от имени всех проговорил американский коллега.

– Спасибо, друзья! – ответил растроганный Профессор. – Надеюсь, что когда-нибудь мы соберёмся у нас в Москве! – сказал он напоследок.

«А для жены теперь есть отличный подарок», – уже про себя подумал он с улыбкой.

ЛЮБИТЬ СВОЙ ГОРОД

(к 455-летию Орла)

Хотите из 2021 года в 1965-й? Пожалуйста!

6 октября 1965 года вечерний, незнакомый город Орёл встретил приветливыми, разноцветными неоновыми вывесками и фонарями. С интересом читал надписи: «Вокзал станции Орёл», «гастроном “Экспресс”», «кинотеатр “Родина”», «гостиница “Орёл”», «Универмаг». С моста вдали: «Почтамт», «Слава КПСС», снова по улице: «Нептун», «Галантерея», «Храните деньги в сберегательной кассе», «кинотеатр “Октябрь”»... Наконец «Автовокзал». Сразу видно, что этот город гораздо крупнее нашего Экибастуза, да и неоновых вывесок у нас ещё не появилось.

Наутро я по привычке отправился на пробежку. Поразило то, что от подъезда тянулся вдаль яблоневый сад, на ветвях спокойно висели оставшиеся от сбора яблоки. В нашем городе яблоки тогда не выращивали, а росшие у кого-то в огородах дички (так мы называли маленькие яблочки) мальчишки воровали до последнего плода.

Поступил в положенный мне 8-й класс 24-й школы. Рядом оказался спортклуб «Трудовые резервы» – записался в секцию бокса, покинув аналогичную в Казахстане. Понравился тренер Пахомов Иван Иванович. Зимой здесь есть где разгуляться. Запомнилась поездка в Думчино на целый день. Там, где я жил прежде, вокруг была сплошная степь, ветры часто сметали снег до земли, какие уж тут лыжи! Каток на стадионе «Динамо» был самым популярным у орловцев, хотя катки заливали и на стадионах «Трудовые резервы», имени Ленина и в других местах.

Весна и лето 1966 года были очень насыщенными. Я всё больше познавал город, и он мне всё больше нравился. Катался на автобусах по разным маршрутам, полюбил трамвай как новый вид транспорта, особенно нравилось кататься на лодке. 40 копеек стоил

час проката, рубль позволял два часа кататься и ещё съесть мороженное.

А город готовился к грандиозному празднику – 400-летию со дня основания. Ещё в конце мая мы с одноклассником ели окрошку у его бабушки в домике на берегу, где сливаются Ока и Орлик, а в июле этот домик снесли и стали возводить юбилейный обелиск.

Подошли выпускные экзамены за 8-й класс, затем родители вручили мне путёвку в спортивный лагерь «Смена». Оказалось, это настоящий палаточный городок, собравший в основном спортивных ребят. Расположен в лесочке за городом в стороне, где находится деревня Гать. Питаться мы ходили в любую погоду в ресторан «Цон», что нам очень нравилось. С нами жили и тренировались известные в стране спортсмены Валентина Тихомирова, Ираида Кривоускина, группа велосипедисток и другие.

Не успел я вернуться из «Смены», как меня уже ждала путевка в пионерский лагерь «Строитель». Этот лагерь напомнил мне «Орлёнок» на озере Жасыбай в Казахстане, где я проводил летние каникулы с 1-го по 7-й класс. Вокруг зелёный лес, небольшой пруд, бассейн для самых маленьких, очень красивая кедровая роща. Детей было, как и там, 16 отрядов. Необычно для этих мест под Орлом звучал восточный язык. Оказывается, половина детей приехала из далёкого Ташкента, там недавно произошло землетрясение, и Россия мгновенно откликнулась на беду братского народа.

После лагеря все, кто жил на Наугорском шоссе, узнали, что их переводят в новую, 36-ю школу возле то же новой городской больницы имени Семашко. Опять новые друзья, новые одноклассники, оказалось, наш девятый класс был единственным старшим классом во всей школе, хотя следом шли по несколько восьмых, седьмых и так далее классов. Приятно было ощутить себя хозяевами в школе, ибо все серьёзные вопросы повседневной жизни решались в первую очередь с нами.

За зданиями больницы и школы город заканчивался, в окна класса виднелись бесконечные яблоневые сады и голые овраги, по которым мы носились на лыжах зимой. Классным руководителем нам назначили Юлию Всеволодовну Крутикову, молодую учительницу истории.

А город в сентябре начал широко праздновать своё 400-летие. У слияния Оки и Орлика уже стоял красивый обелиск, на стадионе имени Ленина состоялся грандиозный праздник с участием знаменитых артистов, ветеранов Великой Отечественной войны, гимнастов, акробатов, парашютистов.

В нашей школе тоже состоялся праздничный вечер старшеклассников, где одноклассники проявили все свои таланты в искусстве. Я стал привыкать к замысловатым фигурам орловских улиц, так отличавшихся от строго параллельных и перпендикулярных в Экибастузе. Запомнились поездки всем классом в Ясную Поляну и Спасское-Лутовиново. Когда на летних каникулах после девятого класса я поехал к родственникам в далёкую Сибирь, то уже рассказывал об Орле, как об обжитом городе, в котором есть масса достоинств и достопримечательностей.

После окончания школы решил поступать на физмат в Орловский государственный пединститут, так как дневные отделения были только в двух вузах – педагогическом и машиностроительном (он был тогда в ранге филиала московского института). Нравилась математика и совсем не думалось стать учителем. Постепенно втягивался в учёбу. После второго курса была работа вожатым в лагере «Строитель», где ещё несколько лет назад отдыхал в первом отряде. Затем на третьем и четвёртом курсах – практика в школе в восьмом и десятом классах. Мне стала нравиться профессия учителя, хотелось работать с учениками, видя как они овладевают математическими знаниями и смело решают казавшиеся ещё вчера неразрешимыми задачи. Кроме того, есть о чём поговорить с учениками, если сам обладаешь кругозором и умением вовлечь в разговор и познавательную деятельность юных собеседников.

Кроме педагогической практики запомнились сельхозработы в Новодеревеньковском и Должанском районах. Не скажу, что мы туда рвались, но впоследствии этот опыт оказался полезным.

В городе появились новые заводы: Сталепрокатный, УВМ, Научприбор и другие. Строились девяти-, двенадцати- и шестнадцатиэтажные дома, открылся кинотеатр «Современник», на улицы вышли впервые троллейбусы, Оку украсили речные трамваи, из песчаного карьера в Ботанике родилось озеро «Светлая жизнь».

Был открыт величественный памятник Ивану Сергеевичу Тургеневу, принял первых посетителей музей Николая Семёновича Лескова...

Я всё больше проникался красотой города, особенно его стариной, бродя часами по старинным улочкам, любуясь деревянной резьбой, узорчатой лепкой каменных строений. Студенческие годы закончились довольно быстро. Я чувствовал, как занятия, сессии, вечера и вечеринки с песнями, танцами, где мне пришлось несколько лет быть баянистом, плавание в бассейне, частые поездки в Москву и небольшой опыт учителя математики совершенно преобразили того старшеклассника, о котором я писал вначале. Добрым словом хочется вспомнить таких замечательных педагогов, как ректор Георгий Михайлович Михалёв, Дмитрий Григорьевич Курбан, Ахмет Латифович Бадоев, Раиса Гавриловна Проскурина, Галина Алексеевна Александровна, Леонид Яковлевич Цехновичер, Владимир Владимирович Ветров, Святослав Михайлович Горшенин, Георгий Сергеевич Львов и другие.

По распределению, которое было обязательным для всех выпускников советских вузов, я прибыл в Глазуновский район и был принят на работу в отдел народного образования. Побывав за два месяца в школах района (где пешком, где на попутке), убедился в том, что труд сельского учителя – поистине героический труд.

И тут пришла повестка в армию. Набралось двести призывников с высшим образованием (обладателям дипломов полагалось тогда служить год, а не два, как остальным). К нашему удивлению, всех привезли в Домодедово, посадили в самолёт и доставили на остров Сахалин. Вот здесь я уже скучал по Орлу как по родному городу. Однажды в карауле, в метель, увидел на воротах вырезанную ножом надпись «Орёл» и так стало приятно и тепло на душе. Погладив ласково надпись, я решил строить жизнь после службы только в родном городе.

Так и вышло. По возвращению на меня посыпались десятки предложений – в «Артек» воспитателем, во дворцы пионеров, в Замбию учителем математики после курсов английского языка (сегодня бы столько предложений молодёжи!)... Но я зашёл во 2-ю школу, где проходил педпрактику, и директор предложила мне

вести математику в двух девярых и двух десятых классах. Теперь уже на деле я убедился, что хороший учитель – это призвание, огромный авторитет и необыкновенное удовлетворение от положительных результатов. Так или иначе, но судьба привела меня на комсомольскую работу в Орловский техникум железнодорожного транспорта, наверное, как молодого, подающего надежды активного педагога. Круг общения значительно расширился. В зональной комсомольской школе в Курске Орёл представляли несколько человек. В Воронеже, Белгороде, Курске мы всеми силами прославляли свой край учёбой, самодеятельностью, знанием достопримечательностей своей области. Здесь я убедился, как важно знать свою малую Родину.

А Орёл на глазах прирастал новыми учебными заведениями. Появились филиал Московского института культуры, Высшее командное училище связи, школа милиции, дневное отделение института торговли. Особенно радовались девушки Орла: женихов стало – хоть отбавляй.

Драматический театр имени И.С. Тургенева переехал в новое здание на площади Ленина. Да и сама площадь Ленина появилась как из сказки. Вместо участка бульвара, ведущего от почтамта к Городскому саду, и трамвайных линий образовался красивый ансамбль центрального места города для самых ярких праздников и торжеств...

Ещё работая в школе, женился, а, возглавляя комсомольцев в техникуме, стал отцом дочери. Прилетевшая с Сахалина мать жены уговорила переехать на далёкий остров, чтобы помочь растить внучку. Терять было нечего, квартирой ещё не обзавелись, только Орёл было жаль покидать, хотя убедил себя в том, что это временно. И тут я наслаждался работой учителя, неожиданно широко. Кроме математики, директор школы уговорила меня вести уроки пения, узрев в моих документах, что я окончил музыкальную школу, а из школы бывший учитель пения уволился. Эта неожиданность меня не сильно испугала. А почему бы не попробовать?! Так в итоге я сделал потрясающий вывод о том, что урок пения по эмоциональному и воспитательному значению выше и значимее, чем урок математики. Когда вся школа стоит на линейке и под твой баян поёт

Гимн Советского Союза, невольно выступают слёзы радости, гордости и восхищения.

А ещё возглавлял школьный лагерь труда и отдыха «Белые скалы». Меня опять заметили и пригласили, сначала на комсомольскую, затем на партийную работу. В городах Сахалина, в Хабаровске и Владивостоке я всегда рассказывал, что жил и работал в Орле, рассказывал о том, какой замечательный край – Орловщина.

И время прощания с Дальним Востоком пришло. В 1981 году решил вернуться в Орёл, где овдовел отец, а маленькому сынишке не совсем подходил суровый климат Сахалина.

И вот я снова в родном городе. Предложили работу директором областного драматического театра имени И.С. Тургенева. Более оригинального предложения я не мог представить, однако дал согласие и взялся за работу. Спектакли «Гребёж» Н.С. Лескова, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова, «Стакан воды» Э. Скриба, «Школа злословия» Шеридана, «Провинциальные анекдоты» А.В. Вампилова и другие украшали репертуар театра не хуже столичных театров. Гастроли в городах Кировоград, Нальчик, Харьков, Тернополь, Винница, Чернигов, Москва проходили с аншлагами. Здесь я имел честь открывать гастроли приветственным словом от земли Орловской и прославлять наш край, а артисты театра подтверждали мои слова великолепной игрой.

Каких только красот я не насмотрелся в этих местах, однако всё больше убеждался, что наш Орёл не уступает никому. Не зря высокую оценку Орлу и его Тургеневскому театру дали Элина Быстрицкая и Олег Табаков, сыгравшие в спектаклях «Стакан воды» и «Провинциальные анекдоты» на нашей сцене.

К 1990 году мой бывший главный режиссёр Леонид Юрьевич Моисеев возглавил Орловскую писательскую организацию (он был драматургом, членом Союза писателей СССР и Заслуженным деятелем искусств РСФСР). А я трудился в институте проблем информатики АН СССР, заканчивая аспирантуру. Обстановка того времени была горячая, будущее страны потеряло очерченные десятилетиями чёткие контуры. В то же время открылись небывалые ранее возможности самим создавать новое.

Ответственный секретарь орловских писателей предложил создать литературную газету с романтическим названием: «Вешние воды». Я участвовать в этом деле отказался, мало веря, что в Орле газета окупит все затраты и материально крепко поддержит писателей.

Однако Моисеев был неуправляем, и газета вышла в свет в марте 1990 года. На личном энтузиазме нашёл спонсоров, хотя бухгалтерией и хозяйственной работой никогда не занимался. После трёх-четырёх выпусков, деньги кончились, и дело приостановилось. Важно, что в это время приостановили выпуск книг все издательства, вдруг не стало денег на новые издания, в типографиях исчезла бумага, резкий переход с плановой жизни на хозрасчёт сделал жизненно важными спрос, рентабельность, прибыль...

Орловские писатели вместе с известным прозаиком Иваном Рыжовым пришли ко мне со смелым предложением создать издательство. В Орле областное издательство закрылось ещё в 1964 году. Единственное, что могли предложить, – кабинет в писательской организации и десятки рукописей профессиональных авторов, то есть всех орловских писателей.

Учитывая, что обстановка в науке оказалась не лучше, чем у писателей, а тут хоть есть партнёр, которого я знаю, да и половина писателей мне давно знакома (вплоть до совместных выступлений), я дал согласие на создание малого предприятия «Издательство «Вешние воды»». На что надеялся? Только на понимание руководителей предприятий и организаций важности и роли литературы, на авторитет и уважение орловских писателей, короче говоря, на то, что найду какие-то средства на возобновление выпуска газеты, а дальше будем издавать и продавать книги. Итак, 27 сентября 1990 года малое предприятие «Издательство «Вешние воды»» было зарегистрировано Заводским райисполкомом.

Газета стала выходить регулярно два раза в месяц, подписалось на 1991 год более тысячи читателей. Среди подписчиков были Олег Табаков, певец Михаил Муромов, заместитель министра автомобильных дорог Геннадий Иванович Донцов, первый заместитель министра ЖКХ РСФСР Альберт Петрович Иванов и другие.

Осенью 1990 года состоялся последний съезд Союза писателей РСФСР, на который мы с Моисеевым привезли 500 экземпляров газеты «Вешние воды», посвящённой 120-летию Ивана Бунина. Оставили всю пачку в фойе на лавочке и положили рядом монетку 20 копеек. В первом же перерыве газета исчезла, а на месте пачки лежала куча серебристых монет. Думаю, что это было одним из самых ярких «выступлений» на съезде.

О газете, а главное, об Орле с литературной точки зрения узнали многие. Новое руководство Союза писателей РСФСР создало Издательский Совет при СП, куда вошёл и директор издательства из Орла. Последующие три года были нелёгкими как в стране, так и в Орле. Вместо стабильно работающих крупных предприятий появились тысячи начинающих предпринимателей, которые мало интересовались литературным процессом и приобретением книг.

Наступил 1993 год, орловцы избрали главой областной администрации вернувшегося из Москвы Егора Семёновича Строева. Писателей стали замечать, раскатистый бас Моисеева частенько раздавался в стенах местной власти, а с Леонидом Юрьевичем здесь были, как правило, я и несколько самых авторитетных писателей. К первым небольшим книжечкам, изданным на средства спонсоров, стали добавляться более солидные, изданные на бюджетные средства.

Летом 1994 года в Москве состоялся съезд Союза писателей России, где председателем Правления был избран Валерий Николаевич Ганичев, работавший ранее главным редактором издательства «Молодая гвардия» и газеты «Комсомольская правда», популярного журнала «Роман-газета». Нас с Моисеевым поразили его энергия, уверенность в разговоре с именитыми писателями, а главное, доброта во взгляде. Каким-то образом Орёл с литературной газетой «Вешние воды» и пятнадцать свежеизданными книгами попали в поле зрения Ганичева.

Буквально через месяц в Союзе писателей на Комсомольском проспекте в Москве состоялась первая «Литературная горница» с участием орловской писательской организации. Выступили Виктор Дронников, Ирина Семёнова, Юрий Оноприенко, Василий Катанов и другие. В ту пору, когда издательства России букваль-

но остановились, новые орловские книги порадовали почётных гостей горницы. А это были Сергей Михалков, Михаил Алексеев, Валентин Распутин, Василий Белов, Юрий Бондарев, Валентин Сорокин, Игорь Ляпин, Сергей Лыкошин, Валерий Рогов.

Когда Ирина Семёнова читала стихи, Михалков не удержался и громко произнёс: «Да это же настоящие стихи!» Присутствовавшие с нами Егор Семёнович Строев, Анатолий Александрович Мерцалов, Иван Яковлевич Мосякин только заулыбались. За Орёл было не стыдно. Орловское телевидение получило на передачу массу положительных откликов.

В конце лета Л.Ю. Моисеев всегда уезжал в Крым, в писательский пансионат Коктебеля. На этот раз он с супругой встретил там В.Н. Ганичева, также отдохнувшего с супругой. Ставшие товарищескими отношения всё больше перерастали в дружбу. А результатом стала идея провести пленум Союза писателей России именно в Орле, где налицо яркая писательская жизнь, выходит литературная газета, издаются книги, а ещё есть внимание, поддержка и уважение со стороны властей во главе с Е.С. Строевым, который поможет с самым щекотливым вопросом: «Где найти финансы?». И Егор Семёнович дал «добро».

Орёл, конечно, видел на своём веку немало выдающихся личностей, в том числе великих артистов, писателей. Когда на перрон вокзала вышли двести писателей самых известных не только в России, но и в читающем мире, орловцы не поверили своим глазам. А писатели, уже окунувшиеся в океан жажды наживы, где нет места настоящей, духовной литературе, потерявшие достойные гонорары за статьи в периодике, за изданные многотысячными тиражами книги, переставшие ездить в творческие командировки и теряющие общение с коллегами, с радостью стали жать руки и обниматься.

Несколько дней Орёл гудел как улей от общения с волшебниками русского Слова. Для пленарных заседаний им был дан большой зал областной администрации, Строев не только с интересом присутствовал на выступлениях, но даже не ушёл на звонок президента страны, ответив ошарашенному помощнику: «Я беседую с русскими писателями! Позже перезвоню».

Надо ли говорить, как пела душа от радости и гордости за Орёл? ! Мне доверили издать стенограмму пленума, а также изготовить дипломы лауреатов Всероссийских литературных премий имени И.А. Бунина, Н.М. Карамзина, А.А. Фета, учреждённых Администрацией Орловской области и Союзом писателей России на прошедшем литературном форуме. Так для всей России Орёл стал ярким примером поддержки литературного процесса в отдельном регионе, а Пленум стали называть возрождающим и объединительным.

Печальная весть как молния ударила орловцев: скоропостижно скончался Леонид Юрьевич Моисеев. Сколько не свершившихся дел и надежд этого талантливого человека кануло в лету! На его место писатели выбрали Геннадия Андреевича Попова, уволившегося ради работы с писателями с должности главного инженера известного завода. Нелегко было без Моисеева продолжать дело, но поняли с новым секретарём, что сохранить достигнутые позиции орловских писателей просто необходимо.

В феврале 1997 года в Москве проходили Дни культуры Орловской области. В Манеже среди других экспонатов стоял большой стенд «Книги орловских издательств», где основную площадь занимали новинки «Вешних вод». Появился первый полноформатный альбом знаменитого художника Андрея Ильича Курнакова, в Союзе писателей состоялась презентация внушительного подарочного тома стихов известного в СССР орловского поэта Дмитрия Блынского. Орёл не сходил с уст москвичей и гостей столицы.

С лёгкой руки Валерия Ганичева Орёл стали именовать «третьей литературной столицей», обращаясь к великим предшественникам XIX-XX веков и с учётом того, что литературная жизнь и сейчас не остановилась. После знаменитого пленума в Орле ежегодно стали вручать три литературные премии, слава Строева укрепилась прочно среди писателей России, книги «Вешних вод» стали выставляться на книжных выставках-ярмарках, на встречах и выездных пленумах и секретариатах Союза писателей России. Не забудутся поездки в Краснодар, Якутию, Санкт-Петербург, Курск, Белгород, Калугу, Смоленск, в Константиново и Рязань, Бурятию. Везде мы с Поповым дарили книги и делились опытом работы.

С первых лет работы издательство стало сотрудничать с профессиональными художниками, а не только с типографскими мастерами кисти, благо у нас с Моисеевым был опыт в театральной деятельности. Дружба писателей и художников становилась творческим сотрудничеством. Книги Василия Катанова оформлял Владимир Неделин, Виктора Дронникова – Юрий Черкасов и Николай Силаев, Ивана Рыжова – Николай Силаев, Ирины Семёновой – Ольга Душечкина, Ивана Александрова – Валентин Кузнецов и Валерий Михеев, Геннадия Попова – Анатолий Костяников. Валентины Корневой – Татьяна Блинова, Владимира Ермакова – Николай Силаев и Татьяна Блинова, Вадима Ерёмкина – Любовь Жмакина и другие.

Ярче стали проводиться литературные праздники, посвящённые Афанасию Фету, Елене Благиной, Александру Сергеевичу Пушкину и т.д. Нередко приезжали в Орёл Владимир Костров, Пётр Проскурин, Егор Исаев, Игорь Ляпин, Лариса Баранова-Гонченко, Анатолий Парпара. Дружба с музеями вылилась, к примеру, в выпуск «Краеведческих записок» областного краеведческого музея на протяжении двадцати лет, а дружба с композитором Евгением Дербенко помогла появиться на свет нотному сборнику произведений автора «Сладки мне родные звуки».

В конце девяностых – начале двухтысячных всё активнее начали выходить книги по краеведению. Годами собираемые материалы, уникальные фотографии наконец увидели свет. Среди них «Однажды в Орле», «Сабуровская крепость» Василия Катанова, «Орёл изначальный» Владимира Неделина, «Кривцовский мемориал» Сергея Фёдорова. «Сергей Есенин и Зинаида Райх» Антонины Гольцовой, «Орловские губернаторы» (подготовили сотрудники Госархива области), «Неутомимый труженик: К 100-летию Орловского трамвая» Александра Лысенко, «Жизнь Ростопчина» Алексея Кондратенко, «Из прошлого» Бориса Антипова, фотоальбом «Орёл. XX век в лицах» Владимира Коробкова и Леонида Тучнина, «Почётные граждане города Орла» Антонины Гольцовой, Валерия Ерёмкина, Александра Лысенко (1-е и 2-е издания) и другие.

С первых дней создания издательства с нами поддерживал связь председатель Орловского землячества в Москве Альберт Пе-

трович Иванов, в советские времена работавший первым заместителем министра ЖКХ РСФСР. В Москву он был назначен из Орла, где на высших должностях более двадцати лет делал большие дела на благо города и области. Рукописи своих первых книг: «Исповедь непокорных», «Путь России в XXI век», «Судьба Российского Отечества. Взгляд на историю из XXI века», – он отдал не в московские издательства, а именно в «Вешние воды». А в землячество стали вступать многие солидные работники и творческие личности, ранее работавшие в Орле. Мало того, что Иванов помогал издательству, издавая книги за свой счёт, так он с Ганичевым ещё учредил ежегодную литературную премию «Вешние воды» за достойное продолжение творческих традиций Орловского края.

После крупного совещания ведущих библиотекарей России, состоявшегося в Орле в начале двухтысячных, наши книги заметили и сотрудники Российской Библиотечной Ассоциации (РБА), пригласили на книжную выставку-ярмарку в Санкт-Петербург вместе с областной публичной библиотекой имени И.А. Бунина. Так под маркой нашей библиотеки и издательства «Вешние воды» орловские книги стали частью экспозиции РБА и осенью 2002 года поехали на самую известную в мире выставку-ярмарку во Франкфурт-на-Майне.

На следующий год Германия принимала российскую делегацию в ранге Почётного гостя. Мне удалось занять видное место на стенде РБА, да ещё выставить книги издательства «Орлик» моего орловского коллеги Александра Воробьёва. Кроме того, несколько книг «Вешних вод» выставило на презентабельном стенде Агентство печати и массовых коммуникаций России, а на стеллаже «Группа 17-ти» красовались книги Ивана Рыжова, Юрия Оноприенко, Алексея Шорохова. Очень было радостно за Орёл, ведь многие посетители ярмарок услышали о нём впервые. Это подтвердил известный славист из Франции Рене Герра, хорошо знающий Орёл и даже имеющий большую коллекцию открыток Орла царских времён.

В 2004 году Россию пригласила Парижская выставка-ярмарка. От нашей страны участвовали всего 24 издательства, 23 из них были из Москвы и Петербурга, и только один Орёл представлял российские регионы. Европейское радио RF рассказало об этом,

дало в эфир интервью со мной, взятое журналистом-эмигрантом Виталием Амурским.

2005 год Париж объявил «Годом России». Здесь состоялись незабываемые встречи с внуком орловского губернатора рубежа XIX и XX веков А.Н. Трубникова Юрием Александровичем Трубниковым и родственницей губернского предводителя дворянства тех времён Марией Алексеевной Стахович. Подарить в Париже орловские книги потомкам русских эмигрантов, когда-то возглавлявших Орловскую губернию, – о таком можно было даже не мечтать ещё каких-то пару десятилетий назад.

Важно отметить, что Россия до 2014 была желанной и привлекательной на всех книжных форумах. Мир знакомился с книжной культурой страны после многолетнего железного занавеса. Ярмарок было огромное количество, но я старался попасть на основные, где Россия была в статусе Почётного гостя, да и времени и средств для участия во всех форумах не было. Удалось показать орловские книги в Женеве, Пекине, Гаване, Дели, Мадриде, Ашхабаде, Турине, Нью-Йорке, Лондоне.

После моего возвращения в Орёл издательство получало сотни писем о сотрудничестве, предложений от типографий разных стран издаться у них и, конечно же, от авторов рукописей как известных, так и начинающих. Однако, пойдя мы им всем навстречу, началась бы обыкновенная коммерческая жизнь, а издательство создавалось в основном для талантливых орловцев. Книги «Орёл изначальный» Владимира Неделина, «Портреты современников», «Этюды», «Диорамы» Игоря Круглого – исследования творчества знаменитого художника Андрея Курнакова, фотоальбом «Орёл вчера и сегодня» Александра Лысенко, Олега Попова, Виталия Сидорова, поэтично-художественный альбом Геннадия Попова и Анатоля Костяникова «На тысячу вёрст кругом Россия» и другие подняли «Вешние воды» на новый уровень высококачественных, иллюстрированных изданий. К слову писателя добавились альбомы художников и фотомастеров.

К своему 450-летию Орёл подошёл значительно обновлённым, ещё шире расправил крылья на культурном пространстве России.

Много отремонтировано дорог, зданий, заново облицованы на-

бережные, произведён капитальный ремонт театров, музеев, удалось выпустить подарочные альбомы, открытки, книги. Конечно же, российские грамоты, дипломы, медали, значки и статуэтки не раз вручались как авторам, так и издательству, хотя финансовые возможности и поддержка таяли, книжные магазины редели, но это происходило по всей стране, а не только в Орле. И что, разве прихворнувшую Родину можно меньше любить?

Хочется верить, что настанет день, когда 5 августа весь Орёл выйдет в праздничных нарядах отмечать День города, где заработали сотни промышленных предприятий, а люди стали получать достойные деньги, где в многочисленных книжных магазинах толпятся читатели в очереди за книжными новинками и автографами известных орловских писателей.

За следующие 55 лет Орёл станет ещё лучше.

СТИХИ

ЛЮБОВЬ И ТВОРЧЕСТВО

Я потерял любимую, Пегас!
Зачем меня умчал ты в поднебесье?
Ты заманил меня своею песней,
Не дал прийти к любимой в нужный час.

Она ждала как никогда усердно,
Откинув все заботы и дела,
Минутой встречи только и жила,
А ты, Пегасина! Заржал, да так победно...

И понеслись с тобой мы по строкам,
Не ведая ни время, ни печали,
Амуры только головой качали,
Колчаны стрел прижавши по бокам.

Мы на лету охапки слов ловили,
Таких прекрасных, свежих и шальных –
Что нет в помине в словарях «стальных».
И строки лебединой стаей плыли...

А что любимая? – Она ждала меня,
И никакие строки ей не милы.
Ей нужен я, объятья, что есть силы
И весь пожар любовного огня.

НОЧЬ

Под звёздным куполом небес
Мы развели с тобой костёр,
Кольцом нас окружает лес –
В нём бриллианты белых гор.

Прижав к груди своей колени,
Ты зачарованно глядишь,
Как пляшет пламя на поленьях,
И слушаешь ночную тишь.

Мне кажется, что никогда
Ты не была такой красивой,
Как будто жрица у огня.
Но век какой? Скажи помилуй!

Ожила древняя легенда,
Костёр нас растворил в веках,
Душа моя поёт «крещендо»,
С тобой витая в облаках...

Огонь давно уже угас,
Лишь только дым спиралью вьётся,
В голубизне пропал Пегас,
Уж утро свежее крадётся.

Купаясь в золоте лучей,
Под пледом лёгкого тумана
Мы спим, обнявшись, соловей
Напрасно будит нас так рано.

ЦЕНТР ПРИТЯЖЕНИЯ

На берег моря ты пришла
И прилегла на полотенце,
Но всем казалось – ты сошла
С картины дивной... И коленца

Обильно стало отбивать
Вокруг тебя мужское племя.
На море, солнце им плевать,
Ты ж величаво несла бремя:

Закрыв глаза, раскинув руки,
Согнув колено чуть одно,
Лицо бесстрастно, капля скуки –
Всех опрокинула на дно!

И за одну твою улыбку
Все совершили б, чудеса:
Кто сплавал в Турцию, кто скрипку
Всю обломал о небеса.

Всё вертится вокруг светила,
Как астрономы говорят,
Но все светила ты затмила,
Мне все мужчины подтвердят.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ГЛАЗА

Шутка

Стоит только в них взглянуть,
Сразу можно утонуть.
Глубины их синева –
Так манит нырнуть до дна...

Если ты ныряльщик смелый,
Ловкий, сильный и умелый,
Плюнь на всё и вглубь ныряй,
Жемчуг сердца доставай.

Ну, а, если не способен
И собою не особен,
То старанья не нужны,
Лишь намочишь ты штаны.

МЫ СЫГРАЕМСЯ С ТОБОЙ

Стих мой лёгок и прозрачен,
Свежий как струя ручья,
Может с виду я невзрачен,
Но могу я сгоряча

Совершить такое чудо,
И, как будто невзначай,
Положить тебе на блюдо
Свой талант, ты не скучай!

Обниму тебя за шейку,
Поершу копну волос,
Расстегну застёжек змейку,
Искупаюсь в море слёз...

Как рояль великолепный
Под умелую рукой...
Пианист я очень редкий,
Мы сыграемся с тобой.

РЯДОМ С ТОБОЙ

Я всё отдал бы лишь за то,
Чтобы с тобою сидеть рядом,
Болтать тайком, встречаться взглядом.
Лететь, искать твоё пальто...

После уроков в раздевалке,
Чтобы подать его тебе.
И благодарным быть судьбе,
А после – умереть не жалко!

Но ты сидишь и не со мной,
Меня совсем не замечая,
С соседом весело болтая.
Где справедливость? Боже мой!

ПОЗДНЯЯ ВСТРЕЧА

Я полюбил тебя, с седьмого класса.
Дёргал за косы, кнопки подставлял.
Не мог прожить я без тебя и часа,
А ты сердилась, думала: «Нахал!»

Старалась избегать меня повсюду,
В глазах твоих порой таился страх,
А я мечтал, что я тебя забуду.
Совсем не знал тогда я о словах.

Не зал того, что можно объяснить,
Как же мальчишке слово произнести,
Сказать «Люблю!» ? – Уж лучше утопиться,
Чем уронить мальчишескую честь!

На выпускном была ты так прекрасна,
Как героиня модного кино
И так глядела на меня, напрасно,
Что взгляд живёт во мне давным-давно.

А я ? Что я?, Когда решился,
Ты двух детишек в детский сад вела
И грустно рассмеялась: «Ты добился!,
С седьмого класса этого ждала!»

ПЕРВОЙ

Где ты, моя первая любовь?
Память о тебе кольнет взволнованно.
Где ты, моя первая любовь?
Так ни разу мной не поцелована.

Двадцать лет приходишь ты во снах,
Редко, но всегда так неожиданно...
С тайною улыбкой на устах,
С красотой, более невиданной.

Но всегда мгновенье длится сон.
Ласки и слова, как дымка, тают.
Я как двадцать лет назад влюблен.
И тебя не разлюбить мне, знаю.

СТАРЫЙ ПАРК

Как давно сюда я не заглядывал
Старый парк, надеюсь, ты простишь?
Колесил по свету, не загадывал,
Что услышу снова твою тишь,...

Что усядусь на твоей скамеечке
Со словами «Нина плюс Сергей»,
Буквы затаило краской времечко,
Но на сердце стало веселей.

От того, что было столько славного
На твоих дорожках, площадях.
Сколько сказано, казалось, очень главного
И признаний было на устах

Танцы, карусели и качели,
И на чёртовом катались колесе.
Спустя столько лет понять сумели,
Как счастливы тогда были все.

Невзирая на национальность,
На чины родителей своих,
Мы ценили только ту реальность,
Что в себе мы видели самих.

Чу! Навстречу идёт парочка,
Хочется им скрыться от всех глаз.
Я уйду, пусть будет им подарочек,
А скамейка встретит их сейчас.

ИЗМЕНА

Ты уже разлюбила меня.
Я почувствовал лик измены,
Хотя ты, улыбкой маня,
Не показывала перемены.

Но я, чувствую, стал вторым
И не мной полны твои мысли.
Белый пух любви стал сырым,
Восхищенье и радость скисли.

Тебе трудно признаться мне,
Что другой тебе стал дороже.
Его имя шепчешь во сне,
А со мной становишься строже.

Я решусь на последний шаг
И соврзу, что люблю другую,
Что терпел и не мог никак
Подобрать минуту такую.

ТРОПИНКА ЮНОСТИ

Как заросла тропинка юности
Казалось, те же бы места:
И берег тот и те же шумности
У пешеходного моста.
Природа краски совершенствует.
Смелы осенние мазки
И как бальзам на душу действуют
Цвета, так яркие и дерзки...
Я сел на пень ракиты спиленной,
Что в детстве прутиком была.
А солнце греет так умиленно,
Как будто в небе поплыла
Душа – красивым белым облаком,
Любуясь красотой земли.
И никаким не схватишь Кодаком
Сей миг: любуйся и внемли.

ПО ДОРОГЕ В КАИР

Ты просто прелесть, а поездка
Вдруг стала райским уголком.
Луна светила сочно, веско,
Автобус мчался с ветерком.

Египет сонный в лунном свете
Взирает молча тыщи лет.
И знает тайны все на свете –
Ему порыв наш – не секрет.

И мы друг друга приласкали,
Пока все спят, а ночь светла...
Вот засмущались, и за краем
Вершины спряталась луна.

А нас окутало блаженство,
Нежнейших чувств и остроты
Момента: есть же совершенство,
Когда на свете я и ты.

СВИДАНИЕ

Каблучков быстрый стук, вихрь чёрных волос,
В блёстках инея вся дублёрка,
Презирая суровый февральский мороз,
На свиданье спешит девчонка.

Бабки в пухлых платках, лишь носы их торчат,
Холод шубы, и те пробирает,
Пробегают по улицам стайки девчат,
А девчонка та смело шагает.

Щёки ярко горят, на ресницах узор
Иней сделал похожим на сказку.
Засмотревшись, старик налетел на забор,
Везя воду домой на салазках.

Проходящие пары дорогу дают,
Мужской пол норовит обернуться,
Но попутчицы их начеку – тут как тут,
Заставляют, сердясь, отвернуться.

Им совсем невдомёк, что она ничего
На пути своем не замечает.
Ей скорей бы увидеть дружка своего,
Что сегодня ее поджидает.

Вот знакомая арка, родные глаза,
Руки держат гвоздики в газете,
Незаметно от счастья блеснула слеза –
Нету лучше минуты на свете.

МАЛЬЧИШКА ЧИТАЕТ ДЮМА

Потише! Мальчишка читает Дюма,
Ему не до пищи, ему не до сна.
Каждую букву ловят глаза,
В них радость и ненависть, гнев и слеза.

Какие уроки! Какая прогулка?!
Лишь сердце стучит возбуждённо и гулко.
Теперь это сердце героя романа,
Лишённое лести, фальши, обмана.

Каким благородством сияет лицо –
Гордость друзей и гроза подлецов!
Мысленно шпагу сжимает рука,
Враг отступает, расплата близка...

Ночь пролетела, алеет рассвет,
Бледным от лампы становится свет.
Щечкой прижавшись к последней странице,
Дремлет мальчишка, и что ему снится?

МАЙСКИЙ СНЕГ

Чудак ты снег! Зачем же в мае
Стараться землю всю укрыть?
А ты идёшь, прекрасно зная,
Что больше дня тебе не жить.

А может просто тебе трудно
С людьми расстаться до зимы?
Жизнь без которых будет скудной
И тебе хочется, чтоб мы

По- прежнему тебя любили
И восхищались бы тобой.
Друг друга лихо колотили
Снежками. Весело, гурьбой

Съезжали с гор на лыжах, санках
Ещё на том, на чём сидим,
Нахально лез бы к нам в ушанки,
Короче, б был незаменим...

Но что поделать, раз природа,
Тебе определила срок?
И за твой отпуск на пол-года.
Испили мы берёзы сок.

Теперь нам надо лета, зноя
И буйства зелени кругом,
Купанья в тёплых реках, море,
По лужам бегать босиком...

Так вот – не обессудь дружище –
Милости просим в декабре!
Сейчас ты просто «третий – лишний»,
Но лишь на время, как в игре.

Когда в день своего 85-летия на сцену театра Советской Армии должен был выйти Герой Советского Союза Алексей Маресьев, вышел конференсье и объявил, что в эти минуты его не стало.

ПРОЩАЙТЕ, АЛЕКСЕЙ МАРЕСЬЕВ!

Прощайте, Алексей Маресьев!
Вы снова взмыли в Поднебесье
В день юбилея. Восемь... пять...
На сцене радостно сиять
Должны в тот вечер были, но ...!
С лицом, что бело полотно,
Ведущий поднялся на сцену,
Настроя вызвав перемену,
Поверг всех в шок. Огромный зал
Вдруг застонал, когда узнал,
Что вместо нашего Героя,
Застыв в молчании и стоя,
Все наблюдали взлёт души
В звенящей давящей тиши,
Уже прощавшейся с Россией –
Страной, что в мире нет красивей,
Любовь, к которой помогла
Стереть всё зло тогда дотла,
И пятьдесят с лихвою лет
Мир подвиг помнит, и сюжет
С Маресьевым вошел навек,
Ведь он – советский человек!
Ничто не вечно под луной,
Хоть плачь, слагай стихи, хоть пой.
Но вечна память, и сейчас
Зависит многое от нас:
Души богатство сохраним –
Тогда душой мы будем с ним.
Прощайте, Алексей Маресьев!
Вы снова взмыли в Поднебесье.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУЛЬС ЮНОСТИ. Повесть.....	4
РАССКАЗЫ	
Экспромт.....	116
Маршал и тромбонист	120
О том, чего не знает Василий Катанов... ..	124
Без вины виноватые	130
Билет в детство	134
Встреча с Пушкиным	157
Извините нас... ..	159
Курьёзы стихии.....	163
Поэту разрешается.....	167
Разыграли.....	169
Скарлетт и русский Профессор.....	172
Любить свой город.....	177
СТИХИ	
Любовь и творчество.....	192
Ночь	193
Центр притяжения.....	194
Необыкновенные глаза.....	195
Мы сыграем с тобой	196
Рядом с тобой	197
Поздняя встреча.....	198
Первой	199
Старый парк.....	200
Измена	201
Тропинка юности	202
По дороге в Каир	203
Свидание.....	204
Мальчишка читает Дюма.....	205
Майский снег.....	206
Прощайте, Алексей Маресьев!.....	207

Александр Иванович Лысенко

ПУЛЬС ЮНОСТИ

Редактор *А. И. Кондратенко*

Технический редактор *Э. А. Ефимкова*

Корректоры *Н. П. Новикова, Г. И. Смолякова*

Подписано в печать 18.06.2021 г. Формат 60x84¹/₁₆. Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. п. л. 12,13. Тираж 1000 экз. Заказ № 768.

Издатель – ЛЫСЕНКО И. А.

Идентификатор – 87295

г. Орел, vduprom@mail.ru

Отпечатано в АО «Типография «Труд». 302028, г. Орёл, ул. Ленина, 1.